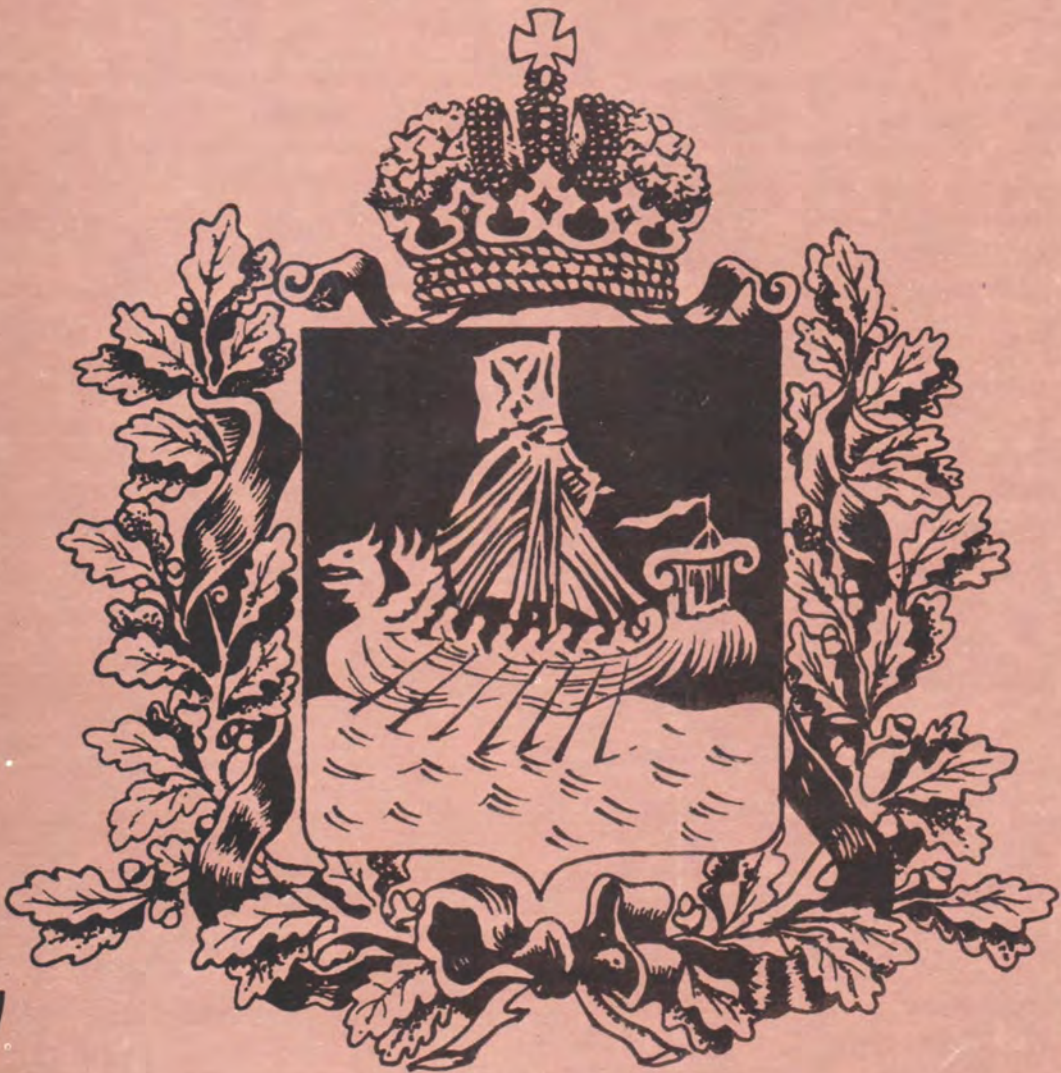

ГУБЕРНСКИЙ

ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

2/96

Время Общества Знание

- Как начинались Дни славянской письменности.
Вспоминает священник Вячеслав Шапошников. 3
- Костромской вертоград — явление в культурной жизни города. 6
- Мастерская. Творческий портрет Ирины Соглачаевой. 12
- Старые портреты. Документальные рассказы Бориса Гусева. 14
- В гостях у художника Алевтины Шевалдиной. 18
- Хранители и собиратели. Гармонный мастер Николай Андреев. 20
- Семейный альбом. Открытие предков. 22
- Опыт автобиографии. Ксения Котляревская. Жизнь с вещью. 24

Свидетельства Архивы Документы

- Памяти Ивана Васильевича Баженова. 27
- О Костроме и костромичах. Мемуары Александра Лаговского. 29
- Кострома книжная. 35
- Борис Негорюхин. Из библиотеки Корниловых. 38
- Виктор Бочков. "Загадки" Платона Актова. 43
- Журнальный архив. Книгарь. 46
- Всеволод Иванов. Усиление русской жизни. 49

Литература Искусство Культура

- Путеводитель по книжным сокровищам в вопросах и ответах. 53
- Обычаи и обряды. Народные песни, собранные Федором Лаговским. 66
- Издано в губернии. Литературные новинки 1995 года. 69
- Народное краснословие. Костромские сказки. 72
- Зри и помни. Записки поручика лейб-гвардии Семеновского полка. 74
- Новая веселая рубрика — "Бранделясы". 76

Учредитель - администрация Костромской области.
Попечители: областной государственный архив,
Костромское епархиальное управление, объединение "Костромакурорт",
областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).
Регистрационный номер Т-0162.

ОДННАДЦАТЬ С ЛИШКОМ ВЕКОВ ПРОШЛО С ТОЙ ПОРЫ, КАК ЯВИЛИСЬ В СЛАВЯНОКНЕ ЗЕМЛИ ОДУНОКНЕ БРАТЯ КИРИЛ П МЕФОДИЙ. ПРИНЕСЯ С СОБОЙ СВЕТ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. ОНИ ПЕРВЫМИ ПЕРЕВЕЛИ С ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА СЛАВЯНОКНІЙ ПЕСКОЛЬКО БОГОСЛУЖБЕННЫХ КНИГ, ОЗДАЛИ

СЛАВЯНОКНЮ АЗБУКУ, КОТОРАЯ ЛЕГЛА В ОСНОВУ РУССКОГО АЛФАВИТА. СКОЛЬКО ПОКОЛЕНІЙ РУССКИХ ЛЮДЕЙ ПОВТОРЯТ ПОТОМ ЭТИ БУКВЫ КИРИЛЛИЦЫ — АЗ, БУКЦ, ВСАИ... СКОЛЬКО ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ В ОБЛАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА БУДЕТ БЛАГОДАРИ НИМ СДЕЛАНО...

ПРОСВЕЩЕНИЕ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ

Одиннадцатый раз в нашей стране будет широко отмечаться праздник славянской письменности и культуры. Истоки праздника неразрывно связаны с чествованием святых Кирилла и Мефодия, историческая заслуга которых состоит в создании славянской азбуки и переводе на старославянский язык основных книг духовного наследия христианской цивилизации. Это было величайшим событием в истории славянской культуры. Его значение не ограничивалось лишь внутрицерковным употреблением, но открыло историю самостоятельных литератур славянских народов.

Введение славянской азбуки на Руси совпало со становлением российской государственности. Кирилло-мефодиевское наследие оказало огромное влияние на развитие русской культуры вообще и русской книжности и литературы — в частности.

Празднование памяти святых братьев еще в старые времена имело место у всех славянских народов, но затем, под влиянием различных неблагоприятных исторических и политических обстоятельств, было забыто. В 1863 г. в России было принято решение праздновать память святых Кирилла и Мефодия 11 мая (24 мая по новому стилю).

Традиция общенационального, общественного празднования памяти солунских братьев и дней славянской письменности и культуры в современной России возродилась в 1986 г. в Мурманской области. Через два года торжества охватили "Золотое кольцо" и весь центр России.

День памяти святых — 24 мая — был и на государственном уровне в январе 1991 г. объявлен Днем славянской письменности и культуры.

Отличительная особенность данного праздника: ежегодно центром торжеств избирать новый город. В течение последних 10 лет такими центрами были города: Мурманск, Вологда, Новгород, Смоленск, Москва, Владимир, Белгород и другие. В Смоленской и Владимирской областях решением администраций 24 мая было объявлено нерабочим днем.

В каждом регионе праздник имеет свои особенности. В Новгороде Дни письменности проходили под знаком 1000-летия крещения Руси, в Ростове Великом этот праздник был совмещен с фестивалем колокольной музыки.

Лейтмотивом празднования Дня славянской письменности и культуры в 1995 году было 50-летие победы нашего народа в

Великой Отечественной войне. Центром торжеств стал г. Белгород. В пос. Прохоровка на добровольные пожертвования в короткий срок был возведен храм Петра и Павла в память погибших на Курской дуге, а на знаменитом Прохоровском поле построена звонница (по проекту В.Клыкова). Важным событием праздника стало посещение православными священнослужителями во главе с митрополитом Ювением детских домов, школ-интернатов, домов престарелых, мест заключения.

При всем многообразии подходов в разных регионах России к проведению праздника славянской письменности и культуры можно выделить общую тенденцию: это — просвещение в самом широком смысле слова. Праздник пробудил у миллионов людей интерес к слову, к истории Отечества, его духовной культуре.

Во многих местах День письменности открывается школьным уроком "Вначале было слово". Эта традиция возникла уже в Вологде. Школьный урок проводят теперь писатели, историки, деятели культуры.

В 1996 году центром проведения Дней с 23 по 26 мая определен старинный город Кострома. С инициативой выступили глава администрации Костромской области В.П. Арбузов и архиепископ Костромской и Галичский Александр. Нет сомнения в том, что праздник станет важной вехой в единении славянских народов, большим событием в общественной и культурной жизни костромичей, жителей Верхне-Волжского региона.

Свящ. Вячеслав ШАПОШНИКОВ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД...

В преддверии празднования Дней славянской письменности и культуры, думаю, не лишним будет вспомнить, как это празднование было возобновлено, восстановлено на нашей земле. К тому же и сам я имею к возобновлению, восстановлению их прямое отношение.

Все с чего-то начинается, всему есть свое начало. Вот и ожидаемое нами празднество имеет его. Началось все с того, что как-то, однажды зашел разговор... Было это, скорее всего, в 85-м году, во время очередного писательского съезда (или пленума? — не могу точно вспомнить). Польза от таких, в общем-то казенных "мероприятий" была в том, что они давали возможность писателям глубокой России встретиться, поговорить о наболевшем, объединиться вокруг решения какой-либо важной проблемы, какого-либо насущного общего дела. Тут достаточно напомнить о том, что именно писатели России воспрепятствовали переброске вод северных рек в Каспий и Средне-азиатские пустыни, что именно писатели создали Комитет спасения Волги, который противостоял в своей деятельности многим опасным для России проектам чиновников и

бессовестных проектировщиков (например, — строительству АЭС в зонах, абсолютно неприемлемых для их размещения, в том числе и нашей Буйской АЭС)... В свой черед, но в более узком кругу, зашел разговор о том, что надо бы возродить в Отечестве нашем утраченную после революции традицию празднования Дней славянской письменности и культуры. В том разговоре довелось принять участие и мне. Перед тем побывал я в ранневесеннее время в Болгарии, так что, не без зависти, видел, наблюдал общенародную подготовку к очередному празднованию Дней славянской письменности и культуры на Болгарской земле. Думалось: как хорошо было бы, если бы и на Русской земле празднование это вновь утвердилось. Думалось: что ж это у нас-то, в России, нет такого праздника, разве менее болгар имеем мы отношение к великому сокровищу, дарованному всем нам, славянам, великими святыми солунскими братьями — Мефодием и Кириллом?!. Ведь если говорить о русском литературном языке, то, будучи современной, вернее осовремененной, обрусевшей формой церковнославянского языка, он является сегодня

единственным прямым преемником общеславянской литературной традиции, ведущей свое начало именно от просветителей славянства — святых равноапостольных Мефодия и Кирилла. Я уже не говорю здесь, что на этом языке была создана одна из самых великих литератур мира — русская духовная и художественная литература.

Вот об этом мы и заговорили тогда. Заговорить, однако, — мало. Нужны, затем, последовательные действия. Надо сделать первый шаг, который станет практическим началом в с е г о. И такой шаг был вскоре сделан. Далекий, заполярный Мурманск взял на себя труд проведения первого празднества. Нашелся среди нас особо крепкий энтузиаст — мурманский прозаик Виталий Маслов, который не только горячо поддержал рожденную общую идею, но и взялся за ее практическое осуществление. Мурманская власть поддерживающая добро на проведение праздника дала, но... праздника несколько иного рода... Видимо, для нее в те поры слишком неприемлемо это звучало — Дни славянской письменности и культуры... Разрешено было отпраздновать некие "Дни Баренцева моря", в рамках которых

можно было осуществить и писательский замысел...

На то первое празднование нас, писателей, приехало всего несколько человек: Владимир Крупин, Владимир Личутин, Валентин Устинов, Семен Шуртков, Владимир Бондаренко (все — из Москвы), вологжанин Владимир Шириков; от Костромы был я. Само собой, были еще и литераторы Мурманска — непосредственные организаторы праздника.

Через годы вижу это празднество, довольно широкое и удачное для первого опыта. Помню, было организовано даже шествие школьников по улицам города с огромными буквами славянского алфавита в руках. Были проведены многолюдные литературные вечера во дворах культуры, в береговых воин-

ских гарнизонах, на боевых кораблях Северного флота...

И все-таки праздновали мы тогда не совсем осознавая, что именно празднуем. Мы видели тогда более четко лишь чисто историческую и культурную основу нашего празднества, но не вполне представляли себе его духовный, самый первый и подлинный смысл. На том празднике не было ни одного духовного лица. Да и проходил он в городе, в котором тогда не было ни одного православного храма...

Но — это было начало. Набирая год от года силу и размах, праздник этот становился подлинно национальным празднеством. На шестой год его приняла у себя Москва. Было торжественное открытие памятника Святым равноапостольным Кириллу и Мефодию на Славянской пло-

щади, было великое столичное многолюдство, плыл над Москвой гул колоколов, совершались праздничные Богослужения... А перед тем были тоже весьма торжественные и многолюдные празднества в Вологде, Новгороде, Смоленске, Киеве, Минске.

Конечно, несравним по размаху и широте со всеми этими празднествами праздник, десять лет тому назад посетивший Кольский полуостров. Для соотечественников наших он остался событием незаметным, как, скажем, незаметен исток какой-нибудь реки, но именно от истока все и начинается.

Ныне празднество это встречает у себя Кострома. Есть у нее все основания — и духовные, и исторические, и культурные — встретить его достойно.

Участники первого празднования Дней славянской письменности и культуры в Мурманске — Вячеслав Шапошиков (Кострома), Владимир Шириков (Вологда), Владимир Личутин и Владимир Крупин (Москва). Май 1986 года. Мурманск.

«ТЫ ДАЖДЬ МИ СЛОВО...»

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог.*

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*
(Н. Гумилев. Слово.)

Судьбе угодно было распорядиться так, что появилась я на свет 24 мая, когда земля российская отмечает День славянской письменности, день святых равно апостольных Кирилла и Мефодия — солунских братьев, создавших славянскую азбуку и переведших на славянский язык священные и церковные книги. Какая огромная ответственность перед сказанным мною словом налагалась на меня уже самой датой моего рождения!

На российском радио изо дня в день идут передачи "Лингвистическая разминка" и "Так говорят в Америке" для тех, кто изучает английский язык. Признаюсь откровенно, что всякий раз, когда мне приходится слышать эти передачи, я недоумеваю: ведь это — радио России! И живем мы все, пусть и худо-бедно, но на Русской земле. Помню, раньше на союзном радио шла передача для любителей русского языка "Правильно ли мы говорим?" Я, впрочем, ничего не имею против того, чтобы русские люди умели говорить на английском или же испанском языках. Но согласитесь: несколько странно, если я, не умея еще говорить на своем родном наречье, буду учить другой язык. На улице, в общественном транспорте, в магазине — всюду, всюду мы имеем возможность убедиться в том, что своего родного языка мы, увы, не знаем.

Выхожу из библиотеки. Навстречу мне поднимаются по лестнице двое молодых людей. Направляются они явно туда, откуда я только что вышла. Один из них что-то говорит, обращаясь к това-

рищу, щедро пересыпая речь свою словами, которые до поры-до времени, по крайней мере, не произносились и не звучали с экрана ТВ, хотя в быту, увы, увы! — были в ходу всегда. А теперь, пожалуйста, весьма широко употребляются средствами массовой информации, в печати. Видимо, с помощью этих слов нам пытаются внушить как о реальности, о "свободе слова", и демонстрируется "демократия".

Другой молодой человек отвечал собеседнику в духе же "свободы слова". Я стояла на лестнице, повторяя про себя: "Вразуми сердце мое, Владыко. Ты даждь ми слово..."

Приходится ли бывать вам в светлом лесу, когда листва еще едва-едва начинает распускаться на просветлевших, обогретых весенним солнышком деревьях? Слышали ли вы, как гулко и чисто разносятся в этом лесу птичьи голоса? Ликовала ли и печалилась ли ваша душа, когда вы повторяли вечные глаголы: "Свете тихий святая славы..."? Скорбело ли сердце ваше лютую скорбью, когда вы видели опустевшие и безлюдные пространства своей отчизны, зарастающие диким кустарником? И такую же горечью и болью обожгли душу мою те непотребные слова на лестнице, ведущей в храм Слова.

Открываю "Новое литературное обозрение" — один из толстых журналов, появившихся в последнее время. Читаю: "В издательстве "Лада" в 1994 г. тиражом 30 тыс. экз. вышла в свет "Антология. Русский мат". (Сост. В.Л. Гершунн, Ф.Н. Ильясов. 304 стр.) Радовать ли мне этому событию, когда выходит подобная "Антология", но когда почти нет возможности приобрести, допустим, "Словарь" Даля или "Собрание сочинений" Достоевского? Радовать ли или же считать факт выхода этой книги оскорблением и издевательством над великим русским языком, на котором создавали свои бессмертные творения Пушкин и Достоевский.

Аксаков и Гоголь? Что, кроме русского мата нашим специалистам-филологам (а именно им адресуется эта "Антология") и изучать больше нечего?

...Давно ли перечитывали вы "Тараса Бульбу"? Не ошибусь, думаю, если скажу, что со школьной скамьи не открывали. Раскройте, прошу вас, эту прекрасную книгу и прочтите, перечтите хотя бы те страницы, на которых произносит старший Тарас речь свою перед казаками. Какая мощь и святая вера укрепляет сердца в самые трудные времена. А написано это более полутора веков назад. Но читают сейчас охотно женский любовный роман, а великий Гоголь стоит невостребованным, задвинутым в угол. Я не намерена навязывать кому бы то ни было свои вкусы, а просто, с большим для себя прискорбием, отмечаю этот факт. И признаюсь честно: болит душа. Болит потому, что в почетно оказывается не великая русская литература, но усиленно поглощаются всяческие импортные суррогаты. Не получают люди полноценного духовного питания. А что же говорить о том поколении, часами просиживающем перед голубым экраном, которое с младенчества привыкает к привидениям и добрым дракончикам из импортных мультфильмов? Они и вкуса-то истинного нашей родной литературы не почувствуют и не поймут, поскольку с детства душа их и сознание напичканы иным.

И вспомнились мне в связи с этими размышлениями слова Н.В. Гоголя, адресованные В.Г. Белинскому: "Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданства, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство".

Может быть, кто-то и в самом деле захочет перечитать великого Гоголя? Как хочется в это верить!

писная книга Михаила Яковлевича Днева "Костромская вивлиофика" — свод уникальных документов по истории края, или письма писателя-этнографа Сергея Васильевича Максимова своему другу и родственнику Александру Николаевичу Макарову, или рукопись отца и сына Сумароковых "Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии".

— *Интересно, а почему Сумароков не мог издать свою книгу в своей же типографии?*

— Наверное, потому, что владелец типографии поначалу для ее поддержания хотел составить небольшой капитал, издавая книги прикладного, бытового характера, такие как "Постная повариха", "Конский лечебник" или "Список рейтарского полка"... В общем, сначала было не до себя, а потом типографию закрыли. Есть версия В.Н.Бочкова о существовании недошедших до нас книг масонского содержания, напечатанных в сумароковской типографии.

— *Наверное, кроме книг на выставке будут представлены какие-то документы, подтверждающие наличие творческих связей между костромскими литераторами, письма, например.*

— Такие документы есть, правда большей частью напечатанные в книгах или журналах. Я имею в виду переписку Ф.А. Голубишского с Ю.Н.Бартеневым, опубликованную в журнале "Русский архив" за 1880 г., переписку М.Я. Днева с И.М. Снегиревым или письмо П.А. Флоренского к В.В. Розанову, выдержку из которого мы вводим в экспозицию, настолько она соответствует общей идее:

"Вот, дорогой Василий Васильевич, наше сходство глубочайшее ... это острая до боли любовь к конкретному, к сочному, и скажу определенно, к корню — к корню личности, истории, бытия, знания. Думается, что эта любовь — костромская, ибо нет во всей России, а может быть на земном шаре, никого более коренного по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи ..."

Имеет сообщить

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПО ЛИТЕРАТУРЕ

подготовлена группой костромских педагогов под редакцией профессора педуниверситета Юрия Лебедева. Программа предполагает глубокое системное и последовательное изучение литературы родного края, начиная с Ипатьевской летописи и заканчивая произведениями современных авторов. Несколько веков развития русской литературы связаны с нашим краем — одни писатели здесь родились, другие сюда приезжали, третьи имели здесь друзей и прототипов своих художественных произведений. В программу входит также и фольклор костромского края — легенды, сказки, песни, загадки... Отрадно, что не забыта и духовная литература — предания о святынях костромской земли, жития ее святых угодников. Большим подспорьем для изучения программы должна стать хрестоматия по литературе костромского края, также написанная под редакцией профессора Лебедева. Пока она еще не издана, однако будем надеяться, что в следующем учебном году уже появится в школах и станет полезной как учителям, так и ученикам.

Рукописный Синодик Ипатьевского монастыря. Начало XVII века.

Печатное Евангелие Михаила Федоровича Романова. 1633 год.

Вообще выставка обещает быть интересной и даже уникальной еще и потому, что помимо музея-заповедника и его многочисленных филиалов, располагающих мемориальными вещами писателей и редкими изданиями книг (в Буге — комплекс экспонатов Ю. Жадовской, в Кологриве — П. Катенина, в Нерехте Д. Тихомирова и Е. Дьяконовой, и т.д.), в экспозицию войдут материалы, любезно предоставляемые другими учреждениями города: научной библиотекой, облархивом, музеем изобразительных искусств. Такое сотрудничество не только обогатит выставку, но и послужит делу консолидации культурных сил города.

— А что можно сказать о судьбе материалов, предназначенных к экспонированию? Как они к вам попали, кто их сохранил?

— Большая часть книг, рукописей и документов поступила в музей через губернскую ученую архивную комиссию, дело которой (уже в советское время) продолжало костромское научное общество по изучению местного края. Часть материалов музей закупил у частных лиц или получил в дар. Сейчас у нас много добро-

вольных помощников, что-то находят, подсказывают, советуют, выступают за неотложное создание в Костроме литературного музея. Вся основа, повторяю, для этого есть, и прежде всего сама богатая история костромской литературы. Русская литература во многом вышла из костромской провинции. Многие таланты коснулись ее, многие оттолкнулись отсюда. Ведь Лермонтов, Ишимова, Плещеев, Вяземский, Некрасов — тоже наши.

— Вы разделяете мнение, что Кострома — место особенное, богохранимое, с неповторимым культурно-духовным пространством?

— Разделяю и надеюсь, наша выставка поможет костромичам и гостям города осознать все духовное величие земли костромской.

Разговор продолжает Ольга Куколевская.

— Мы предполагаем создать не просто выставку, но небольшой культурно-духовный центр для проведения литературных вечеров, встреч с костромскими писателями, поэтами, литературоведами. Одна из ведущих идей будущего музея и настоящей выставки — духовное питание наших со-

граждан от литературы богословского и светского содержания, воплотившей в себе христианство с одной стороны и язычество — с другой. Не случайно один из разделов выставки посвящен роли язычества в формировании культурных традиций на костромской земле, оказавшего так или иначе влияние на литературные пристрастия костромичей особенно в XVIII и XIX веках. Поэтому посетители прежде всего увидят на выставке два символа: христианский — ангел, несущий книгу, и языческий — славянский земельный календарь.

— Ольга Святославовна, как будет представлена на выставке история рукописной и старопечатной книги?

— Теме рукописной и старопечатной книги посвящен один из первых разделов выставки. Вряд ли нам бы удалось показать полную историю русской рукописной и старопечатной книги на столь малой площади. Это задача будущего литературного музея. Но рассказать о начале книжности в Костроме, о первом книгохранилище, находившемся в храме Феодора Стратилата, о крупнейшем книжном собрании в Ипатьевском монастыре, о бытовании книги в костромской посадской и крестьянской среде мы постараемся, используя первоклассные образцы книги XV-XVII столетий. Предполагаем создать спланированный уголок средневекового писца — чтобы каждый желающий мог испытать себя в письме гусиным пером из чернильницы XVII века по образцу древней скорописной азбуки.

— Какие особо ценные, раритетные книги можно будет увидеть в вашем разделе?

— К сожалению, не все раритеты из собрания музея-заповедника мы сможем показать на выставке. Некоторые из них включены в постоянные экспозиции музея на территории Ипатьевского монастыря. Но тем не менее костромичи увидят рукописное Евангелие конца XVI века, вложенное боярином Дмитрием Ивановичем Годуновым в Троицкий

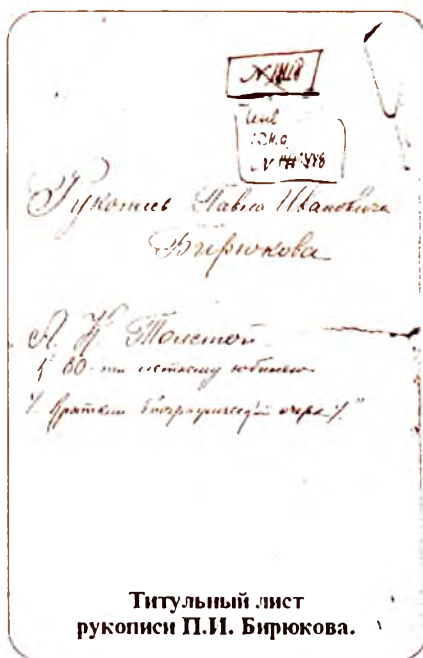
собор Ипатьевского монастыря, удивительный по красоте Синодик XVII века также из Ипатьевского монастыря. Несколько книг Московского печатного двора первой половины XVII века — вклады царя Михаила Федоровича Романова, раритеты ранней русской книжной печати. Вообще-то собрание древних раритетов Ипатьевского монастыря было самым богатым на костромской земле. Нам известен состав этого книгохранилища на тот или иной период, но проблематична судьба большей его части после закрытия монастыря в 1918 году. Тем не менее коллекции ценной и редкой книги музея-заповедника и областной научной библиотеки позволили подобрать книги по аналогии, чтобы показать прежде всего качественный состав Ипатьевской библиотеки. В ее составе были настоящие шедевры русской старопечатной книги. Например, издание Симеона Полоцкого и Анисима Радишевского.

— Когда появились самые первые книги на костромской земле?

— Самые первые книги появились в Костроме в соборном храме Феодора Стратилата, построенном в самый ранний период истории Костромы, т.е. в XII-XIII в.в. Это были христианские книги церковного служебного назначения. Примерный репертуар их известен — Евангелие, псалтирь, служебник и некоторые другие. Они не сохранились. Но самые ранние из дошедших до нашего времени — рукописные Служебник XV века и Евангелия XVI века — мы покажем. Сейчас они находятся в Москве на реставрации и к открытию выставки вернутся в Кострому.

— Сохранились ли имена авторов книг, писцов и иконографов?

— В рукописных книгах костромских собраний имена авторов начинают появляться как правило в более позднее время — с XVII — начала XVIII веков. Чаще всего на книге писалось имя ее владельца и указывалось, какому храму или монастырю книга принадлежала. В ранних печат-

Титульный лист рукописи П.И. Бирюкова.

ных книгах имя печатника и гравера (резчика) миниатюр, орнаментов — также большая редкость. Чаще всего указывалось место и год создания книги.

— Есть ли в вашем собрании книги, содержащие непосредственно связанные с темой славянской письменности, с именами первых просветителей?

— В разделе выставки посетители увидят печатное житие преподобных Кирилла и Мефодия, изданное в конце XVII века, а также одну из первых русских печатных книг "Апостол" вильненского издания 1574 года печатника Ивана Федорова.

— Сохранились ли документы о жизни в Костроме христианских просветителей братьев Иоанникия и Софрония Лихудов?

— Пребывание в Ипатьевском монастыре в конце XVII века Лихудов — одна из интересных страниц истории Костромы. Иоанникий и Софроний прибыли в монастырь не по своей воле, а были посланы сюда по obligation в латинстве. С собой они привезли свою библиотеку — одну из богатейших и ценнейших в России этого времени. Покидая монастырь через 3-4 года, они, вероятно, увезли полностью и библиотеку. Исследования историков-краеведов в этом направлении, наде-

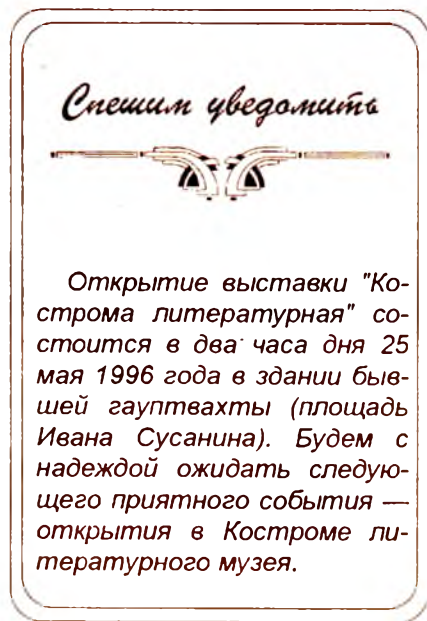
юсь, дело не столь далекого будущего.

— К слову, у монастыря есть еще одна интересная страница — Ипатьевская летопись.

— На выставке предполагается раздел, посвященный этому интереснейшему памятнику. Но, к сожалению, сама Ипатьевская летопись была вывезена из Ипатьевского монастыря еще в прошлом столетии. А в музее хранятся два муляжа летописи, а также текст, изданный в Полном собрании русских летописей. Но тем не менее этот раздел также привлечет внимание посетителей выставки, как впрочем и все, что будет представлено в экспозиции.

Надеемся, что выставка будет интересна прежде всего костромичам, так как именно для них большой творческий коллектив — сотрудники музея-заповедника, художники-оформители, реставраторы нескольких реставрационных мастерских в течение нескольких месяцев готовили выставку — новое и прекрасное явление в культурной жизни нашего города.

Беседовал
Николай МУРЕНИН

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОСТРОМЫ

Археологические исследования культурного слоя Костромы, проведенные в последние годы, позволяют судить об яркой духовной культуре предков, где тесно переплетались черты православной идеологии и пережитки языческих представлений.

Город выступал как центр культовой жизни. Уже в первой трети XIV в. в Костроме насчитывалось не менее 30 церквей. К этому времени существовали Спасо-Запрудненский и Ипатьевский монастыри. В XV в. на северной окраине города по Галичской дороге возникает Богоявленский монастырь. Тогда же на левом берегу р. Сулы появляется Анастасиинский монастырь, а во втором костромском кремле (Старый город) — Крестовоздвиженский монастырь. В XVII в. известны еще два монастыря на посаде в Костроме — Вознесенский и Спас-Подвязный.

Культовые предметы являются нередкой находкой археологов. Наиболее ранние формы костромских нательных крестов, выявленных во время раскопок, представляют собой четырехконечные кресты, изготовленные из шифера (ока-

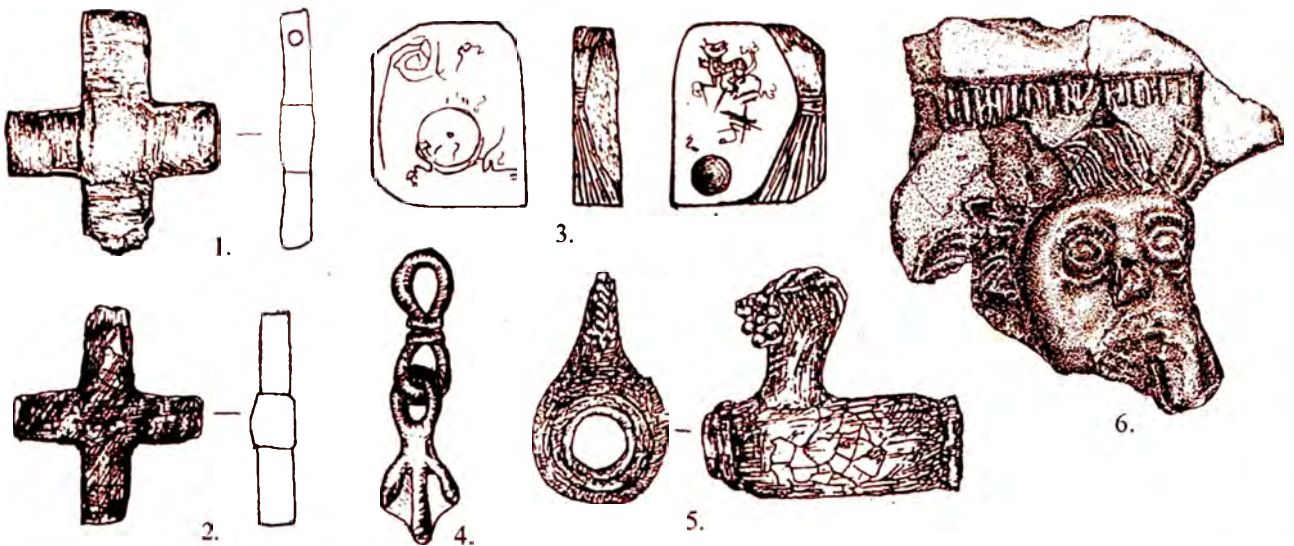
меневшая глина) — материала, встречавшегося лишь в Юго-Западной Руси (в районе г. Овруча). Нами было обнаружено шесть таких крестов, датирующихся XII-XIII вв. (Рис. 1). Аналогичные формы крестов-тельников изготавливались в этот период и из других материалов — мрамора (Рис. 2), кости, найдены экземпляры таких изделий.

Крестов из цветных металлов (медь, бронза, серебро и др.) ранее XV в. в Костроме пока не обнаружено. Из раскопок слоя XV в. на посаде происходит фрагмент бронзового энколпиона (крест-складень). Шесть медных и серебряных крестов XVII-XVIII вв. обнаружено при исследовании некрополя Анастасиинского монастыря. Обращает на себя внимание их преимущественное происхождение из детских погребений. Четыре медных и серебряных креста XVII-XVIII вв. известны из некрополя у Ильинской церкви на Городище.

Принятие христианства в Древней Руси не означало полного вытеснения языческих представлений даже в среде городского населения, наиболее подверженного воздействию церкви. Пережитки дохристи-

анских воззрений доживают чуть ли не до наших дней. Об этом говорят и некоторые костромские находки. Одной из них, считающейся по праву замечательнейшим памятником каменной пластики, является часть литейной формы XIII в. для изготовления украшений, выполненной из черного камня, с гравировкой по обеим сторонам. (Рис. 3). С одной изображено сказочное животное с чешуйчатым телом, двумя хвостами и оскаленной мордой, с другой — символ солнца, прыгающее через него животное, а также образ мирового дерева. Древний ювелир, использовавший эту форму, оценивал эти символы как оберег, придающий изделию особую силу.

В качестве оберегов использовались украшения костюма, в частности, шумящие подвески с привесками, одна из которых, представляющая собой утиную лапку, обнаружена в слое XII в. на костромском посаде. (Рис. 4). Интересным предметом из костромских древностей является полая серебряная трубочка с выступом, изображающим голову лошади, выполненную в технике фи-

лиграни и скани, представляющую собой затыльник на плетку. (Рис. 5). Культы коня и водоплавающих птиц были широко распространены в Древней Руси.

Образы животных и птиц находили яркое выражение в декоративном убранстве домов. К сожалению, древние деревянные сооружения до нас не дошли. Однако с XVII в. в Костроме появляются такие изделия как изразцы — глиняные плитки, служившие для облицовки печей и украшения фасадов монументальных сооружений (церквей). Наиболее ранними являлись красноглиняные рельефные сюжетные изразцы XVII в. Часто они имели изображения животных (лев) (Рис. 6), птиц, растительные орнаментальные композиции. На некоторых из них присутствовали надписи типа "лев — зверь лютей", "сирин — птица вещая", что отражает развитие грамотности в городской среде в это время.

О развитии грамотности в Костроме можно говорить применительно и к более раннему времени. Во многих древнерусских городах обнаружены яркие свидетельства грамотности — берестяные грамоты и инструменты для письма по ним, а также навощенным дощечкам — железные стили-писала. Органики (дерево, береста) в культурном слое Костромы не сохраняется. О развитии грамотности можно судить лишь по инструментам письма. Два из них известны в настоящее время. Оба писала были обнаружены на городском посаде в усадьбах рядовых горожан и датируются XII-XIII вв.

Многие традиции духовной культуры средневековой Костромы сохранялись и до недавнего прошлого. Стилизованные образы животных, птиц, растительные орнаментальные композиции нашли отражение в оформлении наличников деревянных домов, ювелирных изделий, в орнаменте одежды. Дальнейшее исследование культурного слоя древней Костромы позволит более глубоко проследить истоки современных традиций духовной культуры, представить самобытную городскую культуру одного из древнейших городов Верхнего Поволжья.

Илья ЛЯМИН,
предприниматель

«ОТДАТЬ ДАТЬ ПОЧТЕНИЯ»

В уставе нашей фирмы записано, что благотворительность является необходимым сопутствующим делом "Элиты-Арт", занимающейся покупкой и продажей недвижимости. Мы даем дополнительные рабочие места инвалидам, помогаем и детям-инвалидам, сотрудничаем с Фондом милосердия и детскими домами, спецшколами. Каждое утро в приемной — просители от организаций или просто люди, которым сегодня нечего есть.

Конечно, даешь себе отчет в том, что всем, кто нуждается, не сможешь, но с другой стороны, бывает в таких случаях трудно и отказать...

Фирму эту создал три года назад, в ней добрая половина — молодые ребята, недавно закончившие пединститут и технолог. И уж им-то, как никому, известно, как трудно без

помощи, без средств начать свое дело, состояться как личности.

Именно поэтому, когда к нам приходят молодой начинающий прозаик или поэт, когда они читают свои вещи и просят помощи в их издании, мы понимаем, что такое вложение в культуру не бесполезно. Хотя и совершенно не прибыльно.

В Костроме много интересных творческих людей, которые живут в своем мире, закрытом для окружающих: пишут стихи, романы, повести, картины, песни, музыку. Не многие из них, по вполне понятным причинам, будут прочитаны и услышаны. Если у фирмы есть свободные деньги, почему бы не помочь им найти своего читателя и ценителя? Так мы издали первые книги прозы и стихов Игоря Патынко, прозы Алексея Зензинова и Владимира Забалуева. К 850-летию города Костромы дали согласие спонсировать книгу "Костромские благотворители и меценаты". Это наш ответ на обращение редакции журнала "Губернский дом" к предпринимателям Костромы.

Почему все это делаем? А разве не понятно: хочется, чтобы и другие узнали, что в Костроме были и есть люди, которыми можно гордиться, называя их своими земляками, отдать им дань признательности и почтения.

ПОЭЗИЯ СЕГОДНЯШНЕГО УТРА

Соглачаева Ирина Юрьевна,
график, участник зональных,
республиканских и международных
выставок плаката.

*"Мы читаем листовки,
каталоги, афиши,
которые кричат нам:
Вот поэзия сегодняшнего утра,
а проза его — утренние газеты..."*

Когда-то эти слова Аполлинера звучали как художественный манифест, а сейчас эта "поэзия" органично вошла в костромскую жизнь вместе с ведущим художником современного графического дизайна Ириной Соглачаевой. В многолюдных, наполненных бегущей жизнью пространствах, ее работы возвращают нам чувство радости, творимое общением с искусством, рожденным острой мыслью и свободным чувством.

— Ирина, какие традиции в плакате вам дороги?

— Ближе эпоха модерна, с ней, несомненно, связан расцвет плаката, достаточно вспомнить афишу Серова для Русского бале-

та в Париже, работы Врубеля, Бакста, Лансере...

В творчестве Соглачаевой 80-х годов именно культурно-зрелищный плакат занимает важное место. В его развитии и становлении прослеживается путь от конкретной иллюстрации к абстрактному и символическому выражению, то есть к знаку, формуле. "Формула стиля" эпохи по своему лаконизму, емкости, точности и выразительности требует уже сверхмастерства и... плакат, зрелищный и рекламный, становится для нее не столько средством информации, сколько произведением искусства. Отсюда — дух своеобразной классичности, присущий лучшим работам Ирины Соглачаевой: сериям театральных плакатов к спектаклям кукольного и драматического театров, афишам к фестивалям и выставкам.

— Художественное решение журнала "Губернский дом" тоже принадлежит Вам?

— Да, как и газеты "Костромские ведомости". Из книжной графики можно назвать сборник стихов поэтов Пюотрковского воеводства (ПНР). "Сказание... о подвиге крестьянина Ивана Сусанина" к фестивалю "Вехи" в Костроме. Я разрабатываю проспекты, макеты каталогов, эмблемы, занимаюсь фирменным стилем. Он проявляется во всех видах визуальной информации — от бланков писем до вывески и интерьера.

В настоящее время Ирина активно работает в "свободной" графике и живописи, тяготея к стилистике, рожденной сегодняшним ритмом жизни.

Виртуозное владение техникой темперы в немалой степени определяет декоративную цельность и элегантность колорита ее работ.

Сам художник, называя ряд своих вещей "импровизациями", не скрывает, что в основе их лежит стремление к внутренней свободе.

В 1989-90-х гг. Согличаева создает цикл абстрактной графики "Белые стихи". В экспрессивности форм и линий, в трактовке пространства — завораживающе бе-

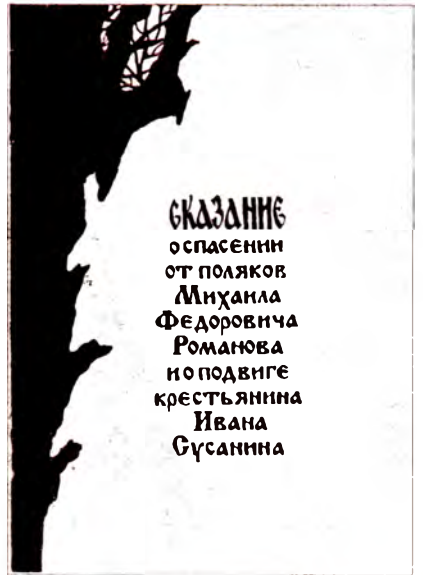
лого, с цветными прикосновениями красного, черного, золотого — лишь интуитивно угадывается магическая символика — идея солнца, звезд, звездного неба и связанных с ними образов. Сама художественная ткань — тон, фактура, цвет, линия, ритм — все служит здесь реальной связи художника с мироустройством, пышной, вечностью...

На изысканной игре линий, на тонких цветовых акцентах, ритмических созвучиях построены "Музыка цветов" (1991-1994), "Импровизации" (1989), "Нок-порны" (1992), "Напряжение времени" (1991-1993). В основе этих циклов лежит представление об эстетическом, как о глубинной сущности мира, о его высшей ценности и активной преобразующей силе бытия.

Надо думать, что опыт искусства XX века, его формальная линия явились для Ирины Согличаевой подлинным творческим импульсом в том поиске одухотворенности цвета, энергии выражения, которые, по словам Кандинского, порождают "радостную способность переживать духовную сущность в материальных и абстрактных вещах".

Надежда ЛЕБЕДЕВА

Обетованный край

СКАЗАНИЕ
о спасении
от поляков
Михаила
Федоровича
Романова
и подвиге
крестьянина
Ивана
Сусанина

СТАРЫЕ ПОРТРЕТЫ

САНЯ

И в восемьдесят семь лет ее все зовут Саней. Она не обижается ни на старых, ни на малых. Неизвестно, кто первый так назвал Александру Дмитриевну. Может быть, петербургские родственники, у которых она несколько лет жила в услужении, может быть, ее муж, Федор Васильевич, который впервые заметил ее, петербургскую, на масленичном катанье, но только имя это пришлось ей впору, и даже суровая семья мужа не могла изменить его.

Простодушие, как бы зафиксированное в нем, присуще ей до сих пор, а истоки простодушия она простодушно раскрывает сама в таком примерно рассказе:

— Приехала я, значит, из Питера по девятнадцатому году, как раз на масленицу. Собрались на горе, на санках катаемся, под гору друг дружку толкаем... Только гляжу, Фельдка возле меня отирается — то подхватит, то в сумет загонит. А я ничего и в ум не возьму... Масленицу сожгли, пошли по домам, а он — за мной. Остановил у крыльца, давай, говорит, гулять. А я, дура-дурой, отвечаю: "Как же со мной гулять — я ведь каравая"...

И, вытирая кончиком платка смешливые старческие слезы из морщин и корявин — след оспы, перенесенной в детстве, — она добавляет:

— Вот ведь какая я дура была...

Но, посмеявшись, Саня всерьез начинает доказывать, что пожила счастливо, а это на общем горестном фоне наших деревенских воспоминаний даже как-то удивительно:

— И самой другой раз не верится... Так меня Федор и с карявинами взял. А он, сам знаешь, — высокий, кудрявый, гармонист, умница...

И она, отстукивая сухим кулачком по столу достоинства своего мужа, до сих пор, старая, гордится им. При жизни она его, конечно, ругвала и наедине, и публично, но опомнившись, снова поворачивала:

— Да неужели мне этакое счастье свалилось?!

Борис Витальевич Гусев родился в 1930 году в деревне Панкратово Сусанинского района. После окончания Костромского текстильного техникума работал на фабрике, затем на радио и в печати. Был редактором газеты "Молодой ленинец", редактором Костромского отделения Верхне-Волжского книжного издательства. Автор нескольких книг очерков и рассказов, член Союза писателей России.

Так и живет она долгий век с ощущением счастья, хотя на ее долю выпало — и немало — горького горя. И наверное, отзвуком счастья звучит ее молодое имя Саня: люди ведь тоже понимают, что к чему. Она так щедра в своей доле, что ничего не жалела для ближнего в молодости, не жалеет и сейчас. А главное, она не жалеет своих переживаний о других. К ней идут за советом и за словом одиночки, она дарила и многих сразу, как дарят на деревенских свадьбах — подряд каждого.

Я говорю о песнях, которые умела и любила петь Саня вплоть до поздней старости. Если в застолие сидела она, отбою от посторонних не было: гости из соседних домов сбегались на ее голос — и молодые бабенки слушали ее, раскрыв рот, и убеленные сединами старики забывали

про сигарки, когда она высоким и хрупким голосом выводила:

*Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман...*

Потом припев подхватывали муж и гармошка, и рыдали на весь свет басы, и переплетала, как полевыми цветами, это рыдание тоненькая грусть Сани:

Полно, брат, молодец!

Ты ведь не девица!

Пей, тоска пройдет...

А она и не знала, что она — артистка: она просто отводила душу. Она хаживала по грибы вместе с товаркой, тоже песенницей, и товарка вспоминает:

— Зашли мы с ней в Боровину да сели под сосной, да корзинки поставили, да как запели "Кукует кукушка во темном бору"... Эх, милый! И птахи примолкли — нас слушают...

Любовь к песне толкала ее иногда на поступки, безрассудные с точки зрения здравого смысла. Молодость, как уже сказано, она честно провела в обеспеченной мещанской семье в Питере. Семья, видимо, не чуралась некоторого просвещения, и Саня узнала там романс "Накинув плащ, с гитарой под полою..." Никто в деревне поддержать ее не умел, постепенно мелодия вместе со словами выветрилась из памяти. Она забыла романс напрочь, хотя и сохранила воспоминание о том, что он очень хорош и где-то должен еще существовать. Она спрашивала всех, кто казался ей сведущим в этом деле, она тормозила каждого нового гармониста — напрасно: романс где-то затерялся.

Но настойчивость все превозмогает. Саня, бывая в Костроме, не упускала случая заглянуть в тот угол Сенного рынка, где торговали гармошками. И нашла таки старика, который помнил "Накинув плащ..." и сыграл его

специально для Сани. Она прослезилась, а отплавав, дала гармонисту двадцать пять рублей из своего не ахти какого богатого базарного барыша.

Эту возвышенность в характере она сумела каким-то образом передать своему первенцу Ивану. Он с малых лет отличался от деревенских сверстников. Он так и не научился курить, хотя по правилам хорошего мальчшечьего тона обязан был начать это занятие лет с одиннадцати. Он самым первым в деревне после начальной школы стал ходить в Андреевскую ШКМ и хорошо закончил семилетку, тогда как большинство его товарищей бросило ученье. В школе он ни с кем не дрался, хотя все остальные собирались на регулярные побоища. После уроков ученики пятых-седьмых классов, которым исполнилось и по восемнадцати годов, собирались на облюбованном месте возле сараев и бились: класс на класс, деревня на деревню и т.д. Иван не был бойцом ни в одном стане, но пользовался одинаковым уважением всех сторон.

Ребята осенью и весной "зеленили" очень охотно и исправно: четырехкилометровая дорога до школы шла полями и перелесками; осенью в перелесках попевала брусника, и мальчики предпочитали ее всяким наукам. Кроме того, в лесу можно было всласть накуриться у костра. Кончалась эта пиратская жизнь домашними выволочками, потому что беспокойные учителя посылали ничего не ведающим родителям письма с просьбой сообщить о жизни или смерти учащихся. Иван уходил от соблазнов вольной жизни по-своему: он бежал всю дорогу, придерживаясь за велосипед жившего в нашей деревне продавца. Так и пробегал три года.

Сын, видимо, старался быть усердным и перед матерью: она всегда интересовалась его школьными делами. Она заставляла его прочитывать вслух все уроки от алгебры и до литературы и делала это не для проверки, как нынешние заботливые родители, а потому что сама хотела узнать побольше. Помнится: Иван лежит

Александра Дмитриевна, Саня.

на кровати с тетрадкой, на обложке которой из угла в угол крупными готическими буквами написано: "История Древнего мира" — учебников тогда не хватало, и читает про Рамзеса какого-то. Саня прядет, веретено жужжит, и в избе слышны только египетские имена да жужжание: все — свои и чужие, которых тоже набралось немало — бояться пошевелиться.

О хрестоматиях по литературе говорить нечего. Историю Маши Троекуровой и Владимира Дубровского обсуждали всем миром, потому что почти из каждого дома ходили к Сане любители громкого Иванова чтения. "Муму", "Тарас Бульба", "Красный бакен", "Сигнал" — все эти вещи Саня помнит до сих пор. Интересно, что она так и не поверила в выдуманность художественных произведений — попра-

вившиеся ей истории она считает происходившими на самом деле.

И эту идиллию разрушила война. Иванко по семнадцатому году прошел трехмесячную школу автоматчиков в Ярославле, уехал на фронт и скоро погиб. Мать годы проплакала у его "ростового" портрета, где он снят был в патронташе, с ружьем и с умной собакой рядом...

Жизнь надломилась, но Саня не сдалась, даже когда умер наконец измученный тремя войнами красавец Федор Васильевич. Она хватала всякого с остальными четверыми детьми, у которых потом появились свои семьи. Двоих зятек и сноху она не бранила по-черному, а действует на них "словами". Да и для остальной родни ее авторитет несомненен. Случилось так, что ее братья овдовели очень рано, и куча племянников осталась как бы под ее материнским надзором. Она ходила по вызовам в школу, когда великовозрастные племянники шалопайничали через край; она primero узнавала их сердечные тайны, когда они совсем выросли; она обихаживала их, пьяных и избитых, во время драк, всевозможных пиршеств и престолов; она всех их переживала и принимала самое горячее участие во всех семейных передерягах.

К ней идут за советами, так как ей чужда всякая ортодоксальность, потому что она лишена и сейчас старческого эгоизма, который не умеет разобраться в действительности, а судит-рядит только на основании "бывало, в те поры...". Как упрется иной старик в "те поры", так его и не сдвинешь с места. Саня не такова: жизнь научила ее тонкости и мудрости. Да что там говорить! Многие мужчины плакали перед ней в дни тяжелых испытаний, и каждому она приносила утешение. А утешение в скорбные дни — великая вещь, особенно для мужчин, которым и стыдно перед кем-то изливаться. А перед Саней изливались.

Придет ли к ним кто в шумный дом (у сына растут трое сыновей), она, низенькая, сгорбленная, хлопочет, шаркает валенками, бегая от стола к печи, от печки в горен-

ку, и разговаривает, разговаривает... Стол незаметно полнится, гости незаметно сходятся, разговор незаметно становится громче и интереснее...

Даже тогда, когда выходишь отсюда под звезды и идешь темной деревенской улицей, вдыхая запах черной огородной земли и укропа, около себя все слышишь голос Саня, и дыхание Вселенной становится понятней, и чудится, будто Саня гладит тебя по волосам и уговаривает жить просто, мудро и щедро...

ФЕДОР ЧУРКИН

Он немало поездил по белу свету — воевал три войны, плотничал на Дальнем Востоке и в Крыму. Он имел необыкновенную для деревенского мужика внешность: высокий, стройный, красивый, с модным зачесом и всегда побритый. По воскресеньям он сбрасывал рабочее рубище и выходил на люди в рубахе под пояс.

У него был замечательный каллиграфический почерк и какой-то строптивый ум. Не удивительно, что к нему шли за всякими справками, советами, с жалобами. И он составлял велеречивые бумаги, которые не всегда оставались бесполезными.

Один мужик, жесткий и хваткий до работы, сколотил крепкое хозяйство и перед самой коллективизацией умер. Вдову принялись агитировать в колхоз, но она решительно воспротивилась, потому что три девки у нее подросли уже для настоящей работы, лошадь после мужа осталась отличная, и вдова думала обойтись своими силами без всякого колхоза. Перегибщики зачислили ее в кулаки и приняли "ликвидировать как класс" вместе с семейством.

Тут-то она и побежала к Федору Васильевичу. Он за ночь написал бумагу, растолковал, куда с нею нужно обратиться, и утром старшая дочь вдовы пропала из дому. Вернулась она через неделю с документом, запрещающим раскулачивание этой семьи. Запрет, говорят, был подписан Надеждой Константиновной Кругоской.

Случай этот укрепил за Федором Чуркиным авторитет надежного ходатая и правдолюбца.

На гражданской войне его ранило, и тем он как бы доказал свою преданность новой жизни. А в коллективизацию шумел против колхоза. Скорее всего потому, что вместе с ним жил престарелый отец, дед оригинальный и злой. К тому времени он круглый год сидел на печи, не снимая валежок — от простуды, не развязывая овчинной шапки — от угару. Сидя так, он прят и без умолку ругал колхозы за то, что в колхоз надо было уводить мерина и сдавать сбрую.

Однако в колхоз Федор вступил и работал там без уверток. Принимая во внимание его начитанность и кругозор, деревня редко держала его на рядовых работах: он ходил в председатели, счетоводах, в бригадирах, в заведующих фермой и везде с делом справлялся, так как выпивал в меру, печати или бригадирской мерки не терял, товарно-молочных книжек не транжирил.

Работал и жил он как-то особенно легко. Не легкомысленно, а именно легко. И оттого люди тянулись к нему, как дети тянутся на здоровый смех. По всему пережитому ему следовало бы стать пессимистом, а он любил людей и жизнь углубленной любовью. Любимым занятием его была рыбалка, но не промысловая, а лирическая. Он удил по мелочи, иногда вытаскивал добычу и покрупнее, но главное для него заключалось не в рыбе. Он говаривал жене:

— Иду по берегу и слышу — птички в кустах на той стороне пересвистываются. И понимаю ведь, Саня, что это они мне кости перемывают... Куда, мол, такой длинный в такую рань? — Известно, куда — работать... — Ну да! Не работать — рубаха на нем чистая... — Значит, просто так... Просто так... просто так... Эх, Саня, кабы все мы это понимали! Ведь каждая травинка душу имеет... Это нам кажется, что все бессловесно — нет, все говорить умеет... Мы слушать не умеем — это да...

Наверное, за эту легкость любили его приглашать в компании по праздникам. Гармонист он был превосходный, но своей гармонии из-за постоянной нужды не приобрел. Ему находили инструмент, и он, причесанный и благородный, становился душой общества. Он не балагурил, не стирался смешить во что бы то ни стало, а наоборот, придавал празднеству особую степень и серьезность. Где Федор Чуркин гуляет, там никаких скандалов быть не должно; сам он не принимал никаких мер — просто при нем считалось неуместным все нехорошее.

И это при том, что Федор Васильевич не отличался излишней святостью: вот что удивительно!

Некая соседка Дуньки-бригадирши во время председательства Федора Васильевича спрашивала Саню:

— Александрюшка, батько твой рано ли домой приходит?

— Когда раненько, а когда и больно уж поздно. А что?

— Да ничего... Гляжу только: как только председатель к Дуньке зайдет, так у нее огонь гаснет...

— Может, керосин кончается...

— Может и так...

При очередном запоздании председателя без околичностей приступила к мужу:

— Говорят, больно часто к Дуньке ходишь?

— Как же не ходить, мать? Бригадирша все-таки: то да се — мало ли по работе...

— По работе, вестимо, немало, да говорят, у нее сразу и лампа гаснет...

— Не помню, мать... Поди, врут... А помню — еще и кирпич у нее...

Они как раз собирались перекладывать печь и не знали, где достать кирпич. Саня сразу вспомнила, что Дунька одна живет в доме с двумя печами — ни к чему Дуньке две печи! Заинтересованная в благополучии собственного семейства, она соглашалась:

— Уж если кирпич, так что сделаешь...

Федор Васильевич, как и все мужики, во время зимнего хозяйственного затишья уходил плотничать. Артели тогда собирались изрядные, плотники, вырвавшись из-под гнета домашних забот, вели себя в отходе повольнее, насколько хватало фантазии и условий, насколько позволяли воспоминания о домашних нуждах: они почаще выпивали, поигрывали в карты, приволакивались за свободными бабенками, если таковые находились. Эта вольготная жизнь омрачалась только тем, что жены, наученные опытом поколений, периодически навещали своих благоверных и забирали у них часть заработка. Как бы далеко ни плотничали мужья, как бы они ни хитрили, жены ждали их дома к определенному сроку с определенной суммой наличных. Самой собой разумеется, что жены всегда рассчитывали на большее, чем приносили мужья. Поэтому после прихода артели "из работы", через час радостного затишья, пока извлекались подарки и производились подсчеты, в домах начинались баталии.

У Федора Васильевича баталий не бывало, потому что "отчитывался" он блестяще, и совсем не потому, что владел основами бухгалтерского учета.

— Батько, что-то мало, вроде, принес?... Я считала, долгон бы...

— Мать, все правильно... Не веришь?... Считай сама!

— Считаю.

— Муки два мешка везут?

— Ладно, везут.

— Девчонкам по платью принес?

— Принес.

— Тебе сарафан, Иванку ботинки, Кольке свисток, два мешка муки, лопатошник, девчонкам по платью...

— Муку два раза считал...

— Да ну?... Давай снова...

Начинался новый пересчет, и Саня совсем запутывалась. Она совсем уж собиралась затеять скандал, но муж обращался:

— Баньку бы, мать... Ладно тебе — хватит нам...

— И то ладно — всех денег не заработаешь... Сейчас припасу...

И она уходила хлопотать по бане.

Таким образом, Федор Васильевич отчитывался самым первым из артели и выходил посмотреть деревню спокойный и умиротворенный, в то время, когда его товарищи находились "в гуще боя".

В деревне он был чуть ли не единственным, кто понимал, что война надвигается и что она будет страшной. Он черпал эту премудрость не из библейских пророчеств, очень популярных среди деревенских пророков, а из газет, которые прочитывал от первой до последней строки. "Разговорчикам" он не верил и одергивал баб, которые любили, со слов набожных старух, вещать о том, что на семь верст останется один человек, на семь сажень — один колос и так далее в том же духе...

— Не бормочите вы не дело! Что стоят ваши пророки, если я лучше их знаю, что будет...

На фронт его взяли, несмотря на то, что ему в то время подкатило под пятьдесят. Воевал он недолго: третья, и для всех нелегкая, война для него оказалась непосильной: слишком подточила его жизнь до этого. Вернулся он смертельно больной, сам на себя не похожий, привез несколько красивых американских банок из-под снеди и расставил их на посуднике:

— Хоть молись — красота какая! Эх, союзники!..

Последние годы он прожил тяжело, потому что сына убили, а сам он заболел окончательно и бесповоротно. Как ни старался он, как ни бодрился — недуги его сторбили, щеки его впали, и только шевелюра оставалась молодой.

Да иногда выходил он на девчоночьи гулянья — девчоночьи, потому что парни в семнадцать лет уходили в армию. На зорьях он, кажется, забывал годы и недуги. Племянник его, вернувшийся с фронта со скрюченной левой рукой, единственный гармонист на округу, на гармони играть не мог — басовая рука бездействовала. Тогда он выносил гармошку для дяди Федора, и дядя Федор веселил девчонок. А племянник сидел около гармошки и скрипел зубами — так ему хотелось тряхнуть старинной, когда он, молодой, здоровый, вольный, сидел вот так же на скамеечке, а девки — все девки! — плясали перед ним, и каждая воспевала его игру, и от этого у него играло еще лучше, еще чище и разговористее. Грустил племянник, смотрел на него дядя. Смотрел и сказал:

— Садись рядом.

Ничего не понимая, подсел парень к нему.

— Пройдись по голосам.

Племянник пошел по голосам, а дядя Федя, растягивая гармошку левой, подпрыгивал ему на басах. Сначала пробивалось что-то неуверенное, потом стало пробиваться четче, яснее, единее — и гармонь запела так, как будто ее вел один человек.

Играл племянник, и слезы текли по его небритым щекам. И упиралась его жена, и девки шмыгали носами, и мы, малолетки, молчали, потому что перед нами творилось что-то необыкновенное и простое, как все в военном деревенском быту.

Его так и не представил старым и немощным. Его видишь с гармошкой, слышишь его балалайку, по струнам которой он ударял четырьмя пальцами. И тогда казалось, что он горстями кидает нам драгоценности.

СКАЗКА О БАРСКОМ ДУБЕ И ДЕВОЧКЕ

Рассказанная ею самой

Жил-был дуб. Такой старый, что помнил еще Высоково не домом инвалидов, как теперь, а барской усадьбой. В его потайных кармашках, наверно, тлео хоть одно, да письмецо какой-нибудь барышни, тоскующей в прошлом веке по любви.

И барышни такой нет давно на свете, и барышни, и дворянского гнезда. Жива на свете только девочка, которая помнит барский дуб еще могучим и сильным. На него вознесло ее детство. Высоково — значит высоко, как птица, взлететь над землей, чувствуя босой пяткой теплую морщинистую кору дуба. Высоково — это самый первый дом под зеленой кроной, гнездо из фантазий и грез, которым не нужны стены. Жив был тогда здесь и прекрасный старый пруд. Одичавшие ландыши тонко били в свои маленькие белые колокола, словно оплакивая что-то, поднимая в роще волну такой музыки, что девочка иногда плакала от восхищения и печали. По другой, ей недоступной, прошедшей здесь жизни. В эти минуты она чувствовала присутствие чего-то мистического, надреального, что иногда пугало, иногда слово поддерживало и вело. От этой тайной силы родился в ней талант понимать голоса деревьев, птиц, цветов и трав. Хотелось их рисовать, собирать из них целые картины на деревянных досочках, нескать в рукодельных узорах ту радость жизни, которая есть у природы...

Сказочное в этой истории лишь то, что все дети, которые играли у дуба, вырастали и спу-

Шевалдина Алевтина Васильевна, художник-прикладник, участник областных, зональных и республиканских выставок прикладного искусства.

скались с небес на землю. А девочка так и осталась там навсегда, не расставшись с птицами и ветром.

Взгляните на то, что творят ее руки... Из обрывков цветных ниток, пучка соломы, лоскутков, выброшенных кем-то, получается настоящая сказка.

Специалист-прикладник назвал бы это дерево с мерцающей разноцветными красками листвой — лоскутной мозаикой. И еще можно сказать — лоскутная живопись: стеганое одеяло, коврики, панно, наборные скатерти, пледы, подушки с изящной аппликацией, половники — все, что теплом и красотой наполняет дом.

Ей по-прежнему бывает скучно шить, вязать, вышивать лишь затем, чтобы носить и пользоваться вещью. Не впечатляет почему-то моток шикарных ниток или отрез ситца. Ничтожные тряпочки — вот драгоценные краски, необходимые, чтобы выразить то, что волнует. Только одухотворенные вещи имеют право на жизнь в ее доме. О, боже, да что говорить о вещах, если даже куры, которых осмелилась она завести три года назад, никогда не будут съедены — им суждена счастливая старость. А одна — Цицилия, расхаживает теперь по кухне, как хозяйка.

Вроде бы курица не птица и не поет, а детской душе все радость: как гуляет, кудахчет... Придет хозяйка с работы такой взрослой, усталой... А тут, на тебе — Цицилия: "Ко-ко-ко..." Умиро-творение, одним словом. Муж, вполне взрослый мужчина,

«Птицы и деревья». Ковер. Лоскут, аппликация.

учит Цицилио человеческому языку — это ведь судьбой тоже не всем дано.

Раз уж мы загостились в этом сказочном доме, представим и других его обитателей: кота Чака, кошку Мурку и собаку симпатичной породы с неожиданным именем, доставшимся от прежней хозяйки, бросившей когда-то — Робиндранат Тагор.

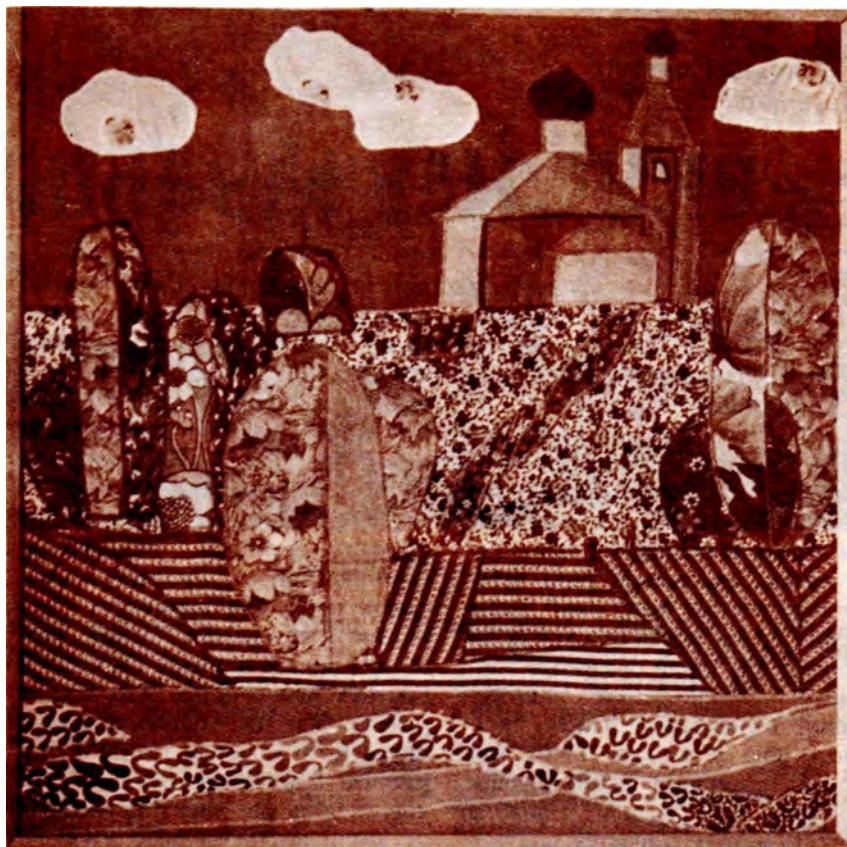
Все они, знаете ли, говорящие, — о любви, которая их окружает.

О любви можно и молчать, когда она есть. Вот тряпочная курочка-рябушка уютно устроилась на чайничке, тепло для гостей сохраняет. Вроде обычная игрушка — да приглядитесь-ко хорошенько — произведение искусства.

Просто чудо, как пригожи куклы в бывшей детской (а две дочери, что ими играли, давно уже выросли). Можно хорошо, умно сказать о чувстве стили, присутствием автору этих игрушек. О понимании народной традиции, обычаях русских и обрядов. О многообразии примененной техники: и лоскут, и плетение на крючке, коклюшках, и вышивка... И все это будет справедливым. Но не назвать волшебное, сказочное чувство, родившее их: не-возможно любовь.

Выпив чашку травяного чая в домашнем саду под деревом путешественников — зурфобией, один корень которого живет в воде, а другой в земле, чувствуешь, что побывал в раю. Он сотворен обычной девочкой, детство которой прошло возле дома инвалидов, где мама ее всю жизнь проработала фельдшером. Где рядом жила ее баба Дуня, когда-то крепкая и статная женщина, содержащая на большой дороге по Судиславскому тракту чайную для ямщиков. Понятное дело, в свое время ее раскулачили. Позднее подобное случилось с ее старшей дочерью — тетей Лидой, муж которой, проректор Саратовского пединститута, был репрессирован и больше уже не вернулся.

Тетя Лида, вернувшись в родную деревню Харино, что под Никольским, общивала ее, чтобы содержать детей. Это от нее да от бабушки и перешло рукодельное

«Лето». Лоскутная живопись.

«Птица Сирии». Одеяло. Лоскутная техника.

искусство и страсть к лоскуту к героине нашей сказки. Как зовут ее? Алептина Васильевна Шевальдина. Она преподает предмет своей любви в школе для слабовидящих детей. А еще что-то передается, а потом и возвращается к ней на занятиях в студии декоративно-прикладного искус-

ства. Уже больше десяти лет здесь изучается и перенимается по старым вышивкам, рукодельно народная традиция — охранить дом красотой, сотворенной своими руками.

*В гости заходила
Татьяна ГОНЧАРОВА*

Гармонный мастер
Николай АНДРЕЕВ:

«ВКУСНЕЕ МУЗЫКИ НЕТ...»

У гармонии на Руси своя история — и счастливая, и драматическая, и подчас даже трагическая. Я думаю, когда-нибудь будет написана удивительная книга о том, как пришло это изобретение венца Доминана и покорило российские просторы, и как в ретивой борьбе с религией запрещались деревенские праздники, и штрафами загугивали хозяев, сдававших свои избы под молодежные "вечеринки". Было и такое время, когда русские люди и сами вдруг стали стесняться гармошки, особенно те, что стали жителями городскими. Много пришлось мне услышать таких вот горьких признаний: любит человек гармошку всем сердцем, хранит, а развести меха не решается: подумают, дескать, соседи, что пьяный...

Но больше всего, помню, поразила меня однажды в нерехтской деревне Попадейкино рассказ старой крестьянки Евдокии Ивановны Матвеевой. Она в годы войны, когда под Сталинград взяли из окрестности последнего "справного" мужика, стала в колхозе председателем. Так вот рассказывала Евдокия Ивановна о деревенских праздниках, которые и тогда "рядили" вконец обессилевшие бабы, и она своей председательской властью давала накануне наряд: привезти из деревни за пятьдесят с лишним километров на этот праздник гармониста — эвакуированного из-под Смоленска безногого парня. И потом назначала колхознице целых полтора трудодня. Так и писала: "за доставку музыки".

Помню, я удивленно спросил: неужели вам до этого было? И Матвеева (ей тогда уже было около восьмидесяти, сама-то она овдовела еще задолго до второй мировой) насупила брови в ответ на мой, как я теперь, через двадцать лет, понимаю, бестактный вопрос: "А как же иначе? Ведь без

этих праздников вконец запеклись бы сердца от боли и крови. А ведь нам надо было еще несколько лет и деревню на себе держать, и детей распить, а девушкам, кому повезло, после войны и мужиков любить, и детей рождать..."

Вот такая она, незаметная для русского человека, оказывается, гармонь. Хорошо, что теперь перестают вроде бы гармошки стесняться, и праздники "Играй, гармонь!" вошли в моду. Спасибо и братьям Заволокшным, и их телепередаче. Уже не только пожилые люди, но и молодые достают старинные дедовы инструменты, которые иной раз еще с довоенных лет пылились на чердаках и в чуланах...

Но вот кто наладит их, вернет к жизни. Да и нынешняя фабричная продукция и по цене, и по звучанию устраивает далеко не каждого, а мастера-то гармонные нынче — большая редкость...

Вот к такому мастеру мы и идем сегодня в гости.

В Волгореченск приехали мы ранним рейсом автобуса, но только вошли в подъезд современной пятиэтажки, сразу стало ясно, в какую дверь звонить. — туда, откуда доносился звук гармонии.

— А я в пять часов встаю — и за работу, — объясняет Николай Александрович Андреев, видя удивление на наших лицах.

Работы мастеру хватает. Нет, наверное, ни одного райцентра, крупного поселка в области, откуда бы ни привозили сюда гармони, и из соседних областей: Ивановской, Ярославской — везут, обращаются по старой памяти мурманчане...

— Самые дорогие заказчики для меня — старички, — признается мастер, — для них вкуснее музыки, чем гармоника, нет. Для кого-то

это вообще последняя отрада. Схоронил человек подругу жизни, остался в доме один-одиночек, и болезни навалились, и сил уже немного — гармошка просто жизнь ему продлевает. Я сколько таких примеров знаю...

Сам Николай Александрович относится к тому поколению, у которого молодые лучшие годы оказались перечеркнуты войной. К гармошке он тянулся сизмальства. Но рано потерял отца, в большой семье, которую "тянула" одна мать, о собственном инструменте и мечтать не приходилось. После фронта в родном своем полусожженном селе на Псковщине заведовал клубом — и тут выручала его гармошка, помогавшая организовать молодежь. Здесь в землянку привел недавний артиллерист и молодую жену — сельскую фельдшерницу, направленную в освобожденный район после Шуйского медучилища. И вот это-то и определило всю его дальнейшую судьбу.

Приехал вскоре Николай на родину жены, а тесть — один из организаторов Шуйской гармонной фабрики, узнав, что зять играет, но собственной гармонии у него нет, привел на свою фабрику. И понравилось там Николаю, остался работать, и вскоре из учеников перевели его на самостоятельную настройку гармоней. Двадцать лет на фабрике в Шуе отработал, на три года ездил в Воронежскую область, в Борисоглебск, помогал там налаживать выпуск гармоней. А потом в газете выпал объявление, что требуются настройщики по реставрации и ремонту язычковых музыкальных инструментов в Мурманске. И этот город, в котором Николай Александрович в 41-м году после школы ФЗУ начал арматурщиком-бетонщиком свою самостоятельную жизнь, снова поманил, позвал на многие

годы. Только выйдя на пенсию, облюбовал Андреев на жительство поселок энергетиков под Костромой: Волга, места красивые и чрезвычайно привлекательные для заядлого рыболова.

А уж людская молва да старые связи, да новые знакомства с костромскими гармонистами — дело свое сделали: нашла и здесь мастера его любимая работа. Правда, когда надумал с Севером расставаться, Николай Александрович и до переезда писал в Кострому: помогите с обменом квартир — создам мастерскую по ремонту музыкальных инструментов, силенка еще есть поработать. Но не вняли, к сожалению, тогда...

— Ведь в Вологду, где ближайшая такая специализированная мастерская, не каждый, особенно пожилой гармонист, может съездить... И хотя без дела скучать Николаю Александровичу не приходится, главное, что его заботит — не оставит он здесь после себя учеников. Вот в Мурманске хоть один ученик, но все же продолжает его дело, а в Борисоглебске — трое и по сей день работают, и успешно. А здесь...

Какой бы серьезной реставрации ни требовал выдавший виды инструмент, главный принцип Андреева: нельзя нарушать в нем того, что было заложено старым талантливым мастером.

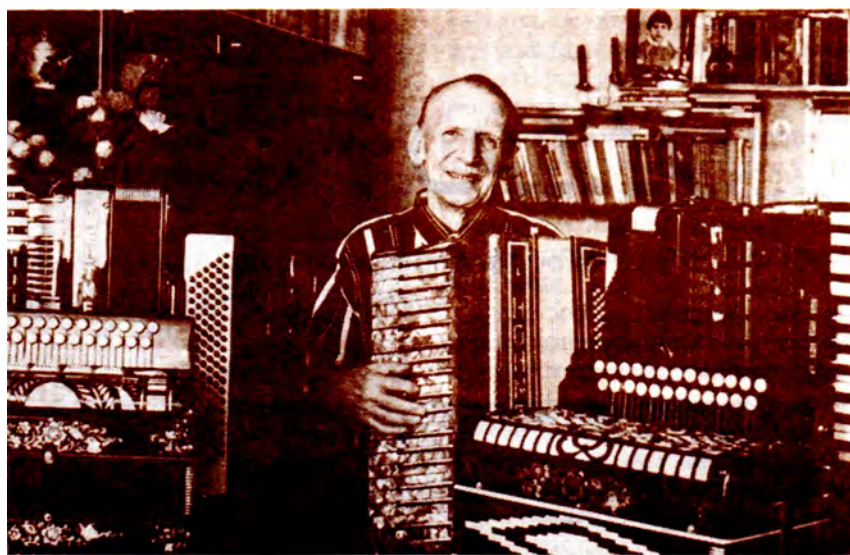
— Мне попадают гармонки такие, что я просто рад, что им второе рождение даю.

Это соприкосновение со старыми инструментами настолько приятно Андрееву, что над некоторыми заказами он готов сидеть месяцами. А есть такие, над которыми и год, и два приходилось поломать голову.

— Не это ли и отпугивает в вашем деле молодежь?

Николай Александрович со мной соглашается, но дополняет:

— Очень много надо знать. Требуется не только слух, но и знание законов физики, и навыки столярного и слесарного дела. Самое трудное — сделать голос. Все взаимосвязано: чуть-чуть где-то ошибся, и игры, звучания такого не будет. Трудно подобрать

Андреев Николай Александрович. 1996 год.

лайку голосовую. А сейчас это такой дефицит...

И вот этот дефицит всего, что требуется гармонному мастеру, тоже одна из главных причин, отчего не рискует браться за это ремесло молодежь. Андреев-то почти полвека с этим делом связан, его давние связи выручают. А как быть новичкам?

Кстати, этот вопрос Николай Александрович задавал и Геннадью Заволокину, побывавшему у мастера перед съемками своей передачи в Костроме. Долго они тогда говорили о судьбе русской гармошки. Неужели нельзя сделать так, чтобы мастера, занимающиеся реставрацией ли, изготовлением ли новых инструментов (их хотя немного сегодня, но все же они есть!), могли заказать на гармонных наших фабриках какие-то материалы, хотя бы обрезки, остатки. Ведь даже выдержанной древесины, чтобы отремонтировать резонатор или сделать новый — не сыскать! А столярный клей? ("Если резонатор делать на ПВА, звучание уже на тридцать процентов убежало, он как бочонок глухой становится"). Вопросов много, и не все они из разряда неразрешимых. Только вот помочь мастерам, выходит, никому?..

...Своей гармошки у Андреева долго не было. Сделает — и кто-нибудь тут же выпросят. Как от-

кажешь, тем более себя Николай Александрович к хорошим гармонистам не причисляет. Но вот теперь своя гармошка вроде бы появилась.

— От нее остались только ее родные клавиши, и то треть я сам сделал: некоторые не сохранились, другие мне не глянулись. Да, мало ли пришлось повозиться... Но зато гармошка теперь играет.

— А сколько же ей лет?

— За шестьдесят, не меньше.

— И сколько теперь послужит?

— А еще столько же. На мой век хватит, и после меня еще людям послужит.

Не успела закрыться за нами дверь, как из-за нее донеслись жалобные стоны довоенной "хромки", которой спешит мастер вернуть "голос", продлить жизнь. Еще одному новому своему знакомому спешит Николай Александрович помочь.

А нам вспоминается письмо, которое и познакомило нас с Н.А.Андреевым — другого страстного любителя гармошки. И в нем такие строки: "Теперь спешу к этому мастеру, как в молодости когда-то шел на свиданье к любимой девушке".

*У мастера побывали
Владимир СМОРЧКОВ
и Георгий БЕЛЯКОВ*

ОТКРЫТИЕ ПРЕДКОВ

Гость редакции журнала «Губернский дом» —
Алексей Дмитриевич Баженов

Проспект Текстильщиков, 19. Здесь недавно установлена мемориальная доска, которая гласит: "В этом доме с 1897 по 1920 гг. жил Иван Васильевич Баженов, видный духовный писатель и краевед". В прошлом году, когда И.В. Баженову исполнилось 140 лет со дня рождения, его внук впервые занялся розысками материалов о своем предке.

Алексей Баженов с родителями. 1936 г. Москва.

— Оказывается, Алексей Дмитриевич, и в семейной истории можно совершать открытия, как это случилось с вами?

— Как реликвия хранилось у нас дома подарочное издание книги с описанием древностей Богоявленско-Анастасинова монастыря, написанное нашим прадедом. По семейному преданию он лично вручал экземпляр ее монарху в день празднования 300-летия Дома Романовых в Костроме. Но если честно, я не был совершенно уверен, что это было именно так. Публикации в газетах в связи с юбилеем И.В.Баженова заставили меня покопаться в книгах и документах, и я обнаружил, что рядовой учитель духовной семинарии, где кстати Баженов прослужил всю жизнь, не только был крупнейшим исследователем церковных древностей Костромы, но и подлинным гражданином. Жаль не удалось пока составить полную библиографию его трудов в многочисленных местных и российских изданиях.

Кстати, как председатель Костромского церковно-исторического общества и заведующий богатейшим древнехранилищем Ипатьевского монастыря, он в 1913 году был экскурсоводом императорской фамилии в Палатах Царя Михаила Федоровича, где тогда размещались фонды.

— Кроме дома на пр-те Текстильщиков, где встретил последние дни Иван Васильевич Баженов, есть в городе еще места, связанные с его именем?

— Разумеется, таких мест много, ведь он вел активную общественную деятельность. Умер И.В.Баженов в 1920 году, в 75 лет, к сожалению, могила и памятник ему не сохранились. Это место в

сосновой аллее, примыкающей впритык к областной больнице. Помянуть своих предков мы с женой теперь ходим к часовне, могилы Лаговских, погребенных здесь, на бывшем Федоровском кладбище, тоже давно "упразднены".

— Если вместе с вами мы перелистаем страницы семейного альбома рода Баженовых...

— С радостью. Мой отец Дмитрий был младшим в семье, (старший брат — Валериан, сестры — Татьяна, Ольга, Мелица).

Видимо, учтя заслуги Ивана Васильевича Баженова перед Отечеством, новая власть дом на пр-те Текстильщиков не национализировала, но после его смерти дети разъехались учиться, и он был продан. Валериан закончил физическое отделение Московского университета, научную степень получил в Берлине, став крупным специалистом в области радиосвязи. Два поколения студентов-радиотехников с 30-х до середины 50-х годов учились по учебнику, написанному им. Это несмотря на то, что в 34-м он был репрессирован. Вообще, тут какая-то странная вышла история. Потому что и семью его в Москве в 4-х комнатной квартире Академии наук только потеснили подселением, но не выселили. За женой и двумя детьми осталась одна комната, но все же осталась. И дочь его смогла поступить в Московский университет, это как раз была война. Теперь она доктор физических наук, работает в области плазменных двигателей. А сын — акустик, работает с военной морской техникой.

Так вот в нашей семье от дяди Валериана никто никогда не отрекался, искали информацию о нем, но безуспешно. Уже после реабилитации у академика Мища вышла книжка "Радиомаяки", где есть упоминание о нем в связи с изобретением установки по радиолокации, которая была подарена Рузвельту. Очевидно, в те страшные годы он работал на нашу оборонную промышленность в одной из так называемых "шарашек", которые

Иван Васильевич с сыновьями Валерианом (справа) и Дмитрием. 20-е годы. Кострома.

хорошо описал в "Круге первом" А.Солженицын.

Мои тетки Мелица (инвалид с детства) и Татьяна, аптечный работник, умерли в Москве в войну от дистрофии и похоронены как и отец на Преображенском кладбище. Помню такую картину из военного детства: мы с мамой заходим в трамвай и видим — тетка

Татьяна, не обращая внимания на окружающих, алюминиевой ложкой из солдатского кошелька упикивает вареную редьку. А в другой руке у нее какой-то французский роман, который она с увлечением читает в подлиннике. Очевидно, совершенно забыв о войне, дистрофии, о том, что скоро бомбежка.

Отец мой, Дмитрий, еще до первой мировой после окончания Московского университета защитил, тоже в Берлине, диплом на звание доктора и, пока семья не переехала в Москву, работал сначала хирургом в городской больнице, потом врачом-психиатром в Никольском (его профилем стали больные дети). Моя мать Зинаида Федоровна тоже была врачом. Я наследовал профессиональные гены и физиков Баженовых, и врачей — работаю инженером по обслуживанию искусственной почки в областной больнице.

— Как случилось, что через поколение родиной Баженовых снова стала Кострома?

— Судьба. Второй раз суждено было соединиться фамилии Баженовых и Лаговских. В Москве я встретил студентку МГУ Людмилу Лаговскую и стал ездить к ней на свидания в Кострому на мотоцикле. А потом остался здесь на-

Алексей Дмитриевич с женой Людмилой Александровной и дочерьми: Ольгой и Мариной.

всегда. Оказалось, что родственниками были наши прабабушки. Родственниками мы приходимся и известному роду Григоровых. Екатерина Васильевна Хомутова, жена Валериана Ивановича, двоюродная сестра жены Александра Александровича Григорова. Обидно, что поздно приходит к нам интерес к семейной истории, все эти открытия могли бы произойти гораздо раньше...

Почему-то, вот собакам иметь родословную никогда не считалось визорным. А люди о ней не задумывались. Думаю, это связано с неправильным воспитанием двух или даже трех поколений — разрушенные родовые связи теперь не так-то просто восстановить. У нас с Людмилой трое внуков, все мальчишки. Тот, что постарше часто гостит в Костроме, атмосфера нашего дома, где живут старинные вещи прабабушек и прадедушек, завораживает его. Часто спрашивает нас: "А когда вырасту, где я буду жить: в Москве или Костроме?" И я знаю, какой ответ ему хочется услышать.

Пользуясь возможностью, хочу выразить огромную благодарность Костромской епархии, Фонду культуры, журналу "Губернский дом" за открытие наших предков, за внимание и уважение к их памяти.

Беседовала
Татьяна ГОНЧАРОВА

Постскриптум:

Когда верстался этот номер, произошло еще одно событие, связанное с именем Ивана Баженова. Вдова известного краеведа Виктора Бочкова случайно обнаружила в его архиве по указанию в дневнике пакет с редкими документами, которые Бочков называл уникальными и не раз предпринимал попытки их издания. Но, очевидно, духовное звание Баженова и характер его богословских работ помешали увидеть свет этому архиву. Среди документов, с которыми частично мы сегодня вас знакомим, приводится полная библиография трудов Ивана Васильевича Баженова, вероятнее всего составленная кем-то сразу после его кончины.

Частично с этими материалами знакомим вас на странице 27.

Ксения КОТЛЯРЕВСКАЯ

ВЕЩИ С ВЕЩЬЮ

"Семья моя,
я предлагаю тебе герб:
стакан с кипяченой водой".
О.Мандельштам.

1995 год, май

В "Губернском доме" гостят старинные фотографии, документы и другие вещи, прибывшие из своего родового жилья. Их владельцы — наследники известных костромских фамилий.

Нет, это не выставка. Гости не подверглись процедуре отбора, избежали благих порывов экспозиционера, холода застекленной витрины, дискриминации заградительного шнура. Стол, открытой стеллаж, подоконник в кабинете редактора — вот отведенное вещам пространство. И оно оказалось достаточным.

Щетка, когда-то гулявшая по сукольному полю ломберного столика, — в круглом футляре карельской березы; записная книжка в кожаном переплете; раздвижной, слоновой кости, пенальчик для спиц... Все можно потрогать, прочитать, приласкать. Но, проникшись благородством формы, изящным простодушием орнамента, восхитившись безвестными мастерами и теми, кто сохранил вещи во всех передрыгах, войнах и революциях, понимаешь, что не красотой спаслись они. Не красотой, но — способностью сродниться с людьми. И — пережив их — подтвердить тем, кто остался: мир устойчив, связь не нарушена, у всех, у всего — свой след.

Вот выведено старательной детской рукой: "Длина нашей спальни 6 ар. 13 3/8 вер. Ширина 4 ар. 7 1/2 вер. Вышина 4 ар." Где теперь те верхки-аршины и где та спальня?

Но было же, все — было! Не лгут узенькие листы, перехваченные кожаным ремешком с пуговкой! Была детская-спальня высотой 4 аршина, и были там люби-

мые игрушки: и эта лошадка в упряжке, нарисованная рядом, и заводная карета, и пушка с пружинкой охраняла детский сон... И вырос мальчик. И продлился род.

О, это были замечательные мальчишки! Светлые головы, золотой ген рыцарства.. Мне повезло знать некоторых из них.

На нашей улице со мной, идущей в школу, только двое раскланивались совершенно особым образом. Один, всегда спешащий, Геннадий Петрович Шуваев, преподаватель индустриального техникума, слегка замедлял шаг и приподымал свою кепочку. Другой, идущий медленно, прихрамывая, поравнявшись со мной, чуть склонял голову и прикладывал к фуражке два пальца: Александр Викторович Лаговский, старший советник юстиции...

Фирменную золоченую пуговицу от его мундира сберегла дочь Людмила. Пуговица лежит у меня на ладони, на ней ладыя — герб моего города. Мы отплываем вместе...

* * *

"Но вещи рвут с себя личину,
Теряют власть, роют честь,
Когда у них есть неть причина,
Когда для ливня повод есть!"
Б.Пастернак.

Июнь

"Чувство ужаса // вещи не свойственно. Так что лужица // подле вещи не обнаружится, // даже если вещь при смерти", — заверил интересующихся опальный поэт. Он только что перенес насильственную пересадку на чужую почву, и крупинка горькой прогни была предпочтительней нитроглицерина. Потом он напишет: "Знаешь, на свете есть вещи, предметы, между собой столь тесно связанные... У щуки уж сей-

час чешуя цвета консервной банки, цвета вилки в руке".

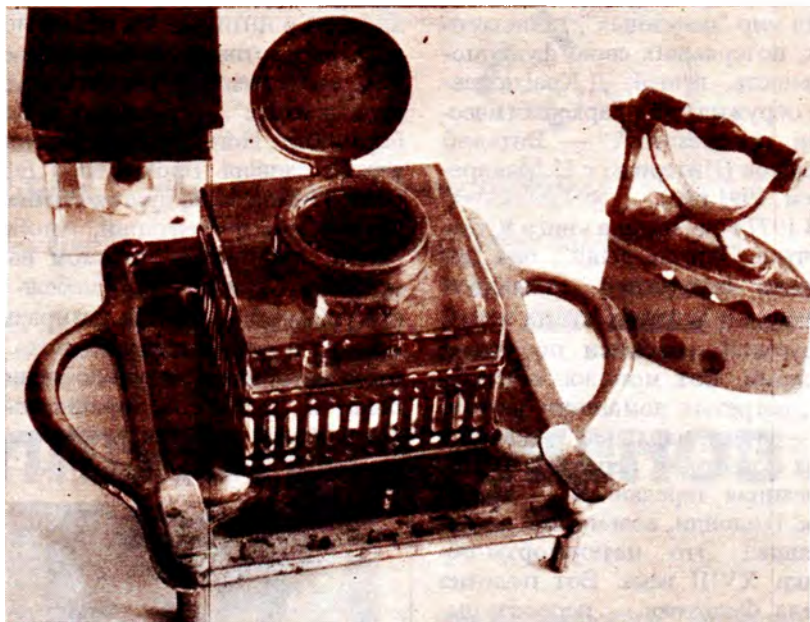
Да, что-то, а улучшение нашей с вами породы запаздывает. И пока питаться солнечной энергией не очень выходит, рядом со шкукой непременно человек с вилкой (консервной банкой, заводиком). Сгодятся также озеро, дубовая роща, земные недра и — "железная лопата в каменную грудь..."

Аштит пришел и никуда не уходит, хотя современная наука допустила себя до мысли, что планета Земля — живое существо. Способное ответить не только на наши гастрономические безумства; на внутривидовую агрессию "царей природы" — тоже. (Приходилось читать, что Спитак — один из таких ответов).

Ужаснуться может любая молекула. Так что гипотетическая влага подле умирающей "ведицы" скорее всего реальна. Круг замкнут, но метаморфозы нам обещаны. Кое-что уже известно: у каждого есть шанс начать свежую жизнь соляным столбом, а также встретить утро в облике нового Шарикова — в лаковых штиблетах и небесного цвета галстук.

Впрочем, некоторые любят повеселее. Рассказывают, что ведица, однажды сработавшая стариком с целью обрести источник пропитания, вырезала перочинным ножиком на своей деревянной руке: "Не забуду папу Карло." И ударилась в странствия.

Да, насчет дубовых рощ и странствий. В Нидерландах времен Инквизиции самой надежной основой для масляной живописи были дубовые доски от корабельного днища, просоленные морем. А лучшую рисовальную бумагу варили из старых матросских рубашек. Не случайно вещь называют "второй природой": в ее основе — вещество, природная стихия, ее смысл, характер и тайна. Живопись и рисунки могучего нидерландца Питера Брейгеля, должно быть, питаются еще и этой корневой энергией. В пространстве Брейгеля вещи реализуют свое право на песню и бунт, страсть сорвать маску и, потеряв

Письменные приборы и утюжок для кружев. Дар М.И. Полюховой.

Посох пустышки.
Дар Ю.В. Комарова.

власть над собой, — обрести власть над человеком.

"Напрасно всякий мнит найти себя в вещах", — поучает надпись на гравюре по рисунку Брейгеля, где скрюченные фигуры азартно роются в мешках и корзинах, рвут друг у друга змееподобный кусок ткани.

"Напрасно мнит найти..." Напрасно ли? Смотря для чего.

В России, на исходе 50-х, пропало "другое искусство":

из тесных комнат, похожих на шкаф — сундук — пенал;

из улиц, где "Руки прочь", "Да здравствует" и "Наше поколение будет жить";

из мифа о золотом веке, откуда "тень усатого горца" ничем не...

Уходя от вездесущей Девушки с веслом навстречу родному бульдозеру, молодые художники уносили с собой Вещь. Так, убегая из дома, затравленный, но не сломленный ребенок берет в дорогу единственно ему принадлежащее: камушек, мячик, "зеленую палочку"...

"Через вещь прошли все. В.Немухин — через ломберный столик; О.Рабин — обратился к вещам, выброшенным на помойку; И.Кабаков весь пронизан предметным миром коммуналь-

ной квартиры; А.Гросицкий открыл мир "ненужных", таинственных, потерявших свою функциональность, вещей; Д.Краснопевцев окружил себя "археологическими предметами", — Виталий Пацюков (Интервью с И.Макаревичем, 1991 год).

В 1977 году издана книга Юрия Герчука "Живые вещи"; она посвящена подвижной, меняющей значения и акценты жизни вещей в русской живописи последних столетий. Вот монолог обитателей, согретых домашним уютом: "Я — книга, нарядная, пыльная, у меня золото на переплете! Я — оловянная тарелка! Я — гребешок! Подойди, возьми, мы — настоящие! Это натюрморты-обманки XVIII века. Вот полотно Павла Федотова — первооткрывателя бытового жанра. Если это и монолог, то уже не столько о себе, сколько о своих хозяевах. Папилютки в волосах "свежего кавалера", гитара с лопнувшими струнами, черепки на полу — они расскажут и о вчерашней попойке, и об утренней, с похмелья, похвальбе. Вот картины Марка Шагала, где вещи порывают с бытовым окружением, отказываются от домашних обязанностей, сбегают с уроков логики и физики. Они срываются, они летят — в другую реальность, в неизвестно куда. У них появилась "причина петь", "повод для ливня".

* * *

*"Чего не знаешь,
то именно и нужно тебе".*

А.Чехов

(Из записной книжки)

Июль

Прибавление в семействе вещей началось уже в XVIII веке: их наносило ветром через прорубленное Петром окно.

В XIX вещная среда уплотнялась с поразительной быстротой, ее взаимоотношения с человеком усложнялись. Российским бытописателям, хотя бы и плодовитым, как Петр Боборыкин (18 огромных романов, 19 пьес, десятки повестей и др.), осмыслить их

оказалось неважноту. "В нем нет лиризма и интимности, нет ни полета, ни противоречий и крайностей, свойственных типично русской психике", — сообщал о Боборыкине Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Нужна была другая оптика, другой инструментарий, чтобы одним решительно приемом выделатъ и Собакевича, и мебель в его гостиной — да так натурально, что и не заметишь подвоха. В этом сатирическом уподоблении были и "полет", и "крайность": Гоголь умел смеяться, как никто.

Старые фотографии.
Дар о. Иоанна (с. Нежитино).

Но ровно через 3 года после выхода "Мертвых душ", майским утром 1845 года в кабинет Белинского вбежал молодой человек и объявил о рождении "нового Гоголя". Вбежавшим был Некрасов, "новым Гоголем" — Достоевский. Речь шла о его первом романе "Бедные люди".

Уже здесь обозначилась одна особенность поэтики Достоевского: предмет, оставаясь в пределах своего бытового назначения, как бы "развеществляется", свидетельствовал не о том, что у человека есть, а о том, чего нет, что потеряно. Вместе с известием о том, что "ангельчик Варинька" просватана и уезжает, Макар Алексее-

вич получил от нее закапанный слезами список поручений по галантерейной части. Все эти "блонды", "канзу", "фалбалы" и "шпы кардонне" обрушились на убитого горем Девушкина и означали одно: конец. Для Вареньки, получившей, надо полагать, к свадебному наряду все необходимые "блонды", — тоже.

Отчуждение человека и вещи, все увеличивающийся зазор между ними, равно пригодный вместить и страдание, и смех, открываются в творчестве Чехова — писателя исторических и культурных рубежей. Его занимали не "плюсы" и "минусы" в отдельности, но — парадоксы, сложность существования "на грани", когда вот-вот все может рассыпаться, разочаровать, исчезнуть. Где самым важным является предчувствие перемен.

Гайка с железнодорожного полотна умыкается злоумышленником, чтобы сделать грузило (время умыкания паровозов было еще впереди). Карта Африки, висющая в кабинете Войничского и (по ремарке) никому не нужная, надобится-таки Астрову, чтобы, глядя на нее, произнести: "А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарница — страшное дело!" (Елена только что уехала; искра, промелькнувшая между ними, к пожару не приведет).

Дилемма "иметь — не иметь" предпочтительного решения не находит. Гоголевский герой, лишившись шинели, умирает. В записной книжке Чехова читаем: "Человек собрал миллион марок. Лег на них и застрелился".

В этом текучем, неустойчивом мире люди вздрагивают не от вида летающих гробов, а от звука лопнувшей струны, внезапного шума в печке. Здесь пугаются зеленого пояса на розовом платье, называют гитару мандолиной, разговаривают со шкафом. Здесь Ирина Прозорова рыдает — в отсутствии любви: "Выбросьте меня, выбросьте, я больше не могу".

У Чехова взаимоотношения человека и вещи не плохие и не хорошие: они — странные.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БАЖЕНОВ

Некролог

Иван Васильевич Баженов, сын протоиерея села Кой, Кашинского у., Тверской губ., родился 20 июня 1855 года, последовательно обучался в Бежецком духовном училище и Тверской духовной семинарии и получил высшее образование в Казанской духовной академии, куда был отправлен на казенный счет из семинарии, как лучший воспитанник. По окончании в 1881 г. курса Казанской дух. академии со степенью кандидата — магистранта богословия, Иван Васильевич выступил в качестве постоянного работника на духовно-педагогическом, учено-литературном и археологическом поприщах, на которых он и оставался до самой смерти, в течение почти 40 лет.

Сначала И.В. состоял преподавателем греческого языка и Священного Писания в Вятской духовной семинарии, а оттуда перешел (в 1883 г.) в Костромскую духовную семинарию на постоянно занимаемую им до закрытия семинарии (1918 г.) должность преподавателя Свящ. Писания, причем вскоре по переходе он начал преподавать там же и еврейский язык, а затем в течение приблизительно 20 лет (1896 г.) занимал место секретаря Правления семинарии. Неоднократно награждаемый за примерно-ревностную службу, И.В. уже в 1907 г. имел все ордена и знаки отличия, доступные его чину (ст.сов.). Кроме

того с 1894 г. Иван Васильевич состоял членом Совета Костромской учебной архивной комиссии, каковым был избран ввиду его давнего и деятельного участия в трудах Комиссии. В 1909 году в воздаяние за разработку и напечатание им многих ценных эпизодов о памятниках местной костромской старины и долголетнее плодотворное сотрудничество в названной ученой комиссии И.В. был избран Советом С.-Петербургского Археологического Института членом-сотрудником последнего. Со времени возникнове-

ния Костромского Церковно-Исторического Общества (1912 г.) И.В. бессменно стоял во главе этого общества, будучи председателем и одним из главных фактических работников его.

На литературном поприще Иван Васильевич выступил в 1887 году и с тех пор, в течение 30 лет, напечатал множество (302) своих статей и монографий в различных церковнобогословских и археологических изданиях. Всего им было напечатано: 1) в "Русском Паломнике" — 146 статей и монографий из области священно-церковной истории, археологии, из коих 4 вышли отдельными брошюрами; 2) в "Приходском Чтении" — 62 работы; 3) в "Костромских Епархиальных Ведомостях" — 56 обширных очерков и статей, из которых 7 были затем изданы отдельными книгами ("Историко-археологическое описание Костромского Богоявленского Анастасиина женского монастыря" — 246 стр.) и брошюрами; одна из последних вышла 2-мя изданиями; 4) в "Воскресном Дне" — 10 статей; 5) в "Церковных Ведомостях" — 8 работ; 6) в "Христианском Чтении" — 3 капитальных эпизода; 7) в "Тверских Епархиальных Ведомостях" — 3 статьи; 8) в "К свету" — 3 работы; 9) в "Костромской Старине" — 2 исследования. Кроме того И.В. печатал свои труды еще в "Русской Старине", в "Вестнике Археологии и

Истории", в "Трудах IV областного историко-археологического съезда", в "Трудах Ярославского областного историко-археологического съезда", в "Пастырском Собеседнике", в "Страннике", в "Православном Собеседнике", в "Светоче" и "Всероссийском Церковно-Общественном Вестнике".

Главный и особенно ценный вклад в учено-богословскую литературу Иван Васильевич сделал своей диссертацией на степень магистра богословия на тему: "Характеристика четвертого Евангелия со стороны содержания и языка, в связи с вопросом о происхождении Евангелия". Этот труд, представляющий собой плод свыше 20-летних его изысканий в мало еще затронутой области Новозаветной лингвистики, прекрасно защищенный пред Советом Казанской духовной Академии 18 сент. 1907 г., был встречен весьма лестными отзывами видных представителей богословской науки как в России (проф. Н.Глубоковский, М.Богословский и др.), так и за границей (доктора теологии Гривеца — Австрия).

Скончался Иван Васильевич в Костроме, 9 февраля (27 января) 1920 года от крупозного воспаления легкого на 65-м году от рождения. Отпевание тела совершено было 11 февраля (29 января) преосвящ. Севастьяном, епископом Кишешемским, в Царе-Константиновской церкви в сослужении 5 протоиереев и иереев — учеников и почитателей почившего; погребен на Новом Федоровском кладбище.

Неутомимым тружеником был покойный всю жизнь, таким же оставался и до самой смерти. Еще за 2 недели до кончины (болезнь продолжалась всего 1 неделю) И.В. только что закончил свои два последних литературных труда, пока остающиеся ненапечатанными. Бодрость и мужество не оставили Ивана Васильевича в самые тяжелые минуты его жизни; а всей жизнью своей он являл пример постоянного труда, энергии, устремления к духовному совершенству.

Мир праху твоему, и память о тебе да живет среди нас вечно!

В.Б.

РЕЧЬ

перед совершением чина отпевания
Ивана Васильевича Баженова

Ваше Преосвященство, честнейшие отцы, братья и сестры!

Когда я в первый раз во время вечерней панихиды предстою этому гробу с возлежащим в нем бывшим своим сослуживцем, и в моем сознании длинной вереницей проносились служебные и внеслужебные труды и заслуги почившего, и я скорбно вглядывался в дорогие черты незабвенного для меня Ивана Васильевича, запечатленные и в самой смерти, как мне казалось, какой-то таинственной думой на высоком челе, — тогда я невольно сказал себе: "Нет, он не умер, а жив!" Да, он жив прежде всего в благородных сердцах своих многочисленных учеников, рассеявшихся по городам и весям нашего обширного отечества. Каждый из них при получении горестной вести о кончине своего дорогого учителя прольет о нем благодарную слезу и усердно помолится об упокоении души своего незлобивого, отзывчивого и талантливого учителя.

Повторяю — он жив и долго, долго будет жить в своих литературных творениях, особенно в тех, которые так обильно выходили из под его пера для читателей распространенного в свое время журнала "Русский Паломник". Учено-литературная плодовитость покойного была поистине изумительна: скажу без преувеличения, не выпускалось в последние годы существования этого журнала ни одного номера, где бы отсутствовала подпись этого высоко ценившегося редакцией и читателями сотрудника. Особенно глубоко и тепло его богословствующая мысль высказывалась накануне великих православных праздников.

С другой стороны почивший остался жить и в своих многочисленных литературных трудах по увековечению истории местного края. Свои ученые историко-археологические изыскания по краеведению он обычно помещал на страницах местного епархиального органа, археологические исследования общего характера — в "Трудах Областных Историко-Археологических Съездов". Вот почему при жизни покойного и местные ценители старины, и приезжие ученые, нередко сами профессора, которым нужны были те или другие справки по истории нашего края — все шли

за разъяснениями к Ивану Васильевичу и не уходили от него без учебного удовлетворения. Можно видеть отсюда, как обширна и многостороння была эрудиция покойного.

Так и по закрытии нашего просветительного учреждения (разумею духовную семинарию) кафедра Ивана Васильевича осталась устойчивой, а число учеников, назидавшихся его литературными трудами, можно сказать, все возрастало. Не напрасно посему прожита жизнь предлежащим в этом гробу тружеником, и в этом для нас, его сослуживцев и почитателей, — немалое назидание, а для Вас (показывая на окружавших гроб осиротевших детей почившего) — великое утешение. Здесь позволю себе отчасти приподнять завесу, скрывающую личную семейную жизнь его, и указать на тот жизненный крест, который выпал на его скорбную долю — прежде всего через преждевременную утрату горячо любимых: первой супруги Надежды Ивановны, и по кончине его второй супруги Анны Димитриевны, а также через тяжкую болезнь и смерть юной дочери Наташи. Покойный, как известно, носил свое горе в глубине души, и, безропотно неся свой жизненный крест, тем самым явил собой высокий пример глубоководящего христианина, покорного воле Божественного Провидения.

Горячо упую, что в силу многообразных трудов и заслуг на почве просвещения юного и взрослого поколения; в силу тяжелых жизненных лишений и скорбей, — ради всей безропотно пронесенной им крестной ноши, Небесный Судия живых и мертвых милосердно примет душу его и упокоит в Своих райских селениях. Ибо не ложно слово новозаветного тайновидца: "Блажени мертви, умирающии о Господе отныне. Ей, глаголет дух, да почиют от трудов своих: дела бо их ходят вслед с ними" (Апок. XIV, 13) Аминь.

И. СТУДИТСКИЙ

И.М. Студитский, член совета Костромской ученой Архивной комиссии, друг И.В. Баженова.

Публикация из архива Виктора БОЧКОВА.

«...ВКУСНО МАЛО МЕДУ, И СЕ АЗ УМИРАЮ»

Из книги воспоминаний о Костроме и костромичах

Шел 1896 год с его Всероссийской Нижегородской выставкой. Родители мои, забрав с собой и дочь Марочку, присоединились к большой группе учителей и на пароходе отправились полюбоваться чудесами выставки, а меня оставили с бабушкой Ольгой Васильевной, которая переехала в Кострому из Череповца после смерти дедушки Кузьмы Васильевича Соловьева. Бабушка Ольга была очень набожной, строго соблюдала все посты вплоть до постных дней среды и пятницы. В семинедельном Великом посте матушка моя, чтобы бабушка не ослабла, прибегала к маленькой хитрости: каши варила на молоке. Такое кушанье бабушка похваливала, но какое-то сомнение у нее появлялось, и она говорила: "Что это, Людмила, каша-то как скоромная", но ее успокаивали, объясняя, что это такая каша получается из-за дорогой крупы "Геркулес". Любила бабушка и по монастырям ездить, но одновременно она, выражаясь современным языком, была общественницей. Она, сельская попадья, прошла курсы оспопрививателей, получила соответствующие права, обзавелась необходимым инструментарием и вакциной и расхаживала по деревням чуть ли не всего уезда.

У бабушки было кроме моей матушки еще две дочки: Елизавета и Александра. Так вот, бабушка Ольга никак не могла самостоятельно решить, у кого из дочерей остаться. Съездила к какому-то архиерею посоветоваться, и тот хитро, по-соломоновски, ответил: "Живи, где лучше!". Опять

задача: зовут во все три места, и везде хорошо. И стала бабушка от нас время от времени уезжать, навещая других дочерей. Умерла она в 86 лет в Даргуне, у Александры, от воспаления легких. Не было тогда пенициллина, а то бы бабушка пожила еще.

...Из сувениров, которые были привезены с выставки, помню стеклянный тяжелый бокал; на нем выгравирована дата и монограмма. Бокал этот хранится у нас и теперь. А еще — красиво и солидно оформленный альбом фотографий с выставки и целую прядку стеклянного льна сероватого цвета. Дома она пробыла недолго, отец отнес ее в физический кабинет женской гимназии или семинарии, который тогда создавал.

На квартире у Кореновкиной появился славный белый пес — кавказская овчарка. Летом в те годы мы жили на даче в девяти верстах от Костромы в селе Покровском на Кубани. Собственно это было не село, так как никаких крестьянских хозяйств там не было, а только погост с домом причта и немудреными дачками, некоторые из них принадлежали церкви, а другие — горожанам. Занимали мы домик в три окна с терраской и светелкой. С одной стороны стояло здание школы, а с другой — дача хозяйки газеты "Поволжский вестник" Татьяны Павловны Покровской и ее мужа, Федора Ивановича, в прошлом певца-баса. Эти имена запомнил потому, что через несколько лет сестра моя в семье Покровских

В Покровском. На стуле Саша Лаговский, позади его матушка Людмила Кузьминична, сидит у самовара — отец Виктор Никанорович.

Продолжение. Начало — "ГД" № 1/96 г.

репетировала их сынка Юрочку, унаследовавшего артистические способности отца, но с голосом тенора. Обитали в поселке семьи членов Окружного суда — Упервицкого и Вальберга, бухгалтера с какой-то фабрики — Федорова. Старший сын Федорова, окончив Московскую консерваторию по дирижерскому отделению и открыв рядом с консерваторией нотный магазин, жил долго в Москве, но в голодные времена возвратился на родину и организовал здесь полубюджетную оперную труппу. Жила в Покровском и семья ректора семинарии Сырцова. Отец Иван, почти старик, очень благоволил ко мне, несмотря на то, что у самого были два взрослых сына. Я же делил свои симпатии между отцом Иваном и семинарским кучером дядей Александром. Последний был даже лучше, именно он правил парой воронных ректорской пролетки, иногда сажал меня на облучок рядом с собой, позволяя держаться за вожжи. Что может быть лучше для пятилетнего мальчика? Один раз отец Иван, отправляясь по делам на архиерейскую дачу, захватил и меня с собой. В покои архиерея меня не водили, оставив в приемной с семинаристом, исполнявшим обязанности послушника. Тут же меня угостили лакомством, какого мне еще не приходилось отведавать: пирамидка розоватого желе с пустотой внутри.

В Покровском мне как-то случилось поездить на телегах. Подростки выкрикивали какие-то незнакомые для меня слова, погоняя своих лошадей. Словечки мне понравились, я запомнил их и с гордостью выпалил родителям, когда вернулся к вечернему чаю, сервированному на террасе. Я был очень доволен, заметив, что родители усмехнулись, но радость моя сразу же пропала, как только за мои новые словечки мне велено было спустить штанишки и подвергнуться последней в моей жизни порке прутиком. Порка была чисто символической, больно мне не было, но после экзекуции, поразмыслив под столом, куда я забрался, я понял глубину своего грехопадения и потом, будучи подростком, гимназистом, студентом, солдатом и офицером старой и советской армии, не осквернил боль-

ше своих уст. Когда ребенком я делал что-либо не так, как следовало, матушка меня не наказывала, а делала вид, что она чрезвычайно расстроена и ей грустно, что ее сын скверный мальчик. Это для меня было ужасно. Наоборот: что может быть лучше, когда мама довольна.

В первое же лето нашей дачной жизни на Кубани отец принес с Ивакинской мельницы крошечного пушистого щенка и сказал, что мальчик уж дал ему кличку "Брунко". Что это за имя — никто

Ольга Васильевна Соловьева.

не понимал, но кличка осталась. В городе Брунко жил в дружбе с нашей кошкой. Питались они из одной плошки, играли по комнатам в догонялки и не без моего участия. Заключительным номером игр было следующее. Брунко "в шутку" бил лапой кошку, она валлась на пол, после чего Брунко садился на нее, а вернее — рядом, но прикрывая кошку своим пушистым хвостом — все было довольно. Кто-то высказывал опасения, что хвост у Брунко будет крючком, что пес-дворняга из породы "кабы сдох", по эта клевета, обигавшая, главным образом, меня, не оправдалась — мой друг оставался овчаркой, в крови которой была заложена страсть к охране овец. Ходил он

по городу без поводка, своих находил по следу. Эта его способность поставила в неловкое положение мою сестру Маргариту, когда она в одиночку перед страшными экзаменами в гимназии зашла на всенощную службу в церковь. Очень скоро к ней подошел староста и попросил оглянуться. Оказалось, что Брунко, полагая, что от него сестра скрылась, как при игре "в прятки", нашел ее по следу и уселся сзади ее. "Нашел!".

С возрастом у Брунко силушка прибывала, и он изобрел игру — на улице кидаться на людей, сзади молча, без предупредительного лая толкать лапами в плечи и радоваться, когда от неожиданности человек падал носом в снег. Крики, ругань, вопли, жалобы отцу — уберите собаку. Возражать нельзя. Отвели Брунушку к Левашовым, в семью священника, что жил наискосок от нашего дома. Там ему построили хорошую будку, но посадили на цепь. Он рвался, скулил и лаял, не умолкая. Это отпугивало богомольцев и нарушало благолепие службы. Без нашего ведома отправили его в какую-то пригородную деревню, там пес объявил голодовку, никого не признавал и добился того, что его пришлось вернуть обратно к нам. Надо было видеть, какие шутки он выделывал и как радовался, оказавшись дома. Встреча ознаменовалась мытьем в корыте. Без поводка или без цепи во дворе он уже не появлялся до самой старости.

По летам мы жили на даче у одного предприимчивого страхового агента — Красовского, который на своем небольшом участке выстроил десяток дач и сдавал их, благо лодочная переправа была совсем близко на песчаном пляже. Брунко стал плохо видеть и слышать, гулял на свободе. Звать его было бесполезно. Надо было хлопать в ладошки, тогда он оглядывался и как бы сконфуженно и виновато улыбался. Да, да, это именно так. Был случай, когда Брунко вплавь пытался догнать перевозную веселую лодку, на которой матушка ехала в город. Пришлось просить лодочника и пассажиров лодки вернуться с середины Волги и спасти старика, которому одолеть

всю реку было бы не под силу. Народ отзывчивый, согласился. Брунко был настолько умен и предан, что перед смертью ушел куда-то, скрылся, и все поиски его оказались безрезультатными. У Брема, кажется, отмечено, что слоны, когда наступает время, тоже прячутся, чтобы не тревожить других.

Когда на нашу новую квартиру приходили знакомые, им показывали все комнаты, я бывал в воспитании и старался, чтобы от внимания взрослых ничего не ускользнуло, и однажды допустил непростительную ошибку. В комнате Саши Покровской стояло бывшее дедушкино кресло с секретом — сиденье приподнималось, и кресло превращалось в судно. Для своего второго назначения кресло не использовалось, но мне была известна его конструкция, и я подробно объяснил в чем дело, подняв крышку и чехол, сделанный из старого коврика. По тем временам конфуз!

По какой причине отцу пришлось еще раз менять квартиру — не знаю. Можно предполагать что из-за холода: в угловой комнате мы вынуждены были поставить переносную печь, отопляемую каленным углем. В тот год директор реального училища Живилев переехал в казенную квартиру, а свою в собственном доме и предложил нам занять. Цена была непомерно высокой — 22 руб. в месяц, зато 8 комнат, но столько нам было и не нужно. Где-то у Куприна, кажется, сказано, что один переезд равняется двум пожарам. В обстановке Костромы, может, и не так. Делалось все очень просто: отец шел в контору арестантских рот (вид тюрьмы с краткосрочным заключением), вносил там какую-то плату за то, чтобы силами арестантов перенести обстановку. На другой же день являлось человек 10-15 арестантов в сопровождении символической охраны в виде одного надзирателя. Замечательно приветливый и аккуратный народ. Всю обстановку, одежду и вообще все, что находилось в квартире, брали на руки и бережно ставили там, где им указывали в новой квартире. Рояль несли на плечах четверо, да ножки и подставку пе-

далее — двое. Степные Мозеровские часы переносил, как ребенка, один человек, он же ловко в стену и костыль для часов вбил. Никогда ничего не ломалось, не портилось и не пропадало. Все происходило весьма патриархально: конвой сидел во дворе покуривал, уверенный, что побегов не будет, заключенные были довольны, что не сидели запертыми в камере. Премировать их, в особенности деньгами, не полагалось, но в отступление от правил

Дед Кузьма и Александр Лаговский.
1893 г. Череповец.

надзиратель делал вид, что не видит, когда арестанты из рук отца забирают старые колоды карт из ящиков ломберных столов. Одеты заключенные были в курточки и брюки из серого солдатского сукна, и круглые шапочки из того же материала. Группы заключенных можно было видеть, когда они мели и убирали площади и улицы города по договору городской управы с тюремным ведомством.

В Живилевском доме начались мои университеты. Куплена была разрезная на картоне азбука и тетрадка в косую клетку. Сушим наказанием была для меня буква "Е". И это тревожило мамушку — мою первую учительницу. Расстраивало ее ужасно, когда я, списывая с про-

писи слова и получив разрешение бежать во двор, бросал все на полуслово и скрывался из комнаты. Через год меня передали в руки приходящего к нам на дом учителя детской школы при семинарии — Пеликанова. Тут пошла и таблица умножения, и навыки дисциплины. Одновременно сестра Мара пробовала знакомить меня с роялем, но из этого ничего не вышло, т.к. авторитетом сестры у меня не пользовалась, и я при всяком удобном и неудобном случае лез в драку, и сестра убежала под защиту мамушки. На другой год меня отдали в детскую музыкальную школу В.С.Сумароковой, в будущем Моринной. Подробности об этой школе откладываю до воспоминаний гимназических лет.

С переездом в большую квартиру мои связи с прежними соседями — мальчишками не прекратились. Игры были различные. Наибольшим успехом пользовалась игра в "Котел". Нечто похожее на современный хоккей на траве. В центре устраивалась неглубокая яма-котел диаметром в метр, по кругу, отступя от котла метра на полтора, — маленькие ямки по числу играющих. Из них, вооружившись клюшками, ребята стараются загнать мяч в котел, охраняя одновременно свою ямку, чтобы и в нее не загнали мяч. Моим постоянным сверстником по играм был младший сын из семьи Левашовых, двое других были постарше — Иван учился в младших классах гимназии, а Николай — в духовном училище. Под их руководством и при непосредственном участии мы строили и классные комнаты с партами, и пароходы с каютой и капитанским мостиком. Недостатка в строительных материалах-обрезках досок с соседней лесопилки Бычкова можно было не опасаться. На нашем пароходе соблюдалась строгая дисциплина, команды очередного капитана: "Отдай носовую, тихий назад", "Отдай кормовую, полный вперед" — сейчас же отражались на движении колес (в трюме кто-то трудился). Недурно и посвистеть в дудку, имитируя парходные гудки... Мы, росшие на Волге, пре-

красно знали все сигналы и речные правила.

А став постарше, состязались в коллекционировании названий пассажирских и буксирных пароходов, которые мы видели своими глазами. Высшим классом считалось по гудку подваливавшего парохода назвать компанию, которой приписано судно.

Плавали тогда по нашему плесу Волги пассажирские пароходы общества "Самолет", самые фешенебельные, с командами в полуморской форме, окрашены они были в светло-розовый цвет, на трубах их была отличительная ярко-красная опояска. Кашинские пароходы — окраской потемнее, более тяжеловесные, т.к. их владельцы зарабатывали, кажется, больше на перевозке грузов, а не пассажиров. Белые пароходы "Общества по Волге", "Братьев Каменских", Зевекинские — с колесом сзади на американский лад, описанный Марком Твенном (позднее пароходы общества "Надежда"). Все эти компании имели свои пристани-причалы, расписания предусматривали по несколько рейсов в день. Прибавить надо еще два парохода, которые ходили по реке Костроме до Буя. Один одноэтажный, Набатовский и другой — Крестьянского товарищества — тоже одно-

этажный. Какое было у него официальное название — не помню, но в просторечии его прозвали "Люська кособокая" (имел какой-то дефект и действительно плыл немного бочком). Появились и юркие дачные пароходки, ходившие до Красного: "Чайка", "Муравей", "Пчелка". Поперек Волги таскал паромы на сорок конных подвод деревянный трудяга пароход "Бычков". Позднее город приобрел свой буксирный пароход "Горожанин".

Весь этот флот шлепал, пыхтел, свистел, благо тогда гудки не запрещались. Гудки были не только уставные, но и приветственные. Буксиры вели караваны барж и тоже подавали голоса низким басом. Получалось большое оживление на рейде. Красавцы трехэтажные теплоходы молча появляются с толпами отдыхающих туристов и так же тихо исчезают, не взяв на борт ни одного рядового пассажира, т.к. билеты все разобраны заранее еще в Москве (через экскурсбюро). Для деловых поездок у нас остались быстроходные метеоры и ракеты.

У меня не было секретов от родителей. Я рассказывал о мальчиках, с которыми играл. Упомянул как-то и о "Ваське сопливом", которому дали такое прозвище из-за вечно мокрого носа. Матушка выразила сомнение, может ли быть хорошим мальчик, не имеющий носового платка. Мне пришлось защищать его авторитет: когда я в кровь ссадил коленку, именно он научил меня останавливать кровь пылью с дороги. Воображаю, какая бы началась суета вплоть до противостолбнячной прививки, если бы сейчас произошло подобное с моей внучкой.

Зипомнилась самая удачная рождественская елка: она была до потолка и разукрашена красиво — частью картонажами, которые собственноручно приготовил отец. Елку опустили цветными бумажными цепями — изделие мое и сестры. Конечно, были елочные свечи, а на полу вокруг елки куча пакетов и коробок с подарками для каждого маленького гостя. Да, чуть не позабыл, крымские, длинноватой формы, с красными бочками ябло-

ки (теперь усовершенствованные гибриды вытеснили этот сорт), разнообразных фасонов пряники, пастилки и золоченые грецкие орехи. А еще на елке висели пряники бумажных национальных флажков государств мира. Самое сильное впечатление на всех производил высокий, с колокольчиком внутри, соломенный колпак. Этот подарок для меня изготовила наша кухарка, вывезенная матушкой из Новгородской губернии. Колпак, по современной оценке, шедевр народного творчества. Кстати, об "импортных" домработниках, а по-старому — прислугах. По существу они становились почти членами семьи.

Одна из таких деревенских, сучая о крестьянском хозяйстве, уговорила матушку обзавестись коровой, благо при доме был и хлев, и сеновал. Купили черную с белой головой Ярославку. Удой хороший, хватало и на сметану, и творог, и масло. Для меня был праздник, когда матушка с кухаркой — специалисткой по сельскому хозяйству — отправлялись на Сенную площадь за сеном. Покупали воз по 9-10 копеек за пуд, как смогут сторговаться. Затем покупку ставили на возовые весы, меня усаживали наверх, ехали шажком к дому, сваливали сено и уже все на пустых санях возвращались на Сенную, и взвешивали сани. Разница в весе тут же оплачивалась наличными. Если у продавца и покупательницы возникали признаки взаимного доверия, то сговаривались о доставке соломы на подстилку. По вопросам качества сена бывали консультации с проживавшим в первом этаже дома водовозом Степаном, отчества не помню, а фамилии его никто и не знал. Водопроводов не было. Степан на своем Рыжике ездил с бочкой на водоразборную будку, ближайшую к нам — на углу Пятницкой и Мшанской, и развозил воду по своему району, не проникая в районы других водозов. Бочка у него была усовершенствованная: был ввернут большой медный кран, а у других водозов ограничивалось деревянной затычкой, которая называлась втулкой. При таком устройстве терялось зря много воды, да и с санитарией дело

Людмила Кузьминична Лаговская и Маркиз. 1910 г.

обстояло хуже. С водовозами хозяйки улаживались о количестве ведер на каждый день без каких-либо праздников и за определенную помесячную плату. У Степана были две маленькие дочки, а сына не было и, вероятно поэтому, я пользовался его расположением. Отправляясь на работу, он часто сажал меня на передок телеги впереди бочки, причем мои колени почти касались хвоста Рыжика. Завидовавшие мне мальчишки всячески поносили меня и кричали, чтобы я "подставлял" свою шляпу, а куда и зачем — понятно для всех. Мне удалось придумать, как избежать насмешек завистливых, и я перебирался наверх, верхом на бочку. Родители мои знали о таких экскурсиях со Степаном, но не возражали, т.к. хорошо знали и уважали его. Одна из девочек Степана в свое время стала учительницей и бывала в нашей семье.

Разумеется, что в квартире электричества не было, как и во всем городе, следовательно, отсутствовали и электрические звонки. Отец мог бы устроить их с питанием от батарей, но не стал это делать в чужом доме и тем более, что там была своеобразная система сигналов. Во-первых, несколько комнат были соединены переговорными рупорными трубками с кухней, во-вторых, от парадной двери в переднюю и от столовой в кухню были проложены по стенам высоко под потолком тонкие резиновые шланги, оканчивались или вернее начинались они от резиновых шариков, запрятанных в поддоне крупной электрической кнопки с выдающейся наружу пробкой из слоновой кости. Стоило резко нажать на кнопку, как воздух приводил в движение язычок колокольчика на другом конце своеобразного провода. Звонка не получалось трелью, как у будильника или электрического звонка, и нужно было для верности нажимать на кнопку несколько раз.

Летом с балкона открывался прекрасный вид на Волгу и ее правый берег с Городищем и Селищем. Несколько ветряных мельниц неумоимо ризмахивали своими огромными крыльями. Маленькие

мельницы-крупорупки, как утверждает история Костромы, работали и в городе, они прибавили к названию Покровской церкви уточнение: "что в крупениках". Самое высокое место в городе, открытое для ветров, даровых работников. Теперь на этом месте по улице Энгельса высится телевизионная башня.

Отец вспоминал, сколько квартир переменить пришлось в Вологде, где началась его преподавательская деятельность и семейная жизнь, пересчитал и костромские переезды и решил, что надо покупать дом. Матушка целиком разделяла это мнение и начала поиски по городу, забирая и меня с собой. Из всех осмотренных домовладений приглянулось больше остальных то самое, где пишется эти строки. По улице Покровской-Энгельса между школой слепых и угловым дворянским домом Антиповых, позднее дворян Зюзяных, стояли два почти одинаковые, со светелками, деревянные дома много-много семейной вдовы Ольги Ивановны Иорданской. Очень приветливая седая женщина, ежесекундно закуривавшая гаснущие папиросы своей набивки, сказала, что дом продаст, сама переберется в свой другой, соседний. При доме — флигель, баня, сарай и земли "палестина" с фруктовым садом и липовой аллеей. Познакомились и с семьей: два сына — один гимназист, другой — студент, Коля и Валера. Дочь Леля учится в подготовительном классе, еще две дочери — консерваторки в отъезде. Есть еще 3 хлебника-гимназиста. Дом явно запущен: деревянная крыша поросла мхом, флигель — развалина, но уж очень хорош участок и сама хозяйка.

Условились о деньгах с хозяйкой и подрядчиком, а дальше пошло очень просто: после купчей у нотариуса в тот же день заложен был дом в Госбанке, что причиталось хозяйке — выплачено, остальная сумма отложена на капитальный ремонт. В каких рублях это выразилось — не знаю, а известно мне, что на сберегательной книжке родителей было не более 200 рублей, и точно знаю, что отец выплачивал ежемесячно ссуду в Госбанк и пос-

Александр Лаговский (сидит). 1889 г.

ледние 300 руб. внес уже после революции. Мог бы, конечно, и не платить, никто бы с него и не стал взыскивать, но отец рассуждал так: брал у государства, отдам полностью, какие бы перевороты не произошли. С подрядчиком условились, чтобы работы начались ранней весной, и все должно закончиться к началу учения в школах, т.е. к середине августа.

Наискосок от нашего дома жил законоучитель гимназии отец Василий Соколов. Летом вся его семья уезжала на дачу, квартира пустовала и о. Василий предложил ее занять, чтобы удобней было наблюдать за ремонтом. Так и было сделано. Выражаясь современным языком, надо сказать, что работы ремонтные велись по "сетевому графику". Мастера разных специальностей трудились одновременно, но не мешая друг другу. Видно, что знали свое дело и относились к нему добросовестно и не вымогали чаевых на водку. Отец говорил, что на таких мастеров любоваться следует. Флигель во дворе был сломан, дощатые сени заменены более солидными — в полбревна, появился теплый туалет — (система люфт), дровяник и мшениый коровник для

нашей Ярославки. Без каких-либо споров была поделена земля, поставлен забор, причем в одном месте по просьбе Ольги Ивановны забор шел с большим изгибом, чтобы не заставлять соседку переносить флигелек, в котором жили ее квартиранты. Фасад дома да и весь его целиком выкрасили светло-зеленой масляной краской по желанию матушки, которая восхищалась таким тоном на киевских улицах. Случайно у наших ворот оказался уличный фонарь-керосиновая лампочка на столбе немного выше сажени. Пожалуй, он и не освещал ничего, но являлся ориентиром на темной улице, но все же мне было приятно, что и фонарь у нас есть. База фонарщиков помещалась около Медного пруда, теперь засыпанного.

На этой базе и заправлялись лампы. Они развозились по точкам, а вечером фонарщик с легкой лесенкой бегал по своему хозяйству и зажигал лампы. В те времена слово "хулиган" не было известно, не было, значит, и хулиганов, а следовательно, никому не приходило в голову бить фонари — они пользовались неприкосновенностью. Улица наша была не только без асфальта, которого вообще в городе знать не знали, но была и не моще-

на, однако грязи не бывало, т.к. почва была песчаная. Тротуар, отделявшийся от проезжей части деревянными тумбами, редко где выкладывался кирпичами. Сейчас улица покрыта асфальтом, опоясана газонами и американскими кленами и залита электрическим светом.

В подкрепление похвал нашей улице поделюсь следующей историей. Губернский архитектор Л.А. Большаков зашел как-то по делам в служебный кабинет санитарного врача Когана, и, увидев у него на столе план города, заметил в шутку: "Что это у Вас мухи разными цветами... план?" Коган ответил, что он санитарный врач, и это он сам условными разноцветными значками отмечает места, где в городе вспыхивали какие-либо эпидемии. Большаков заинтересовался, попросил посмотреть санитарное состояние переулка, где находится его квартира. А там оказался целый цветник из точек. Неприятно. Тем более, что у Большакова были две маленькие дочки. Продолжили путешествие по плану города и обнаружили чистехонькое местечко, прямо-таки "зона здоровья". Где это? Покровская улица (Энгельса): высокое место, сток воды на все четыре стороны, песчаная почва, район перенаселен-

ный. Архитектор сюда и переехал, купил у О.И.Иорданской второй ее дом, сломал его, выстроил по собственному плану дом-картинку с башней, с чугунной решеткой вместо обычного забора. Так он и сделался нашим уважаемым соседом. Сейчас там живут другие люди, шесть хозяев.

В ту осень, когда мы вселились в свой дом, заботы родителей были направлены, так сказать, на интерьер, чтобы достойно встретить на новоселье многочисленных знакомых, которые присылали поздравления и подарки. Мой крестный, Е.Г.Орлов, к тому времени директор школы слепых, привез дюжину венских стульев (70 с лишком лет прошло, а ни один не расшатался), Г.Н.Ботников — о нем речь впереди — доставил качалку, тоже у нас сохранилась. Традиционный подарок на новоселье — это хлеб да соль в чистом виде, однако более всего присылали торты, но обязательно с солонкой из серебра или хрусталя. Празднование новоселья, кажется, было приурочено к маминым именинам накануне знаменитого 17 сентября по старому стилю. В этот день женская гимназия почти пустовала: Веры, Нади, Любы и Соны не приходили на уроки. В нашем доме такой торжественный и многолюдный прием был первым и последним. Мне тогда было 9 лет, из гостей знал немногих, как проходил вечер — не помню. Врезалось в память, как событие исключительное: из единственной в городе гостиницы приехали два лакея во фраках. Привезли они несколько раскладных столов и полную сервировку, различные закуски, кушанья и вина. Все это разместилось в двух больших комнатах с окнами на улицу, в комнате с выходом на террасу стояли два ломберных стола для карт, а в задней комнате хозяйничали лакеи, в их распоряжении была наша горничная Настя. Не могу понять, как это случилось, что никаких деталей в моей памяти не сохранилось, тогда как многие мелочи, более ранние и поздние, стоят перед глазами.

Гимназисты I мужской гимназии. 1903 г.
Пятый слева Александр Лаговский.

➤ Продолжение следует...

«КТО ВОЗЬМЕТ ЕЕ БЕЗ СПРОСУ...»

О том, как почтительно относились древние наши предки к книге, как ее ценили, можно рассказать немало любопытного. Книги часто жертвовались монастырям, и почти всегда такой вклад сопровождался слезною мольбой о вечном поминовении родных жертвователя. А иногда, не очень полагаясь на честность монастырской братии, призывался Божий гнев на тех, кто пренебрежет поминовением или похитит книгу.

Один из любопытных образчиков таких устрашающих подписей был на рукописном сборнике поучений Аввы Досифея, пожерт-

вованном Солигаличскому Воскресенскому монастырю посадским человеком Иваном Фокиным. Неизвестна сейчас судьба самой книги, а вот содержание подписи, скопированной в свое время И. Сырцовым и Б. Дунаевым, сохранилась: "...а не имеет ея никто из тоя Божественныя церкви николи взять да продать, или заложить, или которыми дела покорыстоваца; а ежели кто похочет ея взять из того святого храма в свою мощь силою, — и великий позор тому будет от Создателя Господа Бога, внигда судитесь ему, да и будет осужден, и молитва его буди в грех"... И чем

дальше, тем кары сулятся все более суровые: "...да будут сынове его сиры и жена его вдова, да преселятся сынове его и воспроят, да изгнани будут из домов своих, да возмет заимодавец вся елика суть его, и восхитят чуждые труды его... в роде да потребится имя его, и воспомянется беззаконно отец его пред Господем и грех матери его да не очистится, да потребится от земли память их".

Вот какие сложные риторические фигуры в более поздние времена школяры свели к лаконичному предостережению: "Кто возьмет ее без спросу, тот останется без носу".

АЗБУКА СТОИЛА КОПЕЙКУ, БИБЛИЯ — ПЯТЬ РУБЛЕЙ

В начале 1980-х годов были опубликованы документы о продаже книг в лавке Московской типографии середины XVII века — богатый источник по русской книжности этого времени.

Если внимательно посмотреть эти ведомости, можно насчитать свыше семидесяти костромичей, покупавших книги непосредственно в книжной лавке Московского печатного двора. Явно выделяются два книжных центра края — Кострома и Галич, приобретающие книги примерно в равной степени. Среди покупателей отнюдь не только представители духовенства. Среди них, кстати, обращает на себя внима-

ние игумен Галичского Успенского монастыря Иоаким, 19 августа 1650 года купивший сразу 404 Азбуки, благо стоила эта книга дешево — по 1 копейке; видимо,

пекся игумен о просвещении галичан, обучении их грамоте.

Так же поступает и "с Костромы Никольский поп Федор", купивший 2 июля 1651 года двести Азбук. Других случаев такой оптовой покупки книг костромичами приходные книги не зафиксировали.

Самым заядлым библиоманом того времени предстает "боярин и ружичный Костромской чете" Григорий Гаврилович Пушкин, который является регулярным покупателем лавки: он трижды приобретает "Уложение" — первый печатный свод российских законов, "Сборник" — статьи разных авторов для назидательного чте-

ния, Евангелие толковое повседневное и несколько "тетрадей" Минеи.

Но немало встречается и людей, чье социальное положение не обозначено, но фамилии эти впоследствии будут обращать на себя внимание краеведов, например: "Иванис Иванов сын Карцов из Костромы", "Котенин Елизарий Кирилов сын", "Афанасий

Свиныши из Галича", "Сытин Афанасий Обросимов сын из Галича"...

В общем, книгами интересуются люди разных сословий: "костромитянин подьячий кабацких дел" Сила Иевлев, посадский человек из Солигалича Василий Емельянов...

Среди покупателей Библии в 1664 году значится "костромитя-

нин Гурий Никитин", работавший в то время в столице замечательный изограф XVII века. Чьими творениями мы любуемся в Троицком соборе. К слову сказать, стояла Библия, изданная Московской типографией в декабре 1663 года, недешево — "5 рублей серебром", а это равнялось цене 19 бычков или 70 пудов ржи...

ПЕРВЫЙ КОСТРОМСКОЙ КНИГОПРОДАВЕЦ

Книжная торговля в русской провинции начала развиваться в конце царствования Екатерины Великой, и одним из главных организаторов этой торговли был Николай Иванович Новиков. По свидетельству Н.М.Карамзина, Новиков "торговал книгами, как богатый голландский купец торгует произведениями всех земель, то есть с умом, с догадкой, с дальновидным соображением". Это заключалось прежде всего в том, что Новиков привлек к торговле книгами в провинции своих друзей и единомышленников марпинистов, огромные залежи книг, напечатанные в Университетской типографии, распространились по России в конце XVIII века.

В Костроме торговал книгами молодой купец, бывший приказчик московской книжной лавки Тимофея Полежаева Василий Сопиков. Начиная самостоятельную книжную торговлю в нашем городе, один из многочисленных провинциальных комиссионеров Н.И.Новикова вряд ли предполагал, что это будут его первые шаги не только в книготорговле, но и в науке библиографии, основоположником которой он станет в России. Пока же самоучка из купеческой семьи не только торговал книгами, но и пытался познать их значение в жизни людей, познать их историю. В 1788 году Сопиков уехал из Костромы в Петербург и открыл там книжную лавку с публичной "библиотекой для чтения". С этого времени он стал не только собирать, но и описывать русские книги. В 1811 году он поступил на службу по-

мощником библиотекаря русского отдела в Петербургскую публичную библиотеку, директором которой был ученый, историк и археолог А.Н.Оленин. Одним из библиотекарей был знаменитый баснописец Иван Андреевич Крылов, под его началом и стал работать Василий Сопиков, и оставался с ним до конца жизни, производя огромную работу по комплектованию фонда русской книги.

В сентябре 1812 года, когда наполеоновские войска уже вторглись в Россию и угрожали обем столицам, Василий Степанович Сопиков на специальном бриге вывозит из Петербурга 189 огромных ящиков с рукописями и книгами публичной библиотеки, спасая их от возможного захвата наполеоновскими войсками. Через Ладожское озеро груз был перевезен в район Лодейного Поля и хранился там до освобождения России от французов.

В 1813 году Василий Сопиков начал свой главный труд, в котором воплотилась история русской книги. Он носил название "Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Сла-

вянском и Российском языках от начала заведения типографии до 1813 года с предисловием, служащим введением в сию науку, с историей о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях и с краткими из оных выписками. Собранный из достоверных источников Василием Сопиковым".

В Санкт-Петербурге, в типографии императорского театра было напечатано пять томов этого по существу первого в России библиографического труда. Мы по праву можем считать Сопикова основоположником русской библиографии и библиотековедения.

Автор не сумел увидеть все эти тома, печатание закончилось в 1821 году, а Василий Степанович умер в 1818 году, не закончив свой труд. Он прожил немногим больше пятидесяти лет (род. в 1765), но "Опыт российской библиографии" сделал его бессмертным. Иван Андреевич Крылов после смерти Сопикова поселился в бывшей его казенной квартире, переехав туда с Большой Морской. Этажом выше жил Николай Иванович Гнедич, тоже библиотекарь публичной Петербургской библиотеки.

Пять томов труда Василия Сопикова есть в фондах Костромской областной научной библиотеки им. Н.К.Крупской, и те, кто будет пользоваться и пользуется этим уникальным трудом, пусть помнит, что первые шаги в области книговедения и библиографии, как и в книжной торговле, он делал в Костроме.

В ПРЯНИШНОМ И ТАБАЧНОМ РЯДАХ

В декабре 1838 года в "Костромских губернских ведомостях" появилось объявление: "В прянишном ряду, под № 5 продаются разные вновь вышедшие книги: учебные, духовные, романы, исторические и театральные пьесы; лучшие литографированные картины и самоучительные

стекла в рамках для обучения детей чистописанию; при чем честь имею известить, что открывши оную лавку проездом, я в городе Костроме пробыть долее не могу, как до 10 числа генваря месяца будущего 1839 года".

Видимо, торговля у заезжего "книгопродавца Михайлы Кузне-

цова" в Костроме пошла бойко, и он изменил первоначальные планы, либо через небольшой срок вновь возвратился в Кострому. Так или иначе, 15 апреля 1839 года газета вновь публикует его объявление, только теперь адрес книжной лавки изменился: "В табачном ряду под №№ 15 и 16".

В СТАРИННОМ ДОМЕ СО ЛЬВАМИ

В 1855 году газета "Костромские губернские ведомости" сообщала: "Первое место между явлениями нашей общественной жизни, без сомнения, должно занять открытие в сентябре месяце "Библиотеки для чтения и книжной лавки" на Кинешемской улице в доме г. Кольчевой".

А далее автор рубрики "Городская летопись" подробно делится своими впечатлениями от посещения первой публичной костромской библиотеки: "Мы, признаться, были очень приятно удивлены, найдя ее выше ожидания. Помещение удобное, мебель изрядная, годовая цена за чтение книг, принимаемая во внимание начало этого заведения, умеренная... выбор книг делает честь вкусу содержателя библиотеки, здешнего мещанина и переплетчика И.В. Солониковского... Книги, вошедшие в состав библиотеки Солониковского, по преимуществу русские, почти все в щегольских переплетах и состоят из творений многих наших поэтов и беллетристов, немало книг и ученых. Сверх того, у Солониковско-

го есть очень много переводов творений лучших романистов Запада... Кроме книг, с будущего года Солониковский будет выписывать журналы... При библиотеке, тоже с 1856 г., откроется зала для чтения газет. До сего времени, к сожалению, в Костроме, где до 12 тыс. жителей, не считая губернских учебных заведений —

семинарии и гимназии — не было ни публичной библиотеки, ни, по крайней мере, порядочной книжной лавки".

Известность библиотеки Солониковского, как одной из лучших

в российской провинции, скоро вышла за пределы губернии. Ее устройством и уставом интересовался, например, поэт И.С.Никитин. Подробнее разузнать об этом он просил своего друга, служившего в Костроме, потому что Иван Саввич сам намеревался открыть подобную библиотеку и книжную лавку в Воронеже. Кстати, ссуду на это заведение — 3000 рублей, он попросил тоже у костромича, известного предпринимателя и мецената В.А.Кокорева.

После смерти Солониковского менялись содержатели библиотеки: Архипова, Олохова, Сунгуров, но за двухэтажным особняком со львами во втором квартале нынешней Советской улицы в памяти старых костромичей закрепилось название "библиотечный дом". Правда, теперь таких старожилов остается уже совсем немного. Дело в том, что в 20-е годы размещавшаяся здесь библиотека, носившая имя Ф.В.Чижова, вошла в состав городской библиотеки, и служение дома книжному делу оборвалось...

ЧТО ВЫПИСЫВАЛИ КОСТРОМИЧИ В 1858 ГОДУ

330 экземпляров газет и журналов по данным губернской почтовой конторы выписывали в 1858 году жители Костромы.

Среди газет наибольшей популярностью у костромичей пользовались "Московские ведомости" (32 экземпляра), у "Санкт-Петербургских ведомостей" подписчи-

ков было лишь 17. Костромичи отдавали предпочтение журналам умеренно-либерального направления: "Сын отечества" (31) и "Русский вестник" (25 экземпляров). "Отечественные записки" и "Современник" имели в Костроме по 17 подписчиков. Среди других изданий, пользующихся успехом,

хотя и меньшим, у читателей, можно упомянуть "Весельчак" (12), "Библиотеку для чтения" (8), "Иллюстрацию" (8), "Историческую библиотеку" (10) и "Исторический вестник" (8 экземпляров).

Всего же в Кострому приходили по подписке газеты и журналы 54 названий.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ КОРНИЛОВЫХ

В середине 60-х годов умер в селе Карабаново под Костромой бывший учитель и преподаватель Закона Божьего Владимир Николаевич Назанский. Род священнослужителей Назанских, породнившихся с родом Фаминых, а затем Горских, жил в Карабанове и округе с рубежа XVIII-XIX веков, их знали и в Шахове, и в Стрельникове, и в других селениях, кроме Карабанова. Всю жизнь они собирали библиотеку, которая переходила из поколения в поколение, а часть книг бывших владельцев села Карабаново и имений вокруг него также попала в эту библиотеку, сохранившись в бурные годы революции и годы советской власти. По приглашению вдовы В.Н. Назанского — Софьи Павловны Горской, сельской учительницы, я приехал в Карабаново и смог получить от нее часть книг этой библиотеки. Расскажу о двух из них. Хотя и разного формата, они выглядели одинаково: в мягкой голубоватой обложке с гравюрами, текст на каждой странице размещался в центре ее, с огромными полями со всех сторон, был напечатан на толстой бумаге с водяными знаками. Так выглядели книги начала прошлого века в дешевых вариантах изданий, так выглядели первые книжки Александра Пушкина, да и напечатаны были они именно в пушкинское время — 1828 и 1830 год.

Книга форматом побольше называлась "Чувствительное путешествие по Невскому проспекту", издана в Москве, в типографии С.Селивановского, цензурное разрешение было подписано 4 ноября 1827 года цензором Сергеем Аксакковым. (Тем самым, рыболовом, охотником и автором "Семейной хроники" — Б.П.). Автор указан не был, на шмуцтитульном листе размашистая надпись старинными, уже выцветшими слегка чернилами — П.Корнилов. Это была явно владельческая надпись, но кто этот Корнилов?

Село Карабаново известно тем, что там похоронена поэтесса Анна Готовцева-Корнилова, это их родо-

Автограф П.П. Корнилова.

вое имение. Именно к этому времени она вышла замуж за сына прославленного генерала, героя кампании 1812 года, Петра Яковлевича Корнилова, Павла Петровича, офицера, позже управляющего Костромской удельной конторой. Несомненно, это была его подпись. Но кто же автор книги?

Я перебрал многие старые словари, а также книги с описанием знаменитых частных библиотек, и нашел у Н.Смирнова-Сокольского автора книги. Им оказался Павел Лукьянович Яковлев, старший брат лицейского товарища Пушкина Михаила Яковлева, отличного поэта и музыканта. Сам Павел Лукьянович также знал Пушкина. Он прошел курс лекций в Московском университете, служил в горном деле, в министерстве юстиции, дипломатом и в Архиве коллегии иностранных дел. Его дядя, извест-

Перов Эраст Петрович.

ный литератор и издатель журнала "Благонамеренный" А.Е.Измайлов привлек его к журналистике и литературе, в его журнале печатались рассказы и повести Павла Лукьяновича, в 1831 году он издал даже роман — "Удивительный человек". Правда, заметного следа в литературе П.Л.Яковлев не оставил, но его повести и рассказы читаются легко, написаны с юмором, о чем говорит и небольшой отрывок из "Чувствительного путешествия". На странице 29 есть интересный текст: "Со мной встретился один давнишний приятель: приезжий из Костромы. Мы вместе учились и не видались лет пятнадцать. Давно, очень давно!" Думается, что этот костромич был не кто иной, как Алексей Федорович Грамматин, потому что его брат Николай, тоже учившийся в те годы в Московском университетском благородном пансионе, уже умер, а Алексей частенько наведывался в Петербург и мог встретиться с Павлом Яковлевым.

Как попала эта книга в библиотеку Корниловых? Ответить трудно, но все равно, пытаюсь понять историю создания книги, судьбы тех, кто связан с ней, в том числе и владельца, я узнал многое. Другая книга, 1830 года издания, из этой же библиотеки, называлась "Искусство брать взятки". Кроме этого, в названии было еще следующее: "Рукопись, найденная в бумагах Тяжалкина, умершего титулярного советника". Книга была издана в Санкт-Петербурге в типографии Николая Греча, она представляла собой цикл лекций об искусстве брать взятки, изложенных не лишним юмора и сатиры языком. Но кто автор этой сатиры, опять было неясно, да и не это сначала меня заинтересовало. На обратной стороне обложки была странная дарственная надпись: "В знак любви от почтеннейшего Александра Логиновича. 26 дек. 1830". Кто же был этот Александр Логинович, очень себя уважающий человек, который даже письменно называл себя "почтеннейшим"?

Здесь мне помог Александр Александрович Григоров, память которого хранила все, что касалось бывшего Кинешемского уезда. "Почтеннейшим" оказался кинешемский уездный Предводитель дворянства Александр Логинович Витовтов. С семьей Корниловых он был связан, думается мне, подарил эту книжку супругам Корниловым, зная их интерес к литературе. Но кто же автор?

Им оказался Эраст Петрович Перцов, уроженец Воронежа, выпускник Московского университетского благородного пансиона 1823 года, приятель Пушкина и Баратынского. Последний отзывался о нем как о человеке "очень умном и очень образованном, с решительным талантом". А П.А.Вяземский

писал в дневниках так: "Был у меня поэт, литератор, молодой Перец или Перцев, принес свою книжку: "Искусство брать взятки". В шутке его мало перца, но в стихах его шаловливых, которые Александр Пушкин читает мне наизусть, много перца, соли и веселости..."

Эраст Петрович встречался с Пушкиным и в Петербурге, и в Казани, одно время редактировал "Журнал общепользных сведений". Изучая этот журнал, я и узнал, что сатира "Искусство брать взятки", как и комедия "Андрей Бичев или Смешны мне люди" принадлежит перу Э.П. Перцова. Его смерть была трагической, 12 июля 1873 года по причине совершенного расстройства денежных дел он в Петербурге покончил жизнь самоубийством.

Много или мало перца в книжке о взятках, не знаю, но что по сравнению с тем временем в наши дни мало что изменилось в этом искусстве, читатель сможет понять, прочитав небольшой отрывок из этой редкой книги.

Да, книги, как и люди, имеют свою судьбу, потому что каждая книга имеет автора, героев, читателей и владельцев, а это все разные судьбы, переплетение которых иногда рождает не только картины прошлого, но и какие-то, пусть маленькие, открытия. Наверное, поэтому, когда мне в руки попадает книга, особенно старинная да еще с какими-то пометками, я стараюсь узнать о ней и ее создании все, что возможно.

ЧУВСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ

"Да, я хочу написать путешествие по Невскому проспекту — и на первый случай опишу мои странствия, хождения, приключения, замечания, мечтания от Адмиралтейского бульвара до Аничкова моста... Судьба! Я смеюсь над тобой! Я путешествую!..."

Но путешествовать по Невскому проспекту? ...Что это за путешествие? ...Как? Разве нет путешествия в карманы, путешествия по комнате, и мало ли каких других путешествий? Я знал одного доброго человека, который путешествовал — на постеле!.. Вот таким образом. Он — так, как и я — был страстный охотник путешествовать; не знаю, какие причины удерживали его дома; знаю только, что он так, как и я, нигде не бывал кроме своей деревни. Этот добрый человек обыкновенно лежал на постеле — а подле себя, на столике, ставил колокольчик. Вот он лежит, спит, просыпается и звонит... Входит человек... "А! а! мы на станции — говорит мой путешественник — пуншу!" Приносят пунш, он выпивает его и ложится. В полдень просыпается и звонит. Входит че-

ловек... "А! а! мы на станции! — говорит мой путешественник — не худо бы позавтракать"... Приносят водку и закуску. Он пьет, ест и опять ложится спать. В три часа просыпается — звонит. "А! а! мы на станции — говорит он — давай обедать!" Ест, пьет и ложится спать. Вечером опять просыпается и звонит. "Сколько мы отехали?", спрашивает он вошедшего слугу — "Двести верст", отвечает тот. "Хорошо, хорошо! Давай же ужинать!" — Ужинает, ложится спать и спит до утра. На другой день едет опять таким же порядком, и вот, как путешествовал мой добрый человек во всю жизнь свою!

Я знал и другого путешественника в этом роде. Он жил в Малороссии. У него была самая бога-

тая коллекция карафинов, штофов, полуштофов... с разными водками. Вся эта коллекция помещалась в нескольких погребцах; на каждом погребчике была надпись, например: Черниговская Губерния, Киевская Губерния, и пр. В погребчике было столько штофов с водкою, сколько в губернии городов. Мой путешественник обыкновенно отправлялся с утра до Губернии и иногда объезжал две губернии в день. В каждом городе находил или знакомых, или родных; здоровался с ними, разговаривал, прощался и ехал далее. И вот таким образом с помощью погребцов с водкою он проехал всю Малороссию и ездил до тех пор, пока не отправился в самое дальнее путешествие — на тот свет.

Признаюсь, я не в силах подражать этим господам потому, что не чувствую в себе довольно мужества к перенесению таких походов. Я путешествую по-своему. Кажется, никто еще не описывал своего путешествия по улицам города, в котором прожил пятьдесят лет; следовательно я первый изобрел такой род путешествия".

КНИЖНАЯ

ПЕРВЫЕ РУКОПИСНЫЕ КНИГИ НА РУСИ

Самая древняя старославянская рукописная книга "Киевские глаголические листки" написана около 1000 лет назад. А самая древняя русская рукописная книга "Остромирово Евангелие" в середине XI века. Более 900 лет назад мастер книжного дела писец Григорий переписал это Евангелие для новгородского посадника Остромира. Сейчас книга хранится в Санкт-Петербурге, в Государственной публичной библиотеке имени М.Е.Салтыкова-Щедрина.

ПЕРВАЯ ТИПОГРАФИЯ

Первая типография на территории бывшей Российской империи была основана в городе Вильно в 1522 году белорусским просветителем Франциском Скориной (до 1490 — не позже 1551).

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПЕЧАТНАЯ КНИГА

Первой русской датированной печатной книгой в России является "Апостол" — церковная книга, подготовленная к печати и выпущенная в Москве в 1564 году (в царствование царя Ивана Грозного) первопечатником Иваном Федоровым (ок. 1510-1583) с участием его ученика Петра Мстиславца. Печатание первой русской

книги началось в Москве, в Государственной типографии на Никольской улице (быв. до недавнего времени ул. 25 Октября) 19 апреля 1563 года и было завершено 1 марта 1564 года. Эту дату и принято считать началом русского книгопечатания. Книга содержала 268 листов, размер каждого 21 на 14 сантиметров. Было выпущено около 2 тысяч экземпляров, из которых на сегодняшний день обнаружен 61.

ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК ЧТЕНИЯ

Первая в России печатная книга для обучения чтению была выпущена более 400 лет назад тоже Иваном Федоровым. Она содержала необходимые правила грамматики, познакомила детей не только с буквами, но и с числами. В ней много поучительных афоризмов, наставлений, изречений.

ПЕРВЫЙ БУКВАРЬ

Буквари, да и другие учебники были самыми читаемыми книгами на Руси. Авторами первых русских букварей были сплавщики (редакторы) Московского печатного двора. Создатель "Букваря языка славенска, сиречь начало учения детям..." (1634 года) — "подьячий сын Василий Бурцев" (Бурцов-Протопопов).

В 1694 году монах Карион Истомин (ок. 1640-1717), русский поэт и просветитель представил ко двору первый русский иллюстрированный букварь. Каждая буква алфавита сопровождалась рисунком предмета на эту букву. Букварь знакомил с латинской,

греческой и польской азбуками. В книге почти полностью отсутствовали религиозные тексты. Предназначался букварь не только "отрокам", но и, что было тогда новым, "отроковицам".

ПЕРВЫЕ ЭКСЛИБРИСЫ

Первый экслибрис появился в России в начале XVIII века. Бурный рост книгоиздательской деятельности, книжная торговля с европейскими странами привели к созданию большого числа личных библиотек. Очень крупные по тому времени, хорошо подобранные книжные собрания имели сподвижники Петра I Д.М. Голицын, Я.В. Брюс и другие. Книги их библиотек украшали первые печатные книжные знаки — миниатюры в шрифтовом и гербовом исполнении.

САМЫЙ ПЛОДОВИТЫЙ ЛИТЕРАТОР

Самым плодовитым русским литератором можно с полным правом считать Андрея Тимофеевича Болотова (1738-1833). По некоторым подсчетам, его сочинения, будь они изданы вместе, составили бы 350 томов обычного формата. Болотов прожил 95 лет и повидал 7 царствований: от Анны Иоанновны до Николая I. Его можно считать рекордсменом-долгожителем среди русских писателей.

Самое главное произведение — "Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков" он создавал с 1789 по 1861 год.

При жизни Андрей Болотов был известен и как литературный критик. Но подлинную, отчасти даже прижизненную славу принесла Болотову... агрономия.

ПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАННЫЕ СТИХИ

Первым русским поэтом, опубликовавшим свои стихи, был директор Санкт-Петербургской типографии М.П.Абрамов. 29 декабря 1711 года его стихотворение было напечатано в типографии, правда, весьма скромным тиражом — всего в одном экземпляре. 6 января 1712 года преподнесено Петру I.

САМОЕ ДЛИННОЕ НАЗВАНИЕ КНИГИ

Самое длинное название книги состояло из 53 слов. В 1848 году вышла книга Сергея Боброва под названием: "История небывалых приключений нашего отважного друга Ильи Алексеевича Комова в неведомой стране, где правят: Догадка, Усидчивость, Находчивость, Терпение, Остроумие и Трудолюбие, и которая в то же время есть пресветлое царство веселого, но совершенно таинственного существа, чье имя очень похоже на название этой удивительной книжки, которую подlezжит читать не торопясь".

САМАЯ ДЛИННАЯ ФРАЗА

Александр Житинский — автор самой длинной в мире литературной фразы. Она — более двух с половиной тысяч слов — разместилась на восьми страницах сборника "Голоса", изданного в Ленинграде в 1977 году. Предыдущий рекорд принадлежал Марселю Прусту.

САМЫЙ ОРИГИНАЛЬНЫЙ АВТОГРАФ

Самый оригинальный автограф принадлежит Максиму Горькому. Весной 1937 года итальянские рыбаки в окрестностях Палермо выловили огромную че-

репаху весом в 100 килограммов. Внимание рыбаков привлекла надпись, сделанная на панцире: "Выпустил на свободу черепаху Тото 1 апреля 1922 года. Черепаха весит 52 кг и длина ее 90 см. Тото очень любит сардинки. Максим Горький. Капри".

ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Первый в России литературно-художественный журнал "Праздное время в пользу употребленного" вышел в 1759 году. В его создании принимали участие писатели А.П.Сумароков, М.М.Херасков и другие.

ПЕРВЫЙ РУКОПИСНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Самый древний рукописный календарь славян — "Остромирово евангелие" (1056 год). Оно начинается текстом, который читается на пасху. Далее все чтения идут небольшими специально подобранными отрывками на все последующие дни церковного года.

КАЛЕНДАРЬ В СТИХАХ

Первый российский календарь в стихах был выпущен на одном листе в виде настенного плаката. Календарь "Хронология" был составлен Андреем Рымшей и опечатан в городе Остроге Иваном Федоровым 5 мая 1581 года.

ЗАГОВОРИЛ СТИХАМИ

Известный русский физиолог Николай Константинович Кольцов (1872-1940) до трех лет не говорил, а в три года сразу заговорил и притом... стихами. В пять лет он самостоятельно научился

ДАРКА

читать от старших брата и сестры. Мать же считала, что пятилетнему мальчику читать рано...

9 КНИГ В ДЕНЬ

Николай Александрович Рубакин (1862-1946) — известный русский просветитель, библиограф, литератор и публицист — прожил 84 года. Он обладал талантом чрезвычайно быстрого чтения. Сам Рубакин утверждал, что за свою сознательную жизнь он прочитал около 200 тысяч книг. Если считать, что он начал читать с десятилетнего возраста, то получается, что в день он читал в среднем по 9 книг.

САМЫЙ ПЛОДОВИТЫЙ ДРАМАТУРГ

Великий русский драматург Александр Николаевич Островский (1823-1886) — автор 47 оригинальных пьес и 7 пьес, написанных в сотрудничестве с другими авторами. Среди его произведений — комедии, драмы, исторические хроники, сцены, трагедии и драматические сказки.

САМАЯ «НЕРУССКАЯ» БУКВА

Самая "нерусская" буква в нашем алфавите — Ф. Нет ни одного исконно русского слова с буквой "Ф". Все слова с этой буквой пришли к нам из других языков.

ИСКУССТВО БРАТЬ ВЗЯТКИ

..Взятки взимаются тройким образом. Во-первых, натурою; к сему разряду причисляются обеды, подарки на память любви и дружбы, сюрпризы в дни именин или рождения самого взяточника, его жены и детей; нечаянное забытие вещей на столе, или вообще в доме взяточника, продажа движимого имущества, и уступка дворовых людей, совершаемые на законном основании, разумеется без платежа денег, и т.п. Сего рода взимание взяток, вероятно, введено в употребление первобытными лиходелателями, в древнее время, когда еще господствовала меновая торговля товар на товар. Взгляните на таковые взятки, как на все прадедовские обычаи, с сыновним благоговением и почтительностью; но принимайте оные с крайнею осмотрительностью: мало соответствуя духу нынешнего времени, они могут подвергнуть большим неприятностям, чему подвергается историк, делая анахронизмы. Не забудьте, что взятая вещь всегда напоминает прежнего своего хозяина; следовательно не от вас зависит воспоминание о средстве, коим она перешла в ваши руки. Лучшим же из сего рода взяток справедливо почитаются обеды: такия взятки скрываются в безопасном месте, т.е. в желудке, никогда не обличаются; и в летописях лихоимства не было еще примера, чтобы обеды доводили до суда и расправы. Я сам знавал многих дельцов, которые постоянно несколько лет "кормили завтраками" просителей, немогущих давать им обедов, а просителей, дающих обеды, удовлетворяли, смотря по числу и качеству блюд; и которые притом во все время служения сохранили имя честных и безкорыстных чиновников. Бывало, придет проситель к такому дельцу на дом. Очень хорошо, скажет безсребренник, я рассмотрю ваше дело в такой-то день после обеда. Если просителем случался человек догадливый, то он тотчас же при-

глашал дельца в упомянутый им день к себе откушать, и тогда успех дела уже зависел от искусства повара: иных стряпчих было не нужно; но если проситель не постигал таинственного смысла слов "после обеда", то и пища пропало. Второго рода взятки родились на свет вместе с изобретением денег, и взимаются ходячей монетой по курсу, но из всей государственной монеты предпочтительно избирайте ассигнации, потому что они переходят из рук в руки без шуму и без стуку, легко промениваются на серебро и золото, даже еще с барышом, мало

требуют места и удобно помещаются всюду: в карманах, за галстухом, в сапогах и за обшлагами рукавов... Ах, Мм. Гг., здесь не могу вспомнить без слез о том золотом времени, когда нашивали кафтаны и фраки с непришивными обшлагами! Мода, наравне с прочим, вооружилась против нас, и впоследствии истребила сии нарукавные закромы для денег. Одни только закоренелые подьячие в отдаленных губерниях еще решаются употреблять их!

Всякое ремесло имеет свои технические термины: так и у нас брать деньгами называется вести дела на чистую; каждой из ассигнаций мы придаем особое название, основанное на отличитель-

ном ее признаке: пятирублевую называем синницею, десятирублевую сингирем, двадцати и пятидесятирублевые белыми голубями, сторублевые шеголем, шегленком по ее величине и красивым узорам, а двухсотрублевые пеструшкою, по пестроту ее изнанки. Сей язык весьма облегчит вас при взаимном разговоре друг с другом: метил в голубя, а попал в синицу; не зевай, ведь у него садки пеструшек; сии выражения громко произносятся в присутственной камере, перед зеркалом, при самих просителях, не возмущая общего спокойствия, не поражая никого удивлением. Не правда ли, что сии превращения лоскутков разноцветной бумаги в певчих птиц и рыбу суть истинно поэтические вымыслы, ибо поэзия любит одушевления; и так Мм. Гг., вы видите, что и взяточное дело не лишено поэзии.

Третьего рода взятки употребляются особами лучшего и знатного круга: это взаимные одолжения или по должности, или по приятию; иногда процесс решается в пользу одного тяжущагося на договоре, чтобы он в свою очередь доставил делопроизводителю такую-то выгоду по службе, иногда судья уступает наветам всем известного оглашенного ябедника единственно для того, чтобы, поссорившись с ним, не потерять партии в вист; иногда начальник сморит сквозь пальцы на плутни своего секретаря, любя в нем славного малого, который, как нельзя лучше исполняет его домашние поручения; иногда участь несчастливца делается еще горестнее от того, что какой-нибудь N обещался MN представить сына его в дом вельможи и принять под свое покровительство; иногда из угождения прекрасной даме мужа сажают под арест; да, Мм. Гг., и глазки красавицы — те же взятки. Но ни времени, ни сил моих не достанет, если бы я стал исчислять все случаи, где на реше-

«ЗАГАДКИ» ПЛАТОНА АКТОВА

ние дела имеют влияние знакомство, родство, кумовство, связи, сходство образа мыслей и характеров, приличие и тысячи, тьмы тысяч светских отношений. Вообще, взятки третьего рода должны быть названы невещественными. К ним причисляются и похвалы, которыми писатели взаимно одоужают друг друга; так как сей класс людей все свое существование основывает на славе, то взятки у них берутся не чем иным, как славою.

Из сказанного мною, вы, вероятно, уже сами вывели заключение, что взятки первого рода составляют низшую, первоначальную степень в нашем искусстве по времени своего происхождения и по удобству взимания; а третьего рода суть высшего образования и благороднейшего значения: это утонченность нашего искусства в той же мере, как и класс людей, между коим оные наиболее имеют обращения, утонченнее других классов в общежитии и просвещении. Взятки же второго рода составляют середину между первыми и третьими, и несравненно употребительнее их обоих потому, что класс людей среднего ума и посредственного состояния многочисленнее прочих.

И так, взятки разделяются на три рода, и сие разделение происходит из самого естества оных: не очевидное ли это доказательство, что искусство брать взятки составляет также отрасль философии, ибо философия, особенно та, которая ныне движет умами под названием новейшей, находит тройственность во всех силах и действиях природы. Вот видите ли, и Поэзия, и Философия имеют свои доли в нашем деле; не вправе ли мы думать, что кто взяточник, тот уже и Поэт, и Философ, следовательно один вмещает в себе достоинство троих, тогда, как поэт почти всегда остается только Поэтом, философ — Философом?

"Искусство брать взятки", СПб, 1813 год, отп. в типографии Греча.

Летом 1842 года в столичной "Литературной газете" появилось пространное объявление о распродаже уникальной библиотеки чиновника П.Я.Актова, в которой только редчайших книг насчитывалось более тысячи. Были в составе библиотеки и рукописи на латинском и старославянском языках: молитвенник Карла Великого, история Юстиниана XIII в., папская булла XV в. и др. Из книг великой редкости достаточно назвать гуттенберговскую "Сивиллину книгу" 1444 г., 46 инкунабул, славянское Евангелие на престольное XV в. Такую библиотеку, конечно, раскупили быстро. Зато ее судьбою знатоки книги интересовались и столетие спустя — ведь большинство актовских книг до сих пор не обнаружено. Привлекала внимание исследователей и сама личность Актова: как он сумел собрать такую великолепную библиотеку?

Все поиски приводят в Нерехту конца XVIII века. У священника Воскресенской церкви Якова Нерехтского было три сына: старший, Михаил, принявший фамилию Диев, стал первым костромским краеведом и своими трудами внес огромный вклад в изучение

истории родного края; младший, Владимир, названный Актовым, умер рано, но успел опубликовать несколько сочинений и написать "Нерехтскую хронику". Средний сын родился в ноябре 1787 г. — это и был Платон Яковлевич Актов.

У поповича одна дорога — в семинарию. Попал и Платон в Костромскую семинарию, в 1816 году с отличием окончил ее и определился учителем и инспектором в Макарьевское духовное училище. Восемь лет прожил в Макарьеве Актов, перевел там на досуге "Римскую историю" Евтропия, приохотился к собиранию книг. Возможности были — в Макарьеве существовали три годовых ярмарки, на которых торговали и книгами.

Духовный сан вконец опостылел молодому книголюбу, и он переводится в Тулу на гражданскую службу. 14 лет провел в Туле Платон Яковлевич. Служба службой, а главным делом его жизни стало собирание книг и не каких-нибудь, а самых редких. Собрал он в Туле библиотеку из 5 тысяч томов и подался в Петербург, устроившись столоначальником в Департаменте уделов. Через четыре года он скончался.

Актвов любил книги, тратил на них все: время, энергию, деньги. Был он человеком много знающим, владел несколькими языками, пытливым (свои находки изучал и описывал). Его современник, известный профессор И.М. Снегирев отмечал, что книги Актова снабжены "точными о достоинстве их отзывами иностранных библиографий с означением при том знаменитых мест и лиц, коим какая книга принадлежала". Следовательно,

Актов был просвещенным библиофилом.

Позволительно спросить, на какие средства приобретал Актов ценнейшие и редчайшие книги, за которыми безуспешно охотились миллионеры? Ведь от отца ему ничего не досталось, жалование учителя в духовном училище копейное, да и на гражданской службе Платон Яковлевич занимал невысокое место, а по роду занятий не мог брать взятки, если бы и хотел. Состояния после него никакого не осталось — одни книги. Выходит, он отказывал и себе, и семейству во всем. А Актов, по-видимому, нуждался. Переезд в Петербург и приискание места все-таки встали ему в копейку, и книголюбу пришлось расстаться с рядом столь дорогих ему книг. Характерно, однако, что предложил он их не частным собирателям, которые могли бы заплатить без проволочек крупную сумму, а императорской Публичной библиотеке. Всего

продал он 23 книги, частью старопечатные, частью же вовсе не известные библиографам. Библиотека для переговоров с Актовым направила своего служащего И.А.Крылова, знаменитого баснописца. Тот оценил редкость книг и ходатайствовал о их покупке. Впрочем, продал Актов книги недорого, а деньги согласился получать в рассрочку.

Ну, изыскание средств на приобретение книг — одна сторона дела, а другая — каким образом он их находил? В Туле такие книги найти было невозможно. И здесь надо обратить внимание на Михаила Яковлевича Диева, всю жизнь прожившего в Нерехте. Он-то и был главным агентом своего брата по сбору книг. Он сам писал об этом. Так, в письме к И.М.Снегиреву от 1840 года Диев сообщает: "В апреле я купил для родного моего брата Платона, служащего в Петербурге при Департаменте уделов, Евангелие, писанное тростью в XIII веке

иноком Алексием..." Вообще Диев великолепно знал состав актовской библиотеки, что было бы невозможно (в Петербург он не ездил), если бы часть книг не прошла через его руки. В Костромской губернии у Диева — знаменитого краеведа — было множество знакомых, он знал всех собирателей и хранителей древностей, имел доступ в монастырские библиотеки. А редчайшие книги в Костроме и ее округе были — не исключено даже, что попала часть исчезнувшей библиотеки Ивана Грозного. Некоторые из книг Диев разными путями мог приобрести для брата. Во всяком случае, костромское происхождение актовской библиотеки несомненно.

Минуло много лет со дня смерти книголюба-нерехтчанина, а ученые не могут еще разрешить "загадок", поставленных Актовым. Но, может быть, еще найдутся материалы, проливающие свет на историю этого удивительного книжного собрания.

Документ без комментария

100 лет назад

Его Превосходительству,
ГОСПОДИНУ КОСТРОМСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ
Костромской Уездной Земской Управы
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

На предстоящей всемирной выставке в Париже имеет быть международный съезд врачей, членом которого состоит гласный Костромского Уездного Земского Собрания доктор медицины Николай Васильевич Комаревский, по секции акушерства и гинекологии.

Ввиду предстоящего открытия Костромским Уездным Земством родильного дома имени Ф.В.Чижова, Уездная Земская Управа, желая воспользоваться последними данными медицинской науки для наилучшего его оборудования, вошла в соглашение с г.Комаревским по этому предмету и просила его с этою целью произвести осмотр акушерских и гинекологических заведений в Париже, а равно и приветствовать съезд от имени Костромского Уездного Земства.

О чем Уездная Управа и имеет честь доложить Вашему Превосходительству.

1 июля 1900 г.

Председатель Управы Ю.Ушаков.
Секретарь Н.Вестовский.

ВЗРОСЛЫЕ ЗАБАВЫ

"Маскарад в Костромском общественном собрании ознаменовался дипломатическим инцидентом. В танцевальном зале появился молодой человек в пиджачной светлой паре, когда все приглашенные кавалеры были в черных сюртуках и визитках. Распорядитель маскарада нашел пиджак костюмом неприличным и попросил дежурного старшину этот самый пиджак вывести. Но пиджак заартачился и поставил вопрос на принципиальную почву: что приличней — чистый серый пиджак или грязная черная визитка?"

Мнения присутствующих разделились: одни стояли за пиджак, другие — за визитку. Инцидент обошелся без вооруженного столкновения. Приятели увели пиджак в буфет, где можно сидеть даже без пиджака".

Журнал "Осколки" № 1, 1896 г.

ТИПОГРАФИЯ В СЕЛЕ КОРЦОВЕ И КОСТРОМЕ

О существовании сельской типографии в Корцове до сего времени не существовало сведений. Корцово — село Костромской губернии и уезда, принадлежавшее помещику Никите Сумарокову.

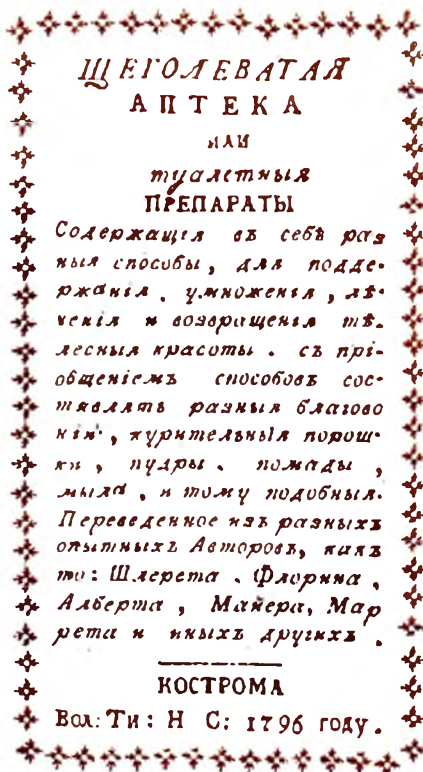
В 1804 году костромской губернатор Кочетов в ответе на запрос Министерства Народного Просвещения сообщил туда следующее:

"...В прошлом 1792 году костромским помещиком капитаном Никитою Сумароковым заведена собственным иждивением, на основании высочайшего имянного указа 1783 года генваря 15 дня, вольная типография здешнего уезда в сельце его Корцове, о чем по силе того узаконения и объявлено тогда костромской управе благочиния; но поелику та вновь заведенная типография не имела дальнейших успехов, кроме каких-либо не заслуживающих внимания, то производства в ней никакого почти не было, а единственно работники приобучались к печатанию на российском языке. означенному содержанию не дано никакой привилегии при учреждении упомянутой типографии. Наконец, сия последняя отдана им, Сумароковым, по условию в год в костромское губернское правление, при котором и ныне существует".

Таким образом, из этого видно, что типография Сумарокова, открытая в сельце Корцове, послужила для устройства костромской губернской типографии. В нашей статье годом основания последней был указан 1792-й; в этом мы основывались на списке типографий, состоящих в ведении Министерства Народного Просвещения, помещенном в журнале "Периодическое сочинение о успехах народ-

ного просвещения", 1810 г., № XXIV, стр. 55.

Список этот был составлен на основании тех самых бумаг, которые входят в рассматриваемое нами архивное дело, но, вероятно по небрежности составителя, со-

вершенно не упомянуто о том, что в 1792 году типография эта была основана не в самой Костроме, а в сельце Корцове. Теперь мы получили возможность исправить это неверное показание. Но остается открытым вопрос: когда именно была типография эта перенесена из Корцова в Кострому.

Книги, на которых местом печатания показана Кострома, известны, начиная с 1793 года, но, может быть и то, что издания, печатавшиеся в сельце Корцове, вы-

ходили с пометкой уездного города — Костромы. Так было, например, в типографии, находившейся в селе Казинке Козловского уезда Тамбовской губернии; на напечатанном здесь собрании сочинений Вольтера местом печатания показана не Казинка, а Козлов.

Большая часть известных костромских изданий отличается, как это отметил и Губерти, неопытной внешностью и неисправною корректурою; таким образом, вполне возможно, что это плоды деятельности тех печатников, которые, как сказано в выше приведенном донесении, "приобучались" типографскому искусству.

Полагаем, что может быть на месте, в Костроме, удалось бы выяснить, когда типография обосновалась в Костроме, и там ли, или же в Корцове, напечатаны издания, вышедшие с пометкой "Кострома".

"Русский библиофил" № 7,
ноябрь 1913 г.

* * *

Известно, что в типографии отца и сына Сумароковых вышло 11 книг — "Постная повариха...", "Разумная нянюшка...", "Цвет пчелам, мед женам, а сор дуракам", "Щеголеватая аптека...". Последнюю живший в эмиграции известный библиофил Михаил Осоргин считал чрезвычайной редкостью, имеющей едва ли не национальную значимость: "Книжечку эту храню бережно у себя, но придет время — сам ли отвезу, либо отвезти завещаю обратно на родину, чтобы не пропала такая ценность..." К сожалению, книг, изданных в типографии Сумароковых, в книжных фондах Костромской области не сохранилось.

«КНИГАРЬ»

Первые годы после Октября 1917-го отмечены были множеством журналов и альманахов, выходивших в Костроме. Правда, выглядят они в большинстве своем с полиграфической стороны довольно непритязательно, напечатаны на тонкой газетной бумаге. Да и жизнь этих изданий оказалась недолговечной.

Общественный литературно-библиографический машинописный журнал "Книгарь" издавался Костромской Центральной библиотекой в 1922-1924 гг. К сожалению, не все его номера сохранились даже в нашей областной научной библиотеке, есть страницы, которые до того выцвели, что сегодня уже не поддаются прочтению. Сначала журнал выходил ежемесячно, потом вынужден был переходить на "сдвоенные" номера: очевидно иссякает "портфель" редакции да и средства на его издание. В лучшее время тираж его достигает 25 экземпляров, но чаще приходится ограничиваться одной закладкой в пишущую машинку.

И все-таки для того, кто стремится понять не только жизнь и работу библиотек, но и жизнь Костромы того времени, "Книгарь" и сегодня представляет интерес. Отнюдь не дилетантскими выглядят и сегодня многие публикации литературного отдела. Любопытны отклики на события культурной жизни Костромы тех лет, "картин-

ки с натуры", такие, например, как "Костромичи любят "кинематошку" и "Впечатления с диспута "Куда идет искусство", или нужен ли нам Островский?" С большим интересом читаются и этнографические очерки М.М.Зимина, и результаты проводившихся в то время библиотекарями исследований читательской аудиторией.

Редакция и сотрудники журнала «Книгарь»:
Е.А. Егоров, Г.Н. Рубинский, М.М. Зимин, В.В. Звездин. 1923 г.

М. ЗИМИН

П А С Х А

ет больше и торжественнее на Великой Руси праздника, как Пасха. Пасха любимейший праздник русского народа. С особенной ра-

достью ждут крестьяне "Светла Христова Воскресенья".

Несмотря ни на какую погоду и даже ужасную весеннюю распутицу, крестьяне старые и малые, "от мала до велика", изнуренные семинедельным постом, идут и едут в свой приход (в церковь).

Из дальних селений, с вечера, в темноте, один за другим пробираются крестьяне с пасхами в руках послушать "страсти". Старики, приткнувшись в уголке церкви, от переутомления дремлют и засыпают с храпом, а помоложе — сидят в церковной сторожке,

одни спят, а другие шепотом разговаривают, и нет-нет да и послышится девичий смех от шуточных рассказов парней.

В прежнее время церкви иллюминировались разноцветными плашечками и стаканчиками, во время крестного хода пускались фейерверки, чему особенно радовались ребятишки, а в момент первого удара в колокол к светлой заутрене, ровно в 12 часов ночи в некоторых селах стреляли из маленьких пушек, иногда так сильно, что стекла у церкви дрожали и даже лопались.

Первого удара в колокол ждут крестьяне как чего-то особенного, а спавшие, заслышав звон, моментально вскакивают, и весь народ радостно оживляется и крестит свой лоб. А сколько радости бывает у крестьян при первом возгласе "Христос Воскресе". Тысячи рук крестят себя.

При входе крестного хода в церковь бывает ужасная давка. Только и слышится:

— Потише, не напирайте, ради бога, задавили совсем.

— Пропустите сначала образа, успеете войти.

— Да што вы прете, господи помилуй.

Но толпа неумолима, она напрягает все свои силы, не щадя ни старых, ни малых, ни слабых, лезет в полном беспорядке, стараясь поскорее попасть в церковь.

В пасхальную утрению ярко-красиво бывает освещена церковь. Все молящиеся стоят с зажженными свечками, в праздничных нарядах и с веселыми лицами. Городская "зараза" проникает не только в ближайшие от города деревни, но и в глухие уголки. Девочки пудрятся, красятся, подвигаются и рядятся в модные платья.

Многие, плотно стиснутые, от утомления и от жары дремлют, но веселое пасхальное пение не дает им захрапеть. То и дело слышится возглас священника:

— Христос воскрес.

И громко, с верою отвечают крестьяне:

-- Воистину воскрес.

оногитесь утрени, начинается христосование со священником, дьяконом с передачей им красного яичка. Христосуются и друг с другом, обмениваясь яичками, а то и так. Парни целуют девиц "в сладь". Избавиться от нежелательного поцелуя парня девицы никак не могут. Чтобы не ускользнули девицы от поцелуев, парни встают у выходных дверей, протпскиваются через народ и нагоняют на улице. Пользуясь пасхальным случаем, парни целуют тех девиц, которые кроме пасхи ни за что не согласились бы целоваться с ними. После таких поцелуев хвастают друг перед дружкой:

— Ванюха, ково я поцеловалто — Анну Ивановну. Губы-то у ей какие! Што твой мед. Ц... Когда целовал, у ей так и вспыхнуло лицо, а у меня все жилки задрожали.

После обедни освящаются пасхи, расставленные около стен всей церкви с воткнутыми в них и зажженными свечками и тремя красными яичками на ней, нарочно разбитыми.

Случалось, что задремавший крестьянин по ошибке брал чужую пасху, но его останавливали:

— Што ты очумел што ли, али обалдел, мою-то пасху берешь. Али спишь и не видишь, открой зенки-то да разгляди путем.

С освященной пасхой крестьяне дальних деревень от прихода заходили на кладбище похристосоваться с родными (умершими). Помолвившись и поцеловав землю на могилке, оставляют кусок пасхи и яйцо и идут домой, любуясь на восходящее радостно играющее солнышко.

Оставшиеся дома с нетерпением ждут освященную пасху, чтобы разговеться после семинедельного великого поста. Некоторые и ребятишки борются со сном, а спящих непременно разбудят:

— Вставайте, деточки милые, нам божинька пасочку дал, сейчас

в окошечко постукал, яичко и молочка принес. Подымайтесь, ненаглядные, вставайте, а то все съедем.

Ребятишки быстро вскакивают, продерут ручонками свои глазки и садятся за стол.

Глава семьи разрезает пасху и яичко и кладет всем по кусочку, похристосуетя со всеми. Подзакусят основательно пасхи, яичка, молочка, мясца, после перекрестятся с благодарением:

— Слава тебе, господи, привел Бог разговеться.

А потом жалуются на резьбу в животе от переменной пищи.

Бывает, что этот радостный день омрачается горем. В эту "святую ночь" и воры не дремлют. Они пользуются случаем, зная, что крестьяне с вечера почти все, за исключением маленьких ребятишек, больных да дряхлых стариков, уходят в церковь, и как бы крестьяне крепко не запирали свои дома и амбары, все-таки воры обворовывают, даже с приметой: "Удачное воровство в эту ночь служит успехом на весь год".

Случаются и пожары в эту ночь от воспламенившейся лампадки и от неосторожного обращения с огнем оставшихся дома малых и старых. И так вместо радости у крестьян бывает горе и слезы.

сю пасхальную неделю отдыхают крестьяне, запасая силы для весенней и летней работы. На пасхе они ходят на могилы, гуляют на улице, звонят на колокольне — не только ребятишки, но и взрослые мужчины и женщины. Глухие звонят для того, чтобы после этого слышать. Ребятишки качаются на качелях, распевая разные песни и кричат:

Качель-мачель, воробей.

Не летай на ручей.

Не клуй песок.

Не тупи носок.

Пригодится носок

На овсяный колосок.

А парни и девушки забавляются разными играми.

Кроме религиозных обрядов среди крестьян существуют особые приметы и поверья. Приведу несколько.

1. Когда священник говорит "Христос воскрес", а ему тихо-ничко ответить вместо "воистину воскрес" свои пожелания, тогда все исполнится.

В 1920 году рассказал мне сапожник Буйского уезда такой случай. Будто бы один крестьянин из ихней деревни был большой любитель рыболовства, а по ремеслу горшечник, также и картежник. И вот во время пасхальной заутрени высказал он свои пожелания:

— На рыбу ход, на горшки расход, хлюст козырей.

И после этого ему во всем этом везло.

2. Для успеха в картежной игре за святой заутренией нужно съесть короля бубей.

3. Придя в церковь за пасхальную заутреню с яйцом, снесенным молодой в Благовещенье, стоять с ним, — тогда увидишь всех колдунов: они стоят задом к иконам.

4. Чтобы избавиться от клопов, хозяин после обеда, подойдя к дому, должен постучать в дверь, а хозяйка спросить:

— Кто там?

— Я. Из церкви иду.

— А што мы будем делать?

Он отвечает:

— Разговляться будем.

— А чем? — спрашивает жена.

— Паской, яйцами, молоком и прочим.

А жена опять спрашивает:

— А клопы што будут есть?

— А клопы клопов будут есть,

— отвечает муж и входит в дом. И будто после этого ни одного клопа в доме не будет.

5. Крестьяне радуются за тех, кто умрет в пасхальную неделю, в особенности в первый "христов" день.

— Как хорошо Бох привел умереть-то.

Верят они, что умерший в пасху непременно попадет в рай, потому что в пасхальную неделю двери рая открыты, и думают, что в пасху умирают только бого-

угодные люди, и не только радуются, но даже и завидуют им.

пасхальная неделя кончается в "фомино", "радосное" воскресенье. С раннего утра начинают окликать молодых. Первыми начинают ребятишки (мальчики и девочки) от 6 до 12 лет. Они собираются с вечера в один дом по 5-10 и больше человек и рано утром просыпаются. А взрослые подшутят иногда над ними: спрячут ихнюю обувь. Из-за этого ребятишки поревут немножко, а потом идут к окошку молодых и поют:

Юница, молодца,

Подай яйца.

Не подашь яйца —

Потеряешь молодца,

Будеши ветреница.

Молодая Куковая,

Подай яйцо.

Не подашь яйцо —

Молодого уведем,

В подклет заперем,

Помелом приткнем,

Старика приведем.

Молодая окуница,

Подавай наши яйца.

Если не подашь —

То тебе кичю сшибем,

Молодого уведем,

В клев заперем.

Помелом заткнем,

Не выпустим.

Крюком вытащим.

Молодой, золотой,

Выдай пряник медовой.

Выдавай, не ломай —

Белы руки не марай.

После пения молодые или их родные одевают мальчиков бабками и яйцами, а девочек пряниками, конфетами и другими гостинцами.

Ходят "окликать" и мужики партиями — днем, поют под окнами или в доме:

*Двое, двое, двойники,
Трое, трое, тройники,
Семеро погодики,
И все парияки.*

Поют они и длинные старинные "вьюницы". Мужиков приглашают в дом или на улице угощают вином, чаем и разной закуской.

В Галиче молочницы тоже окликают молодых. Продав молоко, заходят они к молодоженам и поют:

Юница-молодца,

Подай нам яйца

На красном блюде

При добрых людях.

Не подашь яйца —

Будеши ветреница.

Выдеши на гору —

Весь кумашик раздерем.

Их угощают за это.

И так проходит пасха в деревне, а после пасхи начинаются веселые гулянья молодежи, о которых расскажу в следующий раз.

"Книгарь", № 9, апрель 1923 г.

Имеет сообщить

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Семинары на эту тему проходят в Костромском государственном технологическом университете. На последнем, мартовском, речь шла о проблемах преподавания истории мировой и отечественной культуры, при этом выступления были самые разные — духовные основы культуры серебряного века, автопортрет славянина, крестьянский мир и крестьянское благочестие... Проводят семинары кафедра философии университета и центр эстетического воспитания студентов, а участвуют в них не только "технологи", но и ученые из Москвы, костромские краеведы, писатели и журналисты.

УСИЛЕНИЕ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Детские и юношеские годы Всеволода Никаноровича Иванова прошли в Костроме. Здесь он окончил гимназию, где отец, статский советник, преподавал рисование. Впечатления тех лет отразились в ряде произведений писателя, в том числе и романе "На Нижней Дебре". Этот роман и другие произведения из русской жизни (роман "Черные дни", исторические повести "Императрица Фике", "Иван Третий", "День Петра" и др.), а также повести о Китае 20-30-х годов ("Тайфун на Янцзы", "Путь к Алмазной горе" и др.) были написаны им после 1945 года, т.е. после возвращения из эмиграции, когда писатель жил в Хабаровске.

Послеэмигрантское творчество Вс.Н.Иванова достаточно известно, его книги неоднократно издавались. Литературное же наследие Иванова-эмигранта лишь только начинает возвращаться к читателю. В 1991 году вышли две книги — "Из неопубликованного" и "Огни в тумане. Рерих — художник и мыслитель". обстоятельный обзор эмигрантского творчества Вс.Н.Иванова дан в кандидатской диссертации моей аспирантки из Китая Цзяо Чень "Русский литературный Харбин 20-30-х годов".

Многие эмигрантские произведения Вс.Н.Иванова в пределах России труднодоступны или совсем отсутствуют, а то, что рассеяно по русской периодике Китая, не разыскано и не учтено. В Китае (преимущественно Харбине, но и в Пекине, Шанхае, Мукдене и других городах) писатель прожил в общей сложности четверть века. За это время к знанию латыни, греческого и основных европейских языков он прибавил китайский, корейский и японский. Это был широко образованный и эрудированный историк, философ и филолог. Выпускник

Санкт-Петербургского университета, он стажировался затем в университетах Гейдельберга и Фрайбурга у известных немецких философов Риккерта и Вальденбанта. Гражданская война застала его преподавателем кафедры философии права в Пермском университете. Оттуда он был мобилизован — вместе с другим костромичом, профессором-экономистом А.Рязановским — в армию Колчака и полностью разделил ее участь.

В эмиграции, главным образом в Харбине, Иванов проявил себя не только как журналист и писатель, но и как активный общественный деятель на почве культуры. Значение родной культуры для русских людей в условиях эмиграции еще более возросло, и это прекрасно понимал Вс.Н.Иванов. Под девизом сохранения и развития традиций русской культуры более чем в двадцати странах зарубежья ежегодно проводились "Дни русской культуры" как национальные праздники. Они приурочивались к 6 июня — дню рождения А.С.Пушкина.

В Харбине с 1930 по 1939 год в связи с этой датой ежегодно выходила многостраничная газета "День русской культуры". В ней Всеволод Никанорович принимал самое деятельное участие. Предлагаем читателям познакомиться с одной из его статей — "Усиление русской жизни", опубликованной в харбинской газете 15 июня 1930 года.

Многие положения ее не потеряли своего значения и в наши дни, звучат особенно актуально сегодня, когда мы говорим, думаем, размышляем о судьбах многострадальной России, о ее возрождении.

Павел КУПРИЯНОВСКИЙ, доктор филологических наук, профессор Ивановского университета.

Русская жизнь и слаба и грязна, но как-то мила.

В. Розанов.

Посмотрим только:

Вот русский пейзаж — уходящие взлобья полей, перекресты дорог по ним, перелесок, облака, ползущие над бледно-голубым небом, тускло-серебряные, река в сине-лиловых от ветра рябях, ду- укрешенная колокольня далекого сельского храма, подымающаяся из-за горизонта, широкого, неоглядного, старое имя которому недаром: — О ко ем.

Или еще картина.

Июньская ночь, и тонкий ранний месяц закатился на спину; серебряно, холодно светит он сквозь черные ольшаники. А в ольшанике темно, сыро, вода просвистывает, прихрюкивает под сапогами... И видно, наконец, после многих трудных осторожных шагов, как на бледно-бирюзовом и ночном небе — свищет соловей — и грудка топорщится,

переливается... Ночь... Русская, страстная ночь... Хочется шляться...

* * *

Когда красная вечерняя заря заглянет в алтарь Церкви заштатного городка, то воспевают тогда: "Свете тихий!.."

Пурпурный свет льется в решчатые окна... А за окном — стук дрожек, чей-то голос и крик

«На сердце день вчерашний, а в сердце светит Русь».

парохода... И в темнеющих сумерках летнего вечера все ярче и ярче горят лампы. Кверху ушло черное Распятие, а над разноцветными лампадами смотрит огромный Нерукотворный Спас: — Сурово.

А за обедней другое настроение — ласковое. Столбы серебряного света режут голубые ладонные столбы, ризы золотые, священник с серебряной головой. А за окном только серебряные в синьку снега.

Вот уж — замвонили. Скоро домой.

— Бог милости прислал!

— Милости просим, пирожка...

Сейчас, конечно, есть можно. Но пост придет — тоже, конечно, можно, но как-то не ловко все-таки. Придется идти каяться...

Это — русское православие.

Это — русский быт.

* * *

Леонтьев пишет: «Помню картину, помню чувство. Помню кабинет матери, помню полосатый трехцветный диван, на котором, проснувшись, ленился... Зимнее утро, из окна виден сад наш в снегу... Помню, молодая сестра, обратившись в углу, читает по

книжке псалом: «Помилуй мя Боже...»

Это русский писатель.

* * *

Отзвонили вечерню во святых церквях,

За кремлем горит заря туманная,

Набегают тучки на небо,

Гонят их мятелица, распевая...

Опустел широкий гостинный двор...

Писал Лермонтов.

Это русский поэт.

* * *

Кто же не чувствует того, что музыка Мусоргского — русская музыка? Когда хоры черных фигур встают за золотым царем Борисом, умирающим на своем троне, когда медные звуки колоколов прорезывают унылую мелодию отходной, или, наоборот, когда мы улыбаемся глупому «Семинаристу», твердящему латинские исключения и сладко вспоминающему при этом попову дочку, — кто может сомневаться в том, что это русская музыка?

«Евгений Онегин» — пушкинский русский стихотворный роман со всей русской очаровательностью, меланхоличностью, медлительностью и прелестью... А Чайковский в своей опере — взял и пронел этот сюжет глубоко верным, чистым голосом, и сюжет осветился через оперу неслыханной яркой поэтичностью, ставшей через то доступной для народных масс.

Всякому ясно, что такое русская музыка.

* * *

Кто сомневается в том, что вообще русское искусство — существует, существует самодовлеюще, явственно, несомненно. Зоркий, беспощадный и в то же время словно мистически настроенный взор Ильи Репина переплелся с нежными напевами еврея Левитана. Могутии Суриков воспроизвел русскую историю из ее нутра, в то время как Васнецов пронзил ее неказанным мистическим светом. По нашим церквям, по монастырям, просто по домам разбросаны до сих пор чудесные иконы, являющие бесконечно выработанный вкус нашей церкви. Их уборы и ризы воспроизводили дивные ювелирные сочетания византийско-эллинистической Малой Азии. И кто сомневается в том, что даже и теперь, после революции, что все это — русское искусство...

* * *

Или вы не отличите русской песни среди всяких других?

* * *

О, русская история! Кто и когда сомневался в твоем своеобразии? Ты шла по огромным равнинам Восточной Европы, по Сибири, ты связывала между собой разнообразные неумные племена, ты хватала в конских пробегах буйных ратей на тысячу верст, ты извивалась среди разных центров влияния, ты хитрила, дралась, молилась, враждовала между собой, покамест хитро не приладила к этим разнородным племенам — кованую золо-

том и самоцветами Шапку Мономаха... Среди равнин, среди лесов и полей, среди низких домишек, покосившихся и подслеповатых, поднялся белый Иван Великий, сорокосаженный свеча-гигант, вылез из-за белой московской стены золотой своей головой.

Власть сковала Россию, власть Москвы, и оттуда кинулись широкогрудые, приземистые, в кольчугах и зипунах, рапи вершить государево дело, собирать русскую землю.

Что может быть своеобразнее этой истории народа, размахнувшегося своими походами от Тихого океана и до Елисейских полей Парижа, где в 1814 году ржали казацки кони? Этой русской истории?

Посмотрите на все эти беголо набросанные части русского единого дела, и вы увидите, что есть в них во всех что-то одно, что объединяет их все между собой как русское. Это русское — органически русское — ясно видно даже невооруженному глазу. Это русское летит, дается в руки — вот оно само. Это русское ощущается так ясно, как характер, как запах ржаного хлеба в

монастырской келарне. Пока мы идем этим очевидным путем — здесь не может быть никаких ошибок... Это все русское... Это — сама масса, это — сама массовость. Это сам национальный подземный поток, это глубоко заключенное под землей Матери (Гете).

Однако что же такое русская культура?

Если мы посмотрим на то, что собрано под этим именем, мы несомненно найдем известное расхождение между тем, что мы считаем русской культурой, и тем, что мы считаем русским просто, как таковым.

Русская культура зачастую смешивается с цивилизацией. А цивилизация — интернациональна.

Цивилизация — это то, что привносится устроющим разумом, ставящим себе и решающим разные задачи, социально полезные, новые, неслыханные.

Цивилизация XIX века, торжество принципа голой пользы.

Железные дороги, фабрики, техника...

— Нужно ли все это? Нужна ли вся эта цивилизация?

— Конечно, нужна! Хотя бы для того, чтобы не стать слабее других.

Но не будем подлаживаться к ней и только к ней. Не будем строить свою душу на железо-бетонный лад, как строит ее Маяковский.

Не будем слушать бессмысленное бормотание машин и толковать его как шелест вешего Донского дуба.

Не растворимся в ней до конца. Революция, разразившаяся над Россией, есть, с одной стороны, явление национально-свойственное.

Всегда русская душа была с привкусом бунтарства (во имя высшей правды).

Но за той, первой (национальной) революцией последовала вторая.

Революция, в которой русская культура была отменена, определена западной цивилизацией.

Во имя рациональной механизации, во имя рабства у машин идет в России проповедь отказа от всего русского.

Мы видим наглядно, к каким бедствиям она приводит, эта проповедь отказа от всего русского.

«Гой ты, Русь моя родная, хаты — в ризах образа...»

* * *

Нет! Мы не откажемся от всего русского, что так ясно, что так мило нам... Не откажемся совершенно сознательно.

Принимаемая техническая и национальная цивилизация принимается и нами. Но она должна быть проявлена, осветлена именно этим русским, чтобы стать милой, приемлемой, приятной для нас.

Русский народ всегда был бытово-православным.

Русский народ всегда так, а не иначе созерцал свои пейзажи.

Русский народ всегда рождал только русское искусство, которое прославлено на весь мир.

У русского народа — установившаяся литература.

Это — русские незабываемые якоря. Это — алмазны национальной веры. Это — устойчивые факты нашей души.

Если они сейчас, эти могучие факторы, не способны бороться с натиском злобной материалистической цивилизации, то это потому, что они, эти русские факторы, недостаточно осознаны, недостаточно рационализированы.

Цивилизация бьет их четкостью своих целесообразностей, простых, несложных, демагогичных.

Поэтому сейчас задача тех, кто считает себя русской интеллигенцией, именно устремить все свое

внимание на эти непреложные факты русского быта и осознать их.

Осознать их для того, чтобы на основании этой осознанности спаять с техническими силами цивилизации.

Разве наши русские пейзажи изменятся от того, что мимо них пройдет железная дорога?

Разве русская музыка Мусоргского ослабнет, будучи переданной миллионам по радио на скрипке Махоница?

Разве русские рабочие будут хуже работать в огромных заводах после Воскресения, которое осветит их прикосновением к могучему телу тысячелетнего Православия?

Разве, сидя в удобном аэроплане, нельзя читать Леонтьева?

Одним словом:

— Разве при помощи наших милых русских традиций нельзя сделать жизнь в России деятельной, красивой, своеобразной, сильной и милой — свободной?

Разве нельзя добиться мира в русском народе, апеллируя не к рационалистической цивилизации, а к его старым чувствам?

Разве нельзя добиться мира в русском народе, уважая чужие варианты национальных чувств народностей, входящих в состав русского или всероссийского народа?

Разве нельзя увенчать этого нового тела осознавшей себя огромной культуры новым соответственным куполом, сияющим, как Шапка Мономаха, но соответствующим современному народно-православию?

* * *

Русская культура — это русская работа на современном поприще, с полным учетом национальных традиций, устремлений, не только не изжитых, но с каждым днем проявляющихся, выступающих все ярче и ярче.

Культура — это просвещенная традицией и религией — традицией и здравым смыслом — безнасильная, умная цивилизация...

И ее надобно делать в настоящем, эстетически созерцая прошлое и морально провидя будущее.

«Хорошо ивняком при дороге сторожить задремавшую Русь.»

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КНИЖНЫМ СОКРОВИЩАМ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Фонд редких и ценных изданий областной научной универсальной библиотеки составляет 13 тысяч томов.

Из них рукописей XVI-XX вв. — 192.

Изданий русской периодической печати — 1042.

Миниатюрных изданий — 500.

Книг кирилловской печати — 98.

ДУХОВНАЯ РЕДКОСТЬ

— *Что же такое редкая книга?*

— Одни считают, что редкая книга та, которая сохранилась в единичных экземплярах. Другие — что это книги или необыкновенной судьбы, или издания высокого уровня художественного, полиграфического исполнения. Третьи за редкость почитают книги, хранящие автографы замечательных людей. Все эти качества, которые делают книгу дорогой и желанной в глазах книголюба, можно объединить словом "ценная". Кроме уникальности содержания, красоты в расчет берутся особенности, которые отличают этот экземпляр от множества других того же издания.

— *Как складывалась та богатейшая коллекция книжного антиквариата, которой располагает сегодня областная научная библиотека?*

— Книги поступали к нам из богатых книгохранилищ учебных заведений, упраздненных с приходом новой власти, из частных библиотек помещичьих усадеб и монастырских книжных собраний.

Сейчас экслибрисы и разного рода пометы на книгах помогают библиотекарям проследить судьбу книги, определить ее владельцев.

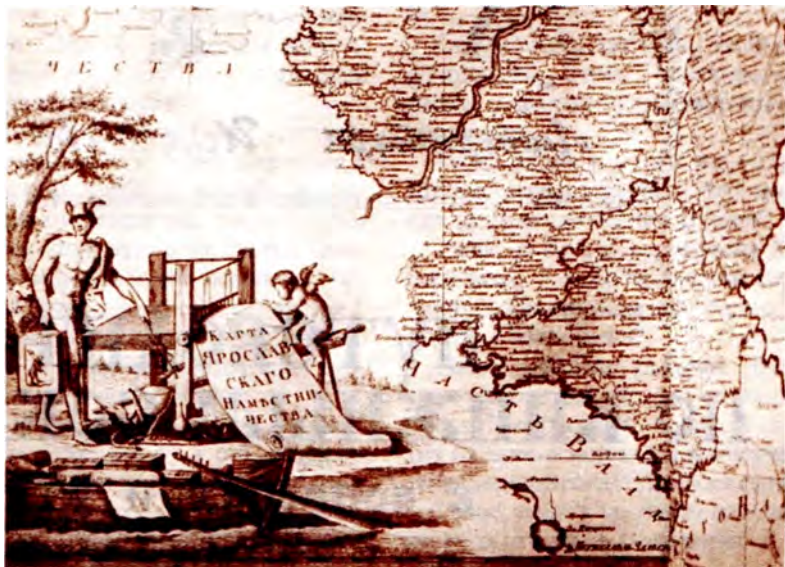

В фонде редких и ценных изданий есть книги: из библиотеки бывшего Костромского общественного собрания, бывшего Дворянского собрания, духовной консистории, духовной семинарии, Успенского кафедрального собора, Николо-Бабаевского монастыря, Григоровской гимназии и Романовского пансиона, Костромского благородного клуба и так далее. А также — владельческих библиотек: Андронникова, графа Аракчеева, князя Вяземского, Готовцева, Епископа Евгения Романова, из старинных костромских родов Корниловых, Купреяновых, Папулиных, Семичевых и многих других.

ПОДВИЖНИКИ

— Очевидно, не только по воле стихии собиралось ценное книжное "подполье" — были подвижники, спасающие книжные сокровища?

— Формирование книжного фонда библиотеки проходило в трагических условиях гражданской войны 1918-20-х годов. После разгрома усадебных библиотек часть их была спасена именно благодаря провинциальной интеллигенции. Большую роль в этом сыграли члены Костромского научного общества по изучению местного края. Среди библиотечарей тоже были необыкновенные подвижники. К примеру, Александр Александрович Антонов. Еще до революции, будучи библиотечарем Казенной Палаты в г.Костроме, Александр Александрович стал известен как общественник-книголюб. Он устраивал по воскресеньям в городской читальне им. А.Н.Островского "чтения с волшебным фонарем", а также выступал на собраниях костромских любителей книги. Антонов стал первым директором научной библиотеки, создателем ее первоначального фонда и каталогов, собирателем и систематизатором всех тех книжных богатств, которые удалось собрать под крышей Костромской Центральной научной библиотеки (так она тогда называлась). Сам Александр Александрович передал в фонд библиотеки 1200 томов.

Атлас российский, состоящий из девятинадцати специальных карт, представляющий Всероссийскую империю с пограничными землями. Академия наук. 1745 г.

Это — вершина русской картографии первой половины XVIII века, когда впервые на основе инструментальных съемок огромная территория России была изображена на картах. На издании пометка: "Костромской семинарской библиотеки библиотечарь, учитель синтаксика Михайло Воинов 1803 года месяца августа".

В поездках по губернии с целью собирания разоренных библиотек участвовал и Василий Васильевич Звездин, бывший библиотечарь Костромской духовной семинарии, а в 1922 году ставший директором Центральной библиотеки.

Именно эти люди, понимающие истинную цену книги, сумели сохранить от уничтожения массу старопечатных изданий, составляющих теперь "золотой фонд" пашей библиотеки.

В течение 1919-20 г.г. сотрудники трудились над разборкой книг, их инвентаризацией, составлением каталогов. Но масса ценного материала была еще долго не разобрана из-за недостатка сил.

Видя, какие богатства содержатся в фонде библиотеки, тот же Александр Александрович Антонов попытался дать книгам вторую жизнь, устраивая выставки по истории книгопечатания — "Книга в ее прошлом и настоящем". Год от года эти выставки пополнялись новыми находками. Из газет той поры мы узнаем, что Антонов организовывал книжные выставки старинных рукописных и старопечат-

ных книг. Он не раз выступал и с докладами по истории славянской письменности и книгопечатания.

ПЕРВОПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

— Какая самая древняя печатная книга вашей библиотеки?

— "Книга иже в святых Кесарина Каппадокийския. [О постничестве]". Это самая ранняя печатная книга в нашей библиотеке. Она напечатана в Остроге в 1594 г. в типографии, в которой работал первопечатник Иван Федоров, находясь на службе у князя Острожского с 1575 по 1582 г. Для напечатания книги "О постничестве" использовался инвентарь, шрифты и книжные украшения, оставшиеся от первопечатника Федорова.

Книга хорошо сохранилась в кожаном переплете с медными застежками.

— Среди книжных древностей есть издания, которые как-то связаны с Костромской губернией?

— Да, особенно времен петровской печати. Например, газета "Московские ведомости" за 1811-

1833 г.г. из библиотеки Павла Семичева из рода богатых помещиков Чухломского и Солигаличского уездов.

"Московские ведомости" — мало похожа на газету нашего времени: у нее журнальный формат, а материал расположен в порядке поступления. Подшивка за 1811 год содержит 104 номера. Здесь печатались указы, придворные известия, сообщения с "театров военных действий", иностранные известия, внутренняя хроника и объявления, много материалов по истории культуры и быта России. Проходило множество сообщений из Костромы. Напомним, что всего выявлено около 500 изданий с костромским владельческим знаком. Александр Дмитриевич Семичев — питомец Сухопутного кадетского корпуса, преуспевающий столичный чиновник, а затем предводитель Костромского дворянства (1782-1787), он был известен среди своих земляков как большой знаток и любитель театра. Эту страсть вместе с редкостной коллекцией рукописных и печатных книг он завещал своему сыну Павлу, служившему после

Димитрий Ростовский (1651-1709).
Книга жития святых. —
Киев: Тип. Печерской лавры, 1689.
Фрагмент оформления.

окончания Петербургского горного училища архитекторским помощником в Экспедиции Кремлевского строения. Продолжая дело отца, Павел Александрович не жалел ни времени, ни средств на пополнение своего собрания. Время не пощадило библиотеку Семичевых, однако основная часть их рукописей, счастливо избежав "распыления", сохранилась до наших дней в Государственном архиве Костромской области и в ценном фонде областной научной библиотеки.

Сейчас, когда ценные книги из букинистических магазинов и частных библиотек уже не поступают, фонд формируется, в основном, за счет даров библиотеке и перевода наиболее значимых экземпляров из основного книгохранения. Так в фонде библиотеки хранятся книги выдающегося сибирского библиофила, красноярского купца и промышленника Геннадия Васильевича Юдина (1840-1912). Судьба его библиотеки необычайна и драматична. Собрание его насчитывало 80000 томов и более 500000 документов и рукописей. Книжная часть собрания Г.В.Юдина оказалась в США, в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, составив костяк ее Славянского отдела. Интересна и ценна для нас книга, изданная Юдиным — "Материалы для истории города Чухломы и рода костромичей Иудиных" (1613-1895). Собрал и издал Г.В.Юдин. Красноярск. Типолитография. М.Я. Кохановской, 1902 г.

Книги имеют свою судьбу, — это древнее латинское изречение как нельзя более точно подходит к

книгам с автографами и экслибрисами. Индивидуальный переплет, владельческая надпись — это те неповторимые черты, которые помогают проследить жизнь книги, ее путь от владельца к владельцу.

Так номер журнала "Полярная звезда" из фондов нашей библиотеки оказался настоящим путешественником. Изданный в 1861 году в Лондоне, в Вольной русской типографии известными деятелями русского освободительного движения Герценом и Огаревым, журнал побывал и в Швейцарии. Об этом говорит штамп на титульном листе: "Библиотеки Павла Бирюкова в Женеве". В 1906 году Павел Иванович Бирюков — уроженец костромской губернии, издатель, близкий друг и биограф Л.Н.Толстого, возвратился в Россию из эмиграции и перевез на родину всю свою библиотеку. Таким образом "Полярная звезда" оказалась в Костроме.

Гравюра из книги Василия Великого о постничестве. На книге помета: "Библиотека Костромской духовной семинарии".

Имеет сообщитъ

«24 мая — День Кирилла и Мефодия» — так называется одна из выставок в областной научной библиотеке, открытых здесь в рамках праздника славянской письменности и культуры в Костроме. Безусловно, эта необычная выставка-загадка подтолкнет читателей к интересному книжному поиску. Каждый здесь может проверить свою эрудицию: узнать или не узнать по портрету, рисунку, автографу, просто цитате — известного писателя, поэта, драматурга... Тому, для кого литературная загадка покажется сложной, это занятие-игра послужит хорошим поводом пополнить свои знания здесь же — в библиотечных залах.

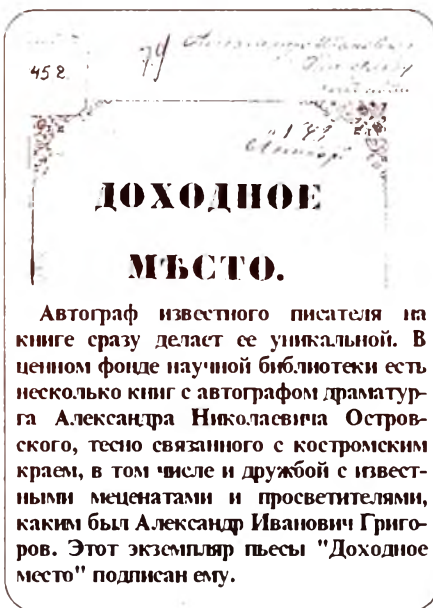

Среди бесспорных раритетов библиотеки — книги, изданные в таких знаменитых типографиях, как типография А.С.Суворина, И.Д. Сытина, А.Ф. Смирдина, К.Т. Солдатенкова, Брокгауза-Ефрона и др.

С.В. Максимов "Крылатые слова". — С.-Петербург: Издание А.С. Суворина. — 1899.

Бережно храним издания нашего земляка, уроженца Солигаличского уезда, крупнейшего книгоиздателя дореволюционной России И.Д. Сытина. Ежегодно большими тиражами издавались его календари. В них давались самые разнообразные сведения по истории, астрономии, медицине и т.д. Сытин создал действительно "всеобщий" календарь, который стал универсальной справочной книгой, содержащей сведения на все случаи жизни: и традиционные святцы, и события русской истории, сведения о ярмарках во всех городах и селах, о тиражах займов и долготе дня, мировые статистические данные. Издания Сытина отличались высоким уровнем полиграфического исполнения, выходили большими тиражами и были недороги.

Указ о вольных типографиях способствовал расширению издательского дела и развитию частной инициативы. В 1768 году в Костроме открылась первая типография, где печатались различные бланки. В 1792 году капитан Н.Сумароков открыл частную типографию, печатавшую наряду с

Автограф известного писателя на книге сразу делает ее уникальной. В ценном фонде научной библиотеки есть несколько книг с автографом драматурга Александра Николаевича Островского, тесно связанного с костромским краем, в том числе и дружкой с известными меценатами и просветителями, какими был Александр Иванович Григоров. Этот экземпляр пьесы "Доходное место" подписан ему.

бланками и книги. Несколько книг находятся в фонде Российской государственной библиотеки, у нас же есть только копии. Представляем одно из таких изданий. "Постная повариха, или приготовление разных постных кушаньев". Кострома. Вольная типография. 1796 год.

Вот еще одно издание — "Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Федорович Романов умолен знаменитым посольством московским на царство Русское", составленная в 1832 г. Павлом Поддипским, археологом, ректором Владимирской семинарии, епископом Костромским и архиепископом Черниговским. Цензурное разре-

шение на обороте титульного листа подписано протонереем Федором Голубинским. Владельцем книги был краевед, историк Нерехтского края М.Я. Диев. Свидетельство тому пометы на книге: "Священника Михаила Диева. Получена в дар от сочинителя, его преосвященства Павла епископа Костромского 27 февраля 1833 года".

Судя по ярлыкам и штампам, у этой книги богатая биография. Есть такие отметки: "Антикварная книжная торговля В.И.Клочкова. Спб., Литейная, 55"; "Петр Тихонович Виноградов"; "Библиотека Костромского университета".

Рассказ о редких изданиях подошел к концу, но работа с книжными редкостями не кончается. Мы приглашаем к исследованию научных сотрудников, архивистов, краеведов. Предстоит еще большая работа, и потребуются немало усилий для того, чтобы интересные и яркие фрагменты из истории книг были раскрыты для читателей.

С-путеводителем прошли
Галина ЗЫКОВА
и Татьяна ГОНЧАРОВА

Помощь в подборе материалов оказали
сотрудники сектора ценной и редкой книги Надежда КОЛДЫШЕВА
и Ольга ГОРОХОВА

Имеет сообщит

Областной научной библиотекой в 1995 г. разработана программа "Раритет" (Создание сводной автоматизированной базы данных о редком и ценном фонде, сосредоточенном в библиотеках и музеях Костромской области).

Основные проблемы, которые мы предполагаем решить с ее помощью — это недоступность использования редкой и ценной книги, хранящейся в фондах библиотек области (в т.ч. и библиотек музеев), широкому кругу пользователей (прежде всего ученым, краеведам, преподавателям и студентам

вузов); невозможность многоаспектного поиска информации в данном массиве документов; отсутствие координационных связей между держателями ценной и редкой книги (в т.ч. и коллекционерами); необходимость научной реставрации ряда ценных изданий, в первую очередь рукописей.

Хочется напомнить, что книгам-памятникам надо обеспечить сохранность, уберечь их от гибели и пропажи, проникнуться мыслью, что если мы не сбережем эти сокровища, нам нечего будет оставить грядущему поколению.

«ОПИСАНИЕ КОСТРОМСКОГО ИПАТЧЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ, В КОЕМ ЗОМЫЙ ТИХАИЛ ФЕОДОРОВИЧ ГОДУНОВ УПОЧЕН ЗНАМЕНИТЫМ ПОСОЛЬСТВОМ МОСКОВСКИМ НА ЦАРСТВО РУССКОЕ»

О ЗНАМЕНИТЫХ ОСОБАХ, ПОГРЕБЕННЫХ В СЕМ МО- НАСТЫРЕ.

Обитель Святаго Ипатия, свя-
тостью и благочестием всегда
привлекавшая к себе многих бла-
гочестивых читателей, послужила
для знаменитых особ местом упо-
коения после многомятежной
здешней жизни.

В ней погребены из фамилии
Годуновых:

1. В первой усыпальнице, за ал-
тарем Богородицкой теплой цер-
кви, с южной стороны — Захария,
основатель ее, что был Мурза Чет;
Александр, сын его. Димитрий
Зерно, внук его, Иван, Констан-
тин и Димитрий Шея, правнуки
его. Феодор Сабур и Иван Годун,
дети Ивана Димитриевича Зерно-
ва. Иван Красный, Даниил Подо-
льский, родственники их. Родите-
ли Царицы Ирины Феодоровны,
супруги Царя Феодора Иоаннови-
ча: Феодор Иванович Годунов,
отец ее, Стефанида, во инокинях
Сандуля, мать ее. Василий Фео-
дорович, брат ее, Иван Григорье-
вич, дед ее, инокиня Агрипина,
бабка ее; Димитрий Иванович Го-
дунов, дядя ее. Григорий, во ино-
ках Герасим, дед его, Иван Ивано-
вич, во иноках Иона, брат его.
Иван Димитриевич, сын его... Ми-
хаил Осипович Годунов.

2. Во второй усыпальнице, про-
тив алтаря той же церкви, с вос-
точной стороны, род Стефана,
Григория и Ивана Васильевичей
Годуновых: инок Александр,
Мавра, инокиня Маремьяна,
бабка их. Василий Петрович, отец
их. Васса, мать их, Мария, Пара-
скева, Анастасия, сестры их. Ино-
киня Апполинария. Младенцы:

Матрона, Агрипина, Андрей,
Мария, Григорий Васильевич,
инок Христофор. Анастасия, во
инокинях Анна, супруга Стефана
Васильевича. Тит младенец, сын
его. Иван Васильевич, во иноках
Иосиф, отец Ивана Ивановича
Годунова, инокиня Апполинария,
мать его.

3. В третьей усыпальнице, под
папертью Троицкой Соборной
церкви, род Никиты и Петра Ва-
сильевичей Годуновых: Иосиф,
дед их, Василий, отец их, Петр Ва-
сильевич, во иноках Порфирий.
Мария, супруга Никиты Василь-
евича. Его дети-младенцы: Феодор,
Терентий, Андрей, Пелагея;
инокиня Марфа, мать Матвея
Михайловича Годунова. Степан
Степанович Годунов, Иван Ми-
хайлович Годунов. Анна, схимни-
ца Александра, мать Алексия Ни-
китича Годунова. Сергий Матвее-

вич Годунов, Феодор Иванович
Годунов.

4. Сверх сего, между холодным
и теплым Соборами погребены
обоего пола из фамилий Князей
Вяземских, Г. Мошковых, Шиш-
киных, Ашитковых. Князей Мсти-
славских, Князей Лобановых-Ро-
стовских, Князей Куракиных,
Г. Чагиных, Чаплыгиных, Кулом-
зиных, Тихменевых, Щулепнико-
вых, Ушаковых, Голохвастовых,
Паниных, Десятовых, Кореневых,
Пасынковых, Карцевых, Баумгар-
тена, Глениховых, Князей Щерба-
товых, Г. Петровых, Ерлыковых,
Кулепановых, Крюковых и дру-
гих.

О НАСТОЯТЕЛЯХ. Ипатиев-
ский монастырь с самого начала
своего, т.е. с 1330 года по 1599 год
управлялся Игуменами; с сего же
времени по 1745 год — Архиманд-
ритами.

Гравюра Юрия Шапошникова.

ИЗ ИГУМЕНОВ ИЗВЕСТНЫ:

1. Феогност, с 1445.
2. Вассиан. Сей сделавшись Новоспасским Архимандритом, приложил в 1574 году в Ипатьевский монастырь село Сукоинниково с деревнями.

3. Порфирий.

4. Никандр.

5. Варлаам, по 1589 год.

АРХИМАНДРИТЫ:

1. Иаков. 1599 и 1606.

2. Феодосий 1-й. 1608.

3. Кирилл 1-й. 1610 и 1616. Подписался под грамотою, кою издан на Царство Михаил Феодорович Романов.

4. Иосиф 1-й. 1617-1618.

5. Пафнутий. 1625-1630.

6. Тихон 1-й. 1631-1636.

7. Иосиф 2-й. 1641.

8. Авраамий. 1641-1646.

9. Сергий. 1647-1648.

10. Гермоген. 1649-1652.

11. Тихон 2-й. 1655-1661.

12. Мисаил. 1662-1664.

13. Кирилл 2-й. 1665-1669. Присутствовал на Соборе в Москве против раскольников и под деянием Собора подписался.

14. Феодосий 2-й. 1669-1674.

15. Антоний. 1675-1683.

16. Пахомий. 1683-1685.

17. Феодосий 3-й. 1685-1692.

18. Паисий. 1693-1698.

19. Симеон. 1699-1710.

20. Тихон 3-й. 1711 и 1720.

21. Гавриил Бужинский, Советник Святейшаго Синода, Директор Духовных Училищ и Типографии; в 1721 году из обер Иеромонахов флота и префектов Законоспасского училища. В 1722 году переведен в Сергиеву Лавру Архимандритом же.

22. Серапион. 1722 и 1730.

23. Платон, Член Святейшаго Синода. 1731-1734.

24. Никодим. 1734-1735.

25. Пимен Савелов, из Архимандритов Ярославского Толгского монастыря. 1736-1740, переведен в Вологодскую Епархию Епископом.

26. Феофилакт, Член Святейшаго Синода. 1740-1743, переведен в Воронежскую Епархию Епископом.

27. Симон Тодорский, Член Святейшаго Синода. 1743 и 1745.

ПОСТНАЯ ПОВАРИХА,

или Приготовление разных постных кушаньев

ЩУКА РАЗВАРНАЯ

Щуку разбить по штукам, вымыть и облить ренским уксусом, и приготова воды, положить в оную луку, лаврового листу и соли, которую скипятя хорошепко, класть щуку и варить, потом, выложя па блюдо, окласть духами по произволению, подавать.

СУДАК РАЗВАРНОЙ С ГОРЧИЦЕЙ

Очистя судака, связать колодкой и сварить чтоб поспел, потом взять горчицы по произволению и, положи в оную немного шафрану, масла и бульону, сварить все вместе и судака облить.

ЕРШ РАЗВАРНОЙ

Вычистя их, облить уксусом и положить в кипяток, и варить с солью и петрушковой зеленью.

БОРЩ С ОСЕТРИНОЙ

Взять свеклы, начистя и па шинковав, положить в кастрюлю еще луку зеленого, свекольного листу шинкованного же, кореньев петрушки, свежей капусты, наката все сие бульоном, поставитя кипеть, прибавя ренского уксуса, потом взять осетрину, изрезать штуками, обвалить в муке и зажарить в масле, положить в кастрюлю и варить.

ПОД СОУСОМ СТЕРЛЯДЬ В КРАСНОМ ВИНЕ

Стерлядь, очистя, завязать колодкой и положить в кастрюлю, прибавитя к сему шинкованной лимонной корки, красного вина и, наката бульоном, положить еще корицы, гвоздики и шинкованного луку, потом поставитя кипеть, а после, положи немного свежего лимона и соли, подавать на стол.

ПОД СОУСОМ ОКУНИ С ХРЕНОМ

Окуни, очистя, положить в кастрюлю, хрен изрезать, поджарить в масле и положить в ту же кастрюлю, потом палить белого бульона и, прибавя ренского уксуса, поставитя кипеть, а после положить рубленной петрушки и немного масла, подавать на стол.

ПОД СОУСОМ ОСЕТРИНА СО ЩАВЕЛЕМ

Щавель вымыть, изрубить, положить немного в кастрюлю сахара и масла, все сие поджарить, накатить немного бульона и взять осетрины, изрубить мелко, сделать фарш и, положи трубку, выпущать горячую массу, делать сосиски, щавель выкласть на блюдо, сосиски положить наверх и подавать на стол.

ТЕЛЬНОЙ ПИРОГ

Взять щуку и судака, выдрать из них тело, изрубить мелко и перемешать хорошенко и, прибавя луку и перцу, поджарить немного, а из другого какогонибудь тела, изрубивши, сделать пирог круглой, начинить поджаренным фаршем, положить на салфетку и варить в воде, потом поджарить в масле, вымазать фаршем и поставить в вольную печь.

Книжная монограмма владельца типографии Н.С. Сумарокова.

ЖЫЛЛАТЫЕ СЛОВА

По толкованию С. Максимова

НА УЛИЦЕ ПРАЗДНИК

Не только та полоса или дорога, которая оставляется свободною для прохода и проезда у лица домов, между двумя рядами жилых строений, называется улицей, но и весь простор вне жильев, насколько хватает глаз, все вольное поднебесье означается этим именем во всей северной лесной Руси. Старинный народ, любя селиться на просторе и прорубаясь в темных дремучих лесах, хлопотал именно о том, чтобы открыть глазам побольше видов. Оттого там, в лесных русских селениях, всякий человек, пришедший с воли, незнаемый, а тем более нежеланный и даже недобрый, называется человеком "с улицы", с "ветру". Там, если приглашают приятеля "пойти на улицу", то это вовсе не значит посидеть на завалинке или пошататься между рядами домов, а значит погулять на вольном воздухе, в поле и к лесу. Собственно тех улиц, которые мы понимаем и чувствуем под этим строгим именем и образцы которых, с европейского примера, указал нам Петр Великий, — в прямую стрелу проспектов, коренные русские люди пробивать и проламывать не умеют... Должно строить так, как велят подъемы и спуски земли, берега рек и озер, лишь бы только всем миром или целой общиной. Не только земледельцы, но и отшельники в монастырях жили артелями. Только в тех случаях, когда их кругом облагали беды и нужды, и приходилось ютиться друг к другу как можно теснее и ближе, зародилось что-то похожее на нынешние улицы с проулками и закоулками. Так стало в больших городах, спрятавшихся за двумя-тремя стенами. Здесь, когда развилась, обеспечилась и развернулась жизнь, и стали разбираться люди по заслугам, по ремеслам и занятиям, — отобраны бояре в одно место и устраивались. Духовные, торговые, ремесленные и черные люди выбирали свои осо-

бые места, и строили избы друг против друга и рядом, чтобы опять-таки не разделяться, а жить общинами, и всем быть вместе и заодно. Старинная городская улица, как сельская волость, естественно сделалась политической и административной единицей, устроила свое управление. Она выби-

рала себе старост и выходила на торжище или площадь, когда собирались другие общины-улицы судить и думать, толковать не только о делах своего города, но и всей земли, тянувшей к нему податями и сносившей в него разнообразные поборы<...>

По русскому древнему обычаю, где ссорились и дрались, тут же вскоре и мирились, как в те времена, когда бои затевались из-за политических несогласий, так и потом до наших дней, когда большие вопросы измельчались до домашних дряг, до простого желанья порасправить свои могучныя плечи, ради удовольствия и досужества или из уважения к обычаям родной старины. Задорнее других были улицы: Плотницкая и Гончарная, сильнее всех — Мясницкая, или, по-старинному, "кожемяки", — вольный слободский народ из окольных слобод.

Захотят свести счеты — и пышный повод разожгут из конца в конец города: станет каждому досадно и всем невтерпеж. А лишь вышла стена на улицу, и мальчишки вперед бегут задирать, — другая стенка смекает и, как вода с гор сливается, выступает навстречу первой, не медля. Бежит каждый в кучу в чем слух застал и, за-

сучив рукава выше локтей, каждый приготовился к бою. Когда направят ребятишек, тогда разгорятся, и сами погонят малых назад. Большие и сильные начнут выступать, могучие силачи — "кирибеевичи" издали смотрят и ухмыляются, пока не придет их час, и не позовет своя ватага на дело, в помощь.

Были на улицах свои старосты, — бывали и свои молодцы-силачи, по 25 пудов поднимали и клали на сторону лихих супротивников, как снопы, по десятку. Были на улицах свои силачи (теперь их смирили и повывели), были и свои красавицы; нарождались свои обиды, и придумывались насмешливые прозвища и укору за недостатки и прегрешения, жили свои свахи и знахарки. И непременно для всякой избы, в каждой улице, обязательны были свои праздники, с пирами и пирогами, с гулянками, брагой и орехами. На кулачных боях подерутся, изместят накопелые за долгое время обиды на сердце, а на уличных праздниках — "братчинах", помирятся, разомотают руки и нагуляются. Оттого-то мудреный смысл русской улицы опять на народном языке извратился: "улицей" стали называть всякую гулянку с хороводными песнями, соберется ли она у деревенской часовни или на лужайке за овинами. Улица этого рода и званья не лежит неподвижно в пыли и грязи, а капризно кочует с облюбованного места на хорошее новое, — в последние времена в московских ситцах и суконных пиджаках, веселыми ногами и с улыбающимися празднично лицами. ...

На улице в городе тогда и праздник, когда пройдет он в главном или придельном храме той церкви, которую, действительно, всегда строила на своей грязной улице, своим трудом и коштом вкупе и складе вся жилецкая улица. Если попадет тот церковный праздник на теплое время,

придумается такой, когда чествуют икону какой-либо явленной или чудотворной иконы Богоматери. Впрочем, большая часть и таких богородских празднеств как раз установлена на летнее время: и казанская, и тихвинская, и смоленская — всероссийские и другие многие местные, "местно-чтимые".

Не без причины приходится подольше останавливаться на этом объяснении обиходной и столь распространенной поговорки. Как тот же огонь, который исключительно жег старинных попов — "на улице праздник", представляемый в лицах, становится уже таким же преданием и с таким же правом на полное забвение. Мы переживаем теперь именно это самое время. Однако около сорока пяти лет тому назад я еще был очевидцем и свидетелем такого уличного праздника в далеком, заброшенном и полузабытом костромском городе Галиче, который некогда гремел на всю Русь своим беспокойным и жестоким князем Дмитрием Шемякой и до сих пор славится плотниками и каменщиками.

В моей детской памяти ярко запечатлелось необычайное повсюдное безлюдье в городе, не исключая всегда шумливой рыночной площади, и припоминаются теперь огромные толпы народа, сгрудившиеся на одной улице, главной и трактовой, называемой Пробойною. Почтовый ящик не решился по ней ехать и свернул в сторону, зная, что Пробойная на этот день принадлежит празднику. Большие неприятности и очень тяжелые последствия ожидали бы того смельчака, который рискнул бы расстроить налаженные хороводы и другие игры. Вся Пробойная превратилась в весельи и оживленный бал, развернувшийся во всю ширину и длину ее: "улица не двор — всем простор". Несколько хороводов кружилось в разных местах чопорно и степенно по городскому, с опущенными глазами, с подобранными сердечком губами, выступая в середине густой стены из добрых молодцов, еще в длинных на тот раз синбирках, теперь, ради кучего паль-

то и жилетки, совершенно покинутых.

Все девушки вертелись в кругу с лицами, закрытыми белыми фатами, в бабушкиных, шитых позу-ментами и унизанных камнями, головных повязках и надглазных понизях или рясах, в коротеньких со сборами парчевых безрукавных телогрейках, в широких, вздутых на плечах кисейных рукавах и со множеством колец на руках (галицкий наряд пользовался на Руси, вместе с калужским и торжковским, равную известностью и славою). Хороводы собственно были очень чинны и степенны, а потому скучны. Ни одна девушка не решалась поднять фаты, а покусившийся на это смельчак, жестоко поплатился бы перед молодежью-уличанами, своими боками. Веселились собственно на том и другом конце, где большие и малые играли в городки или чурки. И в самом деле, было забавно смотреть, когда из победившей партии длинный верзила садился на плечи крепкого коротыша и ехал на нем от коня до коня, и гремела толпа откровенным несдерживаемым хохотом. Веселились еще по домам, смотревшим на эту улицу большею частью, тремя или пятью окнами, где для степенных и почтенных людей было сварено и выдержано на ледниках черное пиво и брага, и напечены классические рыбники, подерживавшие славу города, который расположился около тенистого большого озера, прославившегося в отдаленных пределах северной России ершами, крупными и вкусными.

Теперь эти праздники там совершенно прекратились, когда, на смену хоровода, привезли из европейской столицы досужие питерские французскую кадрили. Готовые пальто и дешевые ситцы победили вконец бабушкины сарафаны и шубейки, и в народные песни втиснулся нахалом и хватом, с гармонией и гитарой, кисло-сладкий ветреный и нескромный романс вместе с "частушками" — коротенькими куплетами водевильного строя. Теперь и в глухих местах пошло все поновому, и на улицах праздников

мы больше никогда не увидим, и иных, кроме иносказательных, словечных понимать не будем.

ВСТАТЬ В ТУПИК

Очутиться в безвыходном положении, оказаться в очумелом состоянии, стать как пень в смущении и недоумении, растеряться так, что не знать, что делать, — обычное выражение, народившееся на городских улицах. Городские жители хорошо знают, что "тупиками" называются такие закоулки, которые, подобно мешкам, имея вход, не дают свободного выхода. Эти непроходимые и непроезжие улицы называются также "глухими переулками". Наши города, зачастую располо-

жившиеся у подножия гор и в распределении жилищ очутившиеся в зависимости от направления косогоров и речных берегов, в особенности изобилуют такого вида улицами; наиболее же прославилась ими холмистая Москва. Не селились люди, как прямее, а строились, как ладнее. В старинных городах, когда, вопреки новым законам, дома ставились даже в таком порядке, как вздумалось и как пришлось по зависимости от соседей, — к тупикам этим оказалась как бы намеренная и упрямая наклонность. Много возни и хлопот они причинили тем, кто пускался переделывать и перестраивать этот неудобный порядок. Не избежал тупиков даже и такой втиснутый в сруну аккуратный немец, как регулированный три раза Петербург в своих глухих переулках. Такими еще очень недавно славилась его окраины, и в особенности, первоначально заселенный пункт, како-

ва Петербургская сторона. Доводились и здесь, на ровных болотистых, поемных водою, низинах вставать в тупик, что "некуда вступить" в прямом смысле.

СОР ИЗ ИЗБЫ

Деревенская пословица — закон, выносить не велит и, конечно, не учит она этим приказанием нечистоплотности и неряшливости, не советует жить грязно (что несовместимо и с распространённостью повсюду одного выражения, и с его долговременной устойчивостью). Я, при издании своих объяснений, обошел ее как такую, которая далеко прежде превосходно истолкована В.И. Далем. Привожу теперь это образцовое объяснение обиходного выражения в его прямом и переносном смысле.

"В переносном: не носи домашних счетов в люди, не сплетничай, не баламут; семейные дразги разберутся дома, коли не под одним тулупом, так под одной крышей. В прямом: у крестьян сор никогда не выносятся и не выметается на улицу. Это через полуаршинные пороги хлопотно, да притом сор стало бы разносить ветром, и недобрый человек мог бы по сору, как по следу, или по следку, наслать порчу. Сор сметается в кучу под лавку, в печной или стряпной угол, а когда затапливают печь, то его сжигают. Когда свадебные гости, испытывая терпение невесты, заставляют ее мести избу и сорят влед за нею, а она все опять подметает, то они приговаривают: "Мети-мети, да из избы не выноси, а сгребай под лавку, да клади в печь, чтоб дымом вынесло".

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

Некоторые думают производить его в виде переводного слова с французского языка, хотя, по многим признакам, выражение это можно считать коренным или если и заимствованным, то в очень далекие времена. Метать жеребьи, определяя очереди — прием, известный библейским евреям, практиковался и на Руси. Шляпа, валяная из ове-

чей шерсти, также издревле русский народный головной убор, и белорусский колпак-маерку мы видим на скифских изваяниях. В эти шляпы на всем разнообразном протяжении Русской земли бросаются всякие жеребьи в виде условных знаков: будут ли то каменные или надкусанные и нащербленные рубилом монеты или кусочки свинца с меткой на счастье при спорах и наймах. "Жеребей — Божий суд" (говорит пословица); "жеребей мешать — вперед не петь". Чья метка вынется, на том человеке и всем спорам конец: его право на получение заказа перед соперниками на куплю и продажу, на поставку лошадей в разгон и т.д. неоспоримо, — и дело в шляпе ожидало лишь очереди: надевай ее на голову, — теперь дело твое из нее уж не выскочит.

ПРАВДА В НОГАХ

Хотя пословица и укрепляет в том бесспорном убеждении, что в ногах правды нет, однако в недавнюю старину ее там уверенно, упорно и с наслаждением искали наши близорукие судьи с примера, указанного татарскими баскаками. Сборщики податей, а впоследствии судные приказы, взыскивавшие частные долги и казенные недоимки, ставили виноватых на

правеж, т.е. истязали. По жалобе заимодавца приводили должников босыми. Праведчики, т.е. пристава или судебные служители, брали в руки железные прутья и били ими по пятам, по голеним и икрам (куда попадет). Били с того самого времени, когда приходил судья, до того, когда он уходил домой.

*Били доброго молодца на правеже
В одних гарусных чулочках,
И без чоботов... —*

говорит одна старинная былина. Бывали так повгородских попов и дьяконов "на всяк день от утра до вечера нещадно". Чаще всего ограничивали срок битья согласием должника заплатить долг или появлением поручителя. Бирон казенные недоимки, накопившиеся от неурожая, вымогал тем, что в лютую зиму ставил на снег и все-таки в отмороженных ногах бесплодно искал правды. Стали толковать: "душа согрешила, а ноги виноваты" и "в семеры гости зовут, а все на правеж". Истязаемые умоляли безжалостных заимодавцев: "Дай срок — не сбей с ног!" Бессильные и безнадежные, когда "печем было платить долги, бежали на Волгу". Все эти болезненные вопли и бессильные жалобы ушли в пословицы и, с уничтожением правежного обычая, приняли более смягченный смысл. Стали уверять, что "в ногах правды нет" тех, которые, придя в гости, церемонятся, не садятся. Точно также: "дай срок, не сбей с ног" обращают теперь к тем, кто в личных расчетах торопит на работе, понуждает на лишние усилия, сверх ряды и уговора, в тяжелом труде, затеянном либо на срок, либо в самом деле наспех.

ОПИСАНИЕ РЕДКИХ И ВЫЖИВШИХ ЗВЕРЕЙ НА РУСИ

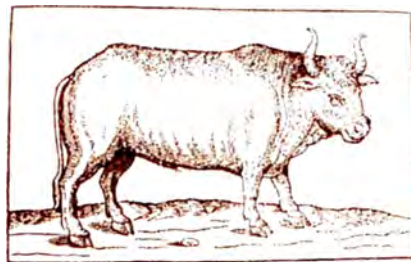
<...>Из группы охотничьих зверей распространеннее других были вепри или кабаны. Ныне они живут только в Литве и на Кавказе, а в древнее время водились почти повсюду. На севере они заходили гораздо выше Новгорода; так в договорной грамоте Новгорода с вел. кн. Ярославом Ярославичем Тверским в 1265 (и после в 1307-8 и 1326 г.) сказано: "а свиный ти, княже, бити за 60 верст от города"; на восток попадались в Рязанском княжестве, но в большем изобилии встречались на юге, в Черниговском княжестве и на юго-западе, в Галиции. Охота на вепрей всегда была сопряжена с большими опасностями: вепрь, даже тяжело раненый, защищается свирепо и отчаянно. "Вепрь ми на бедре мечь отял (оторвал)", — говорит Владимир Мономах.

Лоси спускались гораздо южнее, чем ныне: водились они в бассейне Дона и в бассейне Десны, а на севере встречались по верховьям Волги.

Об оленях в древних памятниках упоминается редко. Из поучения Владимира Мономаха мы знаем, что в его время олени водились в Черниговском княжестве, а по свидетельству Михалона Литвина в XVI в. их много было и в Литве.

В лесах юго-западной Руси водились туры или дикие быки, окончательно вымершие, по словам Брема, в начале XVII в. Во времена Герберштейна на Руси их уже не было, но в Литве они еще встречались, хотя и не в изобилии. Герберштейн так описывает туров: "Это в самом деле лесные быки, несколько не отличающиеся от домашних, разве только тем, что они все черные и имеют белую полосу вдоль хребта. Их не очень

много, и на некоторые деревни возложен уход за ними; наблюдают за ними так же почти, как в зверинцах... Король Сигизмунд подарил мне, когда я был послом у него, одного выпотрошенного быка, которого добились охотники, когда он полуживой был выгнан из стада... Известно, что пояса из буйволово́й кожи ценятся, и в народе верят, что опоясывание ими

Изображение тура,
с гравюры на дереве.
Конец XV века.

помогает в родах. По этой причине королева Бона, мать Сигизмунда Августа, подарила мне два таких пояса, из которых один благосклонно приняла от меня в подарок моя пресветлейшая Государыня Королева Римская". В древних памятниках тур представляется животным весьма сильным, смелым и свирепым. "Тура мя два метала на розехе и с конем", — говорит Владимир Мономах. В народной поэзии тур служит любимым образом для сравнения: былины сравнивают с туром богатырей, а "Слово о Полку Игореве" называет князя Всеволода "буй-туром". В памятниках XIV столетия находим сведения об употреблении турьих рогов, как сосудов для напитков. При упоминании о веровании в божество Переплута встречаем фразу: "Иже вертячеся пьют ему в розех" (турьих).

Другим редким зверем был зубр; водились ли зубры в пределах древней Руси, об этом прямых

указаний памятники не дают, и в летописях о зубрах вовсе не упоминается; может быть, впрочем, что наши предки под названием "тура" иногда разумели тура в собственном смысле, а иногда зубра. Но если зубры и водились в пределах древней Руси, то это во всяком случае было в раннюю эпоху, не позже конца XII в. Уже в XI в. польские короли запрещают охоту на зубра под страхом смертной казни, несомненно из желания сохранить эту редкую породу. Под конец XII в. зубр становится уже большою редкостью и встречается только около Кракова, Сандомира, Радома, Варшавы и в восточных провинциях Пруссии. По сведениям Люстриции 1533 г., зубры еще водились в царстве Польском в пуще Jaktorowskiej, имевшей длину 20 верст и ширину 14; здесь-то, вероятно, и видел их Герберштейн. Он так описывает их: "Бизон с гривой; шея и плечи косматые; борода висящая с подбородка; волосы пахнут мяскусом; голова короткая; глаза большие, впаляе, как бы пылающие; лоб широкий; рога по большей части расположены так, что в промежутке между ними могут усесться три хорошо сложенных человека... Спина зубра приподнимается в виде горба, так что передняя и задняя части животного ниже середины". Неизвестный автор письма, сохранившегося в бумагах Флорентинского архива, дает точно такое же описание зубра, но прибавляет еще одну любопытную черту: "По свойственной его (зубра) природе гордости, он избегает общества молодых зубров, товарищей своих, и держится от них в ружейном расстоянии и, уединяясь в глуши, стоит неподвижно на одном месте с поднятою головою". Остатки этой редкой породы, находящейся в периоде вымирания, ныне сохранились только в Беловежской пуще (Гроднен-

Глава из книги «Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI века».
Начало — "ГД" № 1. 1996 г.

ской губернии) да на Кавказе и доживают здесь свой век под защитой специальных законов; но, вероятно, недалеко уже то время, когда о зубрах будут знать только по преданию, точно так же как и о диких конях, во времена Мономаха целыми табунами водившихся в степях южной Руси. Затрудняются решить, были ли это подлинно дикие кони, вроде азиатских тарпанов, или это были одичавшие лошади, наподобие американских мустангов. Основываясь на характере изображений, найденных в Чертомлыцкой "толстой" могиле (о чем уже говорено в введении), мы диких коней времен Мономаха считаем подлинно дикими, позднейшим поколением степных неприрученных лошадей, которых некогда ловили скифы, древнейшие обитатели южной Руси.

Более спорным представляется вопрос о пардусах или барсах (леопардах): водились ли в древней Руси барсы? В древних известиях упоминаний о барсах немного; летопись говорит о них только три раза: под 964 г., под 1147 г. и под 1159 г. В первом случае, желая охарактеризовать князя Святослава, летописец говорит о нем следующее: "Князю Святославу возрашю о возмужавшю, нача воя совокупляти многы и храбры, бе бо сам хороб и легок, ходя акы пардус". Сравнение Святослава с пардусом указывает, по-видимому, на близкое знакомство наших предков с этим зверем; но в памятниках не редкость встретить и сравнение со львом, который, без сомнения, на Руси не водился, т.е. сравнение с барсом могло быть замешано не из действительного быта, а из литературного источника, как и сравнение со львом. Два другие свидетельства из летописи говорят о подарках пардусами. В 1147 году Юрий Долгорукий звал к себе в Москву князя Святослава Ольговича Северского. "Святослав же еха к нему с детем своим Ольгом, в мале дружине, поима с собою Володимера Святосла-

Изображение белого кречета, с гравюры на дереве. Конец XVI века.

вича; Олег же еха наперед к Гюргеви и да ему пардус". В 1159 году Ростислав Киевский и Святослав Ольгович съехались для обсуждения плана действий против общего врага Изяслава Даниловича: "бысть же съезд сей на великую любовь. Тогда же Ростислав позва Святослава к себе на обед, Святослав же еха к нему без всякаго извета (т.е. измены), и бысть радость въ ть день между има и дарови мнозь, да бо Ростислав Святославу собольми, и горностаими, и черными куны, и песцы, и белыми волкы и рыбыми зубы; на заутрие же позва Святослав Ростислава к себе па обед и тако быста весела паче вчерашняго дни, да Святослав Ростиславу пардус и два коня борза у ковану седлу, и тако розидоста усвоаяи".

Комментируя эти места летописи, наши историки полагают, что в обоих случаях дарились шкуры барсов. "Пардус-барс", говорит Забелин, "был очень известен древней Руси, и кожами пардуса, вероятно целыми с шерстью, заменявшими ковры, князья дарили друг друга, как лучшим и дорогим подарком". В новейшее время высказано предположение, что дари-

лись не шкуры барсов, а живые, выдрессированные для охоты, барсы. Известно, что в Азии, у монгольских ханов, охота с дрессированными леопардами в старину практиковалась довольно широко; леопарды пригравливались натаской, и ими травили зверей, как и теперь еще травят гепардом в Индии.

В переводных памятниках слово "пардус" часто обозначает собоу рысь, и, стало быть, пардусниками могли называться охотники за рысями, которых тогда было повсюду великое множество. Известный зоолог Брем полагает, что барсы могли водиться в южной России, так как ее климатические условия отвечают натуре зверя; но отсутствие положительных известий не дает нам права категорически утверждать, что барсы в южной Руси водились и жили постоянно. Более правдоподобным мы считаем мнение проф. Усова, что барсы иногда заходили в пределы южной Руси с Кавказа и становились редким трофеем княжеской охоты. Так это было, полагаем, около 1147 и 1159 годов и несколько раньше при Владимире Мономахе. В своей духовной Владимир Мономах, между прочим, говорит: "лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже". Под "лютым зверем" в этом отрывке обыкновенно разумеют волка, основываясь на том, что в древней письменности "лютый зверь" — синоним волка; но хорошо известно всякому, даже не охотнику, что волк — большой трус, один-один никогда не бросится на конно-

Сцены охоты. Фреска Киево-Софийского собора. XI век.

го охотника и едва ли в силах опрокинуть коня и всадника; поэтому более вероятным кажется видеть здесь в "лютом звере" не волка, а барса, как это делает проф. Усов. Разумеется, шкуры таких редких зверей могли служить очень приличным подарком при существовавшем между князьями обычаяе обмениваться дарами. <...>

ВСЕОБЩИЙ НА 1917 ГОД РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Издание Ивана Сытина

РОССИЯ В ЦИФРАХ

По количеству населения Россия занимает первое место среди цивилизованных стран мира (без колоний). Общая численность населения Российской империи, вычисленная на основании цифр переписи 1897 г. и ежегодного естественного прироста в 1,8%, с Финляндией, определяется к 1 января 1917 г. в 185 млн. душ обоюбого пола. Со времени переписи 1897 г. население увеличилось на 56.075.700 чел., т.е. наполовину.

Вероисповед. состав населения:
1) православных около 70%, 2) магометане — 10%, 3) католики —

9%, 4) протестанты — 5%, 5) иудеи — 4%, 6) армяно-григориан — 1%, 7) прочие — 0,5%.

Состав населения по сословиям. На 1000 чел. жителей приходится: крестьян — 771, мещан — 107, инородцев — 66, казаков — 23, дворян — 15, духовенства — 5, почетных граждан — 5 и прочих — 8.

Языков и наречий, на которых говорит население России, насчитывают более 100.

Книги. В год выходит во всем мире 150000 книг разных названий, из них в Европе — 110.000; в России в 1914 г. вышло 32.338 названий (25.521 на русском языке и 6.817 на других языках).

ХРОНОЛОГИЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЛЯ РОССИИ СОБЫТИЙ

Годы от Рождества Христова

862. Начало русского государства.	1561. Падение Ливонского ордена.
906. Поход Олега на Царь-град.	1564. Напечатана первая книга "Апостол" Иваном Федоровым.
957. Крещение кн. Ольги.	1582. Начало покорения Сибири Ермаком.
988. Крещение Владимира и Руси.	1584-1598. Феодор Иоаннович.
1028. Первые писанные законы — "Русская правда".	1589. Установление в России патриаршества (23 января).
1054. Разделение Руси на уделы.	1591. Убиение царевича Димитрия в Угличе.
1147. Основание Москвы кн. Юрием Долгоруким.	1592. Начало крепостного права.
1223. Первое нашествие татар (Чингиз-хан).	1598-1605. Борис Годунов.
1238. Второе нашествие татар (Батый).	1605-1606. Лжедмитрий Первый.
1240. Покорение Руси татарами.	1606-1640. Василий Иванович Шуйский.
1242. Ледовое побоище (5 апреля).	1613-1645. Михаил Феодорович Романов.
1328. Начало Московского государства.	1645-1676. Алексей Михайлович.
1328-1340. Иван Калита, первый великий князь московский.	1647. Казак Дежнев проплыл Берингов пролив.
1363-1389. Дмитрий Иоаннович Донской.	1654. Присоединение Малороссии. Начало раскола.
1380. Куликовская битва (8 сентября).	1668-1671. Бунт Стеньки Разина.
1386. Соединение Литвы с Польшей (17 февраля).	1676-1682. Феодор Алексеевич.
1389-1425. Василий Первый Димитриевич.	1682-1689. Правление Софии. Стрелецкий бунт.
1395. Нашествие Тамерлана.	1689-1725. Петр Первый Алексеевич, Великий.
1425-1462. Василий Второй Васильевич, Темный.	1697. Покорение полуострова Камчатка.
1458. Отделение юго-западной церкви от северо-восточной.	1699. Указ о том, чтобы считать началом года 1 января.
1462-1505. Иоан Третий Васильевич.	1700. Летосчисление от Р.Х. — отмена патриаршества.
1478. Покорение Новгорода Иваном Третьим (15 января).	1703. Издание первых русских ведомостей в Москве (2 января). Основание Петрограда (16 мая).
1480. Свержение татарского ига (7 ноября).	1709. Победа под Полтавою (27 июня).
1505-1533. Василий Третий, первый царь Московский.	1719. Первая народная перепись (ревизия).
1533-1584. Иоан Четвертый Васильевич, Грозный.	1721. Учреждение Святейшего Синода (25 января).
1552. Покорение Казанского царства.	1722. Присоединение Белоруссии.
1556. Покорение Астраханского царства.	

Периодические издания появляются в России впервые в 1703 г. ("Русские ведомости"). В 1914 г. периодических изданий выходило 3111 названий.

Газет во всем мире издается 35000, из них 20000 — в Европе; в России (1914) — 1293.

Календарей в России раздается в год более 15 миллионов.

ТАБЛИЦА РОССИЙСКИХ ЧИНОВ

Высокопревосходительство: гражданские — государственный канцлер, действительный тайный советник. Военные — генерал-фельдмаршал, генерал. Морские — генерал-адмирал. Придворные — обер-камергер, обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-шенк.

Превосходительство: гражданские — тайный советник, действительный статский советник. Военные — генерал-лейтенант, генерал-майор. Морские — вице-адмирал, контр-адмирал. Придвор-

ные: камергер, гофмейстер, гофмаршал, егермейстер.

Высокородие: статский советник.

Высокоблагородие: гражданские — коллежский советник, надворный советник, коллежский ассесор. Военные — полковник, подполковник, капитан, ротмистр. Морские — капитан I ранга, капитан II ранга.

Благородие: гражданские — титулярный советник, коллежский секретарь, губернский секретарь, коллежский регистратор. Военные — штабс-капитан, штабс-ротмистр, поручик, подпоручик, прапорщик (в пехоте). Морские — лейтенант, мичман.

ЦЕРКОВНАЯ ИЕРАРХИЯ

Монашествующее духовенство. **Высокопреосвященство:** митрополит, архиепископ. **Преосвященство:** епископ. **Высокопреподобие:** архимандрит, игумен.

Белое духовенство. **Высокопре-**

подобие — протоперей. **Преподобие** — перей, или священник, протодьякон, дьякон.

ДНИ, В КОТОРЫЕ НЕ СОВЕРШАЕТСЯ ВЕНЧАНИЕ:

Накануне: Среды и Пятницы в течение всего года, воскресных и праздничных дней, восшествия на престол и коронация Государя Императора. С 15 ноября по 6 января. От недели мясопустной до Фоминной недели. В Петров и Успенский посты. Накануне и в дни Усекнов. гл. св. Иоанна Предтечи (29 августа) и Воздвижения Креста Господня (14 сентября).

ДНИ, В КОТОРЫЕ ВОЗБРАНЯЕТСЯ ПОГРЕБЕНИЕ:

Первые дни Рождества Христова и святой Пасхи. Дни: восшествия на престол Государя Императора, рождение и тезоименит. Их Императорских Величеств и Его Высочества Государя Наследника.

1761-1762. Петр Третий Феодорович.
1762-1796. Екатерина Вторая Алексеевна.
1764. Основание Императорской Академии Художеств в Петрограде (4 ноября).
1770. Истребление турецкого флота при Чесме (26 июня).
1772. Первый раздел Польши.
1773-1774. Бунт Пугачева.
1774. Присоединение Новороссии.
1783. Присоединение Крыма и Кубани.
1793. Второй раздел Польши.
1794. Присоединение Литвы (15 апреля).
1795. Третий раздел Польши.
1796-1801. Павел Первый Петрович.
1796. Мир с Персией в Тифлисе.
1801-1825. Александр Первый Павлович.
1801. Присоединение Грузии (18 января).
1805-1812. Война с Францией.
1806. Война с Турцией.
1808. Воспрещена продажа на рынках людей.
1808-1809. Война со Швецией.
1809. Присоединение Финляндии (5 сентября).
1810. Учреждение Государственного совета (1 января).
1812. Присоединение Бессарабии. Отечественная война.
1815. Присоединение Царства польского.
1825-1855. Николай Первый Павлович.
1825. Заговор декабристов (14 декабря).
1826. Война с Персией (за обладание Закавказьем).
1827. Наваринская битва.
1830. Польский мятеж.
1833. Издание свода законов (1 января).
1836. Постройка первой железной дороги.

1839. Воссоединение ушатов (26 марта).
1849. Венгерская кампания.
1854. Осада Севастополя.
1855-1881. Александр Второй Николаевич.
1861. Отмена крепостного права (19 февраля).
1864. Положение о земских учреждениях. Покорение Западного Кавказа. Новые судебные уставы.
1865. Покорение Ташкента (16 июня).
1867. Присоединение гуркестанской области.
1873. Покорение Хивинского ханства (29 мая).
1874. Введение всеобщей воинской повинности.
1877. Объявление войны Турции.
1878. Сан-стефанский мир.
1881-1894. Александр Третий Александрович.
1891. Закладка Сибирской железной дороги.
1896. Коронация Их Императорских Величеств.
1897. Всеобщая перепись в России (28 января).
1900-1901. Война с Китаем.
1904-1905. Война с Японией.
1904. Отмена телесного наказания крестьян.
1905. Манифест 17 октября об умиротворении внутренней смуты о неизбежности основных уставов государства и о политических свободах.
1906. Учреждение Государственной Думы. Первая Государственная Дума. Указ о выходе крестьян из общины.
1907. Отмена выкупных платежей. Вторая Государственная Дума. Новый избирательный закон. Третья Государственная Дума.
1912 год. Закон о местном суде. Четвертая Государственная Дума.
1914 год. Начало величайшей мировой войны. Переименование Санкт-Петербурга в Петроград.
1915. Закон о военном налоге.

«ГДЕ РЯБИНУШКА ЧАСТА, ЦЕЛУЙ ДЕВИЦУ В УСТА...»

Народные песни

В сборник народных песен Федора Никаноровича Лаговского вошло 110 записей, сделанных им в костромском крае. Полное авторское заглавие следующее: "Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний, собран-

ные и положенные на ноты в 1872-1874 г.г. учителем пения при техническом училище в г. Череповце Ф.Н.Лаговским".

50 лет пролежал этот труд без надежды на публикацию, пока в 1923 году Костромское научное общество, сочтя работу очень ценной, не нашло возможность сделать отдельный отпечаток тиражом в 100 экземпляров.

В 70-е годы прошлого века в условиях провинциальной жизни "найти в себе силы заняться делом, которое только значительно позднее могло найти широкую общественную оценку", и в те времена казалось делом незаурядным, а сегодня — тем более.

Федор Лаговский был первым из семьи, кто расстался с духовным сословием. Родившись в 1850 г. на погосте Троице-Чудца Галичского уезда, в

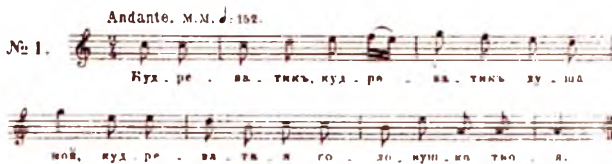
семье дьякона, как и положено, он был определен в Галиче в духовное училище, а затем, благодаря музыкальным способностям и хорошему голосу, был взят в архиерейский хор. Потом учился в семинарии, из 4-го класса которой поступил на юридический факультет Петербургского университета, резко изменив свою жизнь. Но стесненные материальные обстоятельства, необходимость помогать бедной семье отца, искать заработка службой, вынудили его оставить университет и искать места. В Череповце, где жили родственники, он всю свою жизнь, проведенную в трудах и заботах, проработал учителем пения и гимнастики.

Народная гармония — вот то богатство, которым хотел поделиться с нами этот скромный учитель.

ПЕСНИ БЕСЕДНЫЕ

1.

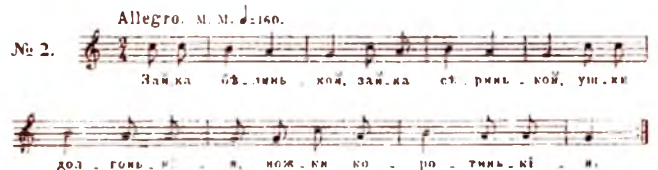
Кудреватик, кудреватик —
душа мой,
Кудреватая головушка твоя!
Еще кто тебя спородил, молодца?
Спородила парня матушка,
Возлелеяла чужая сторона,
Завила кудри любезная моя,
Завивала, приговаривала:
Ковда кудерки разовьютца,
Товда речиньки разольютца,
Поцелуемся — разоидемса.

2.

Зайка белишкой,
Зайка серенькой,
Ушки длигонькие,
Ножки коротынькие.
Зайка в сторону скочил,
Хмело, солоду купил:
А в другую-то скочил,
Тут река глубока,
Река тишовата,
Река рябишовата,
Где рябинушка часта,
Целуй девицу в уста.

№ 2.

3.

Через речку-речку
Лежала дощечка.
Никто тут не хаживал,
Никого не важивал:
Один мальчик перешел,
Красну девку перевел,
Перевел, целовал,
Тремя лентам даровал:
Перва лента алая, —
Я деушка правая,
Другая зеленая, —
Деушка хваленая.

Третья лента красота. —
Девка ростом высока.

4.

Тута или-прошли
Два полка солдат.
Ой да люли, люли!
Два полка солдат
Два полка солдат
Молодых ребят;
Вечор забршиты,
В полк отпущены.
"Отсылают нас
По фатерушкам;
На фатерушках
Есть по деушке.
Мы на деушках
Испожемимся".
Эти деушки
Взбунтовалися,
За солдат замуж
Собиралися.
Оне год живут,
И не каютца,
И другой живут,
И не маютца.
Что на третий год
Испокаялись:
"Не ийти бы нам
За солдат замуж,
Что ийти бы нам

За целовальничка:
Целовальнички
Не работнички,
Они пьют, едят
Все готовое,
Носят платинцо
Припасеное.
Отпустите нас
На единый час".
Мы отпустим вас. —
Поцелуйте нас.

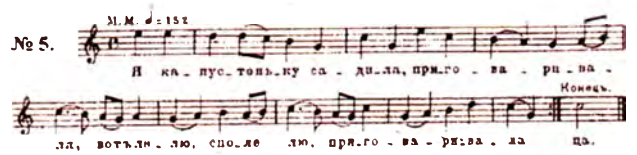
5.

Я капустоньку садила,
Приговаривала,
Вот делю, спо-ле-лю,
Приговаривала:
"Уродись моя капуста
И бела, и вила,
Ты бела и вила
И со тыном ровна,
С огородом наровни".
Уж я въиедиши на улицу,
Расхвасталася,
Я расхвасталася,
Разбахвалилася:
"Кому надобно капусты,
Приходите торговать,
А я буду продавать".
Што негде взялся детинка,
Точно ягодка-малинка;

Он повьдериул тычишку,
Зашел к девице в садок,
Бог на помочь подает:
"Те Бог на помочь, девица,
Капустоньку продават!"
Он капусты не торгует,
Красну девицу целует,
Он капустки не купил,
Красну девку полюбил,
Возле sibя становил,
Правой ручкой наложил,
Левой к сердцу прижимал,
Обрадушкой называл:
"Ты, обрадушка моя,
Чем обрадуешь миня?"
"Я обрадую тибя, —
Пойду замуж за тибя,
За удала молодца".

6.

Уж ты, девица, красавица моя,
Красота нейоценетная твоя!
Все беседы, все веселья испрошел, —
Тибя лучше и краше не нашел;
Хоть и лучше, и краше тибя есть,
Моему сердцу желанья по той нет,
По тибе ли, моя девица,
По тибе, моя красавица,
Што болит, болит сердечушко,
Разгорается ретивинькое.

7.

Возле речки ходила молода,
Белу рыбицу ловила не одна,
Не одна я — со товарищем,
Со товарищем,
со миленьким дружком.
Как увидели ребятауики,
Доложили моей матушке,
Моя матушка не лихо, не беда.
Как заставила капустку
полоть.
Я полю, полю, — не полетца,

Поливаю, — не мочитца:
Перемены молодой хочетца.

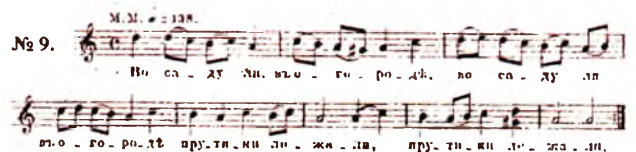
8.

Перепелочка ли ты моя,
Молодешинька ли ты была.
Вот перепелки,
Вот молодые,
Крылья золотые!
Куды захотела,
Туды полетела:

Ково полюбила,
Тово целовала.

9.

Во саду ли, в огороде
Прутики лежали.
На миня, красну девицу,
Напрасно сказали:
Будто б я, красна девица,
Спорану вставала,
Споранехонько вставала,
Милова пуцала,
Три раз целовала.

10.

У нас в селе,
В Саратове,
Укупчика,
У бохтова,
Сидит девка,
Как ягодка,
Она не тчет, не прядет,
Только кружева плетет,
Поскакивает,
Поплясывает,
Чиви-ри-ви-ри-ви-ри!
Ково хошь, тово бери,
Веник, веник да голик
Целоваться велит,

№ 10. *M.M. ♩ = 144.*

У нас в селе, в Саратове, укупчик, у бохтова, сидит девка, как ягодка, она не тчет, не прядет, только кружева плетет.

Сито, сито, решето,
Целоваться хорошо.

11.

Уж ты, зимушка зима,
Зима лютая была,
Зима лютая была,
Заморозила мишу; 2
Завяло, завяло
Все дорожки и пути, 2
Все дорожки и пути,
Нельзя к милтому (милрой мне)
пройти. 2
Стелю, стелю постелюшку,
Стелю пуховую, 2

Ково очень я люблю,
Тово поцелую.

ПЕСНИ, ПО КОТОРЫМ НАБИРАЮТ ХОРОВОД

12.

В каравоне людей мало,
Веселитца не с кем стало,
Ой, братцы, мало нас!
Ты, Варвара, поди к нам,
Ивановна, погуляй,
Ой, братцы, мало нас! 2
Ты, Василий, поди к нам,
Николаич, погуляй,
Ой, братцы мало нас! 2

№ 12. *M.M. ♩ = 100.*

В каравоне людей мало, веселитца не с кем стало, ой, братцы, мало нас, ой, братцы, мало нас.

13.

Утушка молодая,
Серая полевая!
Где ты была-побывала,
Где ты почку почевала?
"Я на речке под мосточком,
Под крутым бережочком,
Я сама собой ходила,
За собой детей водила,
Сама себе говорила:
Ах, ути, ути, ути!
Стаду некуда уйти, —
Нет ни лесу, ни воды,
Ни осоки, ни травы".

Ты взойди, сударь, во новой,
Царевич-королевич,
Встань здесь, подоприса,
Царевич-королевич,
Низеишько поклониса,
Царевич-королевич,
Милеишько поцелуйса,
Царевич-королевич.

Штоб дома сидети,
Во пир не ходити,
Пивушка не пити,
Пива молодова,
Вина зеленова,
Пойдем-ко, сестрица,
Мы в гости проситца
К матушке-свекрови.
"Матушка-свекровь!
Отпусти нас в гости
Пивушка попити,
Пива молодова,
Вина зеленова".
(Отказывает).
Черт нам неволя
От черта-свекрови.
Ах, не такое сердце,
Штоб дома сидети,
Во пир не ходити,
Пивушка не пити,
Пива молодова,
Вина зеленова.

ПЕСНИ ИГРОВЫЕ

14.

По за городу гуляет
Царевич-королевич,
Он невест выбирает,
Царевич-королевич,
Ты взойди, сударь, во город,

15.
Пойдем-ко, сестрица,
Мы в гости проситца
К батюшку-свекру,
"Батюшко-свекор!
Отпусти нас в гости
Пивушка попити,
Пива молодова,
Вина зеленова".
(Отказывает).
Черт нам неволя
От черта-свекра,
Ах, не такое сердце.

№ 13. *M.M. ♩ = 126.*

Утушка молодая, серая полевая, я сама собой ходила, за собой детей водила.

№ 14. *M.M. ♩ = 96.*

По за городу гуляет, царевич-королевич, он невест выбирает, царевич-королевич.

№ 15. *M.M. ♩ = 152.*

Пойдем ко сестрица, мы в гости проситца, черт нам неволя от черта свекрови, ах не такое сердце, штоб дома сидети.

Записаны в Галичском уезде
Костромской губернии в 1872-1874 г.г.

ИЗДАНО В ГУБЕРНИИ, ИЛИ ЦВЕТУЩИЕ ПОЛЯНЫ ПРОШЛОГО ГОДА

Эпиграф №1:

"...Мы видели, как он читает молча, всегда только молча, и не много постояв, мы уходили, полагая, что в этот краткий промежуток времени, когда он, освободившись от суматохи черных дел, мог перевести дух, он не хочет, чтобы его отвлекали, и, возможно, опасается, что кто-нибудь, слушающая его и заметив трудности в тексте, попросит объяснить темное место или вздумает с ним спорить, и тогда он не успеет прочитать столько томов, сколько хочет... Во всяком случае, каково бы ни было намерение подобного человека, оно, без сомнения, было благим".

Х.Л. Борхес "О культуре книг".

Книжки-эндемики, первые мотыльки и бабочки костромских издателей, годовой отлов которых умещается на одной ладони, невесомая почти стайка стихов и прозы. Не оставляют они на пальцах золотистой пылицы дорогих фолиантов. В основном — тетрабочка со скрепочкой. "Прочти в дороге, товарищ!" — называется. Ну что ж. Сунул в карман — и пошел. Удобно. Этим пока и утешимся, глядя вперед с надеждой поймать на завтрашних ромашковых лугах не скромных белянок и желтушек, а каких-нибудь чудных *Icterus salmoxis* или *Dryocopus antimachus*.

Но ведь — целая дюжина! Но ведь из этой дюжины дебютов — за половину! О таком в прежние-то годы и не презилось. Была некая компонента, дозирующая и фильтрующая... Конечно, ей на смену не преминула явиться иная скорбь. Стал зависеть творец во многом от богатого и доброго дяди. Но ведь знаем мы от тех же писателей, что добрых людей на свете больше, чем всяких прочих... Пожелаем добрым еще больше добра.

Краткие субъективные характеристики. Никакие не критические погуги, не рецензии, а просто фиксация факта хлопанья крыльями

еще одной преобразенной куколки, быстрая ассоциация от радужных переливов порхания и волнения воздушной среды... Ибо "огонь мерцающий в сосуде" требует более глубоких исследований. А это — обыкновенный обзор, воспоминание о цветущих полянах прошлого года. Не эпимологический, а скорее энтомологический экскурс.

И сначала — в прозу.

Книжечка Виталия Пашина "Ходи веселей, Кострома" очень уместно появилась в канун 50-летия Победы. Занимательные рассказы о войне отличаются, как написано в аннотации, "простотой, краткостью и по возможности — улыбкой". В этом смысле типичен рассказ (а по сути широко распространенная в то время фронтвая байка) "Голова — два уха" о русском и немецком солдатах, случайно столкнувшихся где-то на нейтральной территории и ознаменовавших это событие распитием доброй фляги спирта. Если коротко: представьте себе дух Василия Теркина, заговорившего вдруг прозой. Связь здесь несомненна.

Книга галичанина Олега Каликина "У самого, самого озера" вписывается в фон костромской традиционной, несколько архаичной словесности. Издана она на родине автора и интересна обилием спонсоров — их ровно двенадцать! Что ж, с миру по нитке... Как мне кажется, современные художественные средства доступны всем, и писатель мог бы немного усовершенствовать свою методику, сделать повествование более мобильным. Такое вот ненавязчивое читательское пожелание.

Первая книга Алексея Акишина из Павина "Вася-Нептун" включает повесть "Гурт", три рассказа и довольно занимательный цикл миниатюр "Всполохи". Одно удачно более, другие менее... Например, рассказик "Новые хозяева" о засыхающей яблоньке кажется надуманным, не в силу того,

что так не бывает (при нерадивых хозяевах все что угодно в негодность придет), а потому, что автор, пытаясь, видимо, развернуть образ в метафору о сохранении нравственных устоев прошлого, слишком прямолинеен. Не все так просто в нашем мире. Впрочем, если вспомнить — детские рассказы Льва Николаевича еще более назидательны. И я умолкаю.

Еще два дебюта — это уже чисто "городская" проза.

"Искушение фотографа" Алексея Зензинова и Владимира Забалуева — пронзительная повесть о пионерском лагере, а точнее и о пионервожатых и их юных воспитанниках. Учитывая время и место действия, идея сего произведения достаточно прозрачна. Недурственное чувство юмора, несмотря на незамысловатость сюжета, позволяет дочитать книгу до конца. Кстати, это самое "солидное" из всех изданий по объему — в ней аж 142 страницы. Соавторы, кажется, хотя и продолжили повествование. Успехов!

"Бредовые сказки" Николая Коротышева, веруято, лучшее, что было выпущено в прошлом году. Я имею в виду полиграфию и художественное оформление, блистательно исполненное Ольгой Швейцер. Что касается содержания, тут я слышал разные мнения... Сказки эти — скорее своеобразные притчи, а последняя "Сказка, которая никак не хотела кончаться" действительно не окончена. Тяготеющая больше к популярному жанру *fantasy*, она показала несколько вторичной.

Хочу повторить еще раз, что это всего лишь перечисление вышедших книг. Если кое-что я из них почитал и составил себе о прочитанном мнение — это всего лишь мнение одного из читателей.

На этом распрощаемся с прозой и перейдем к поэзии. Но сначала...

Эпиграф № 2:

"...поэты. Бывает, кто-нибудь выстроит в ряд шесть-семь слов, обычно загадочных, и не будучи в силах сдержать себя, начинает выкрикивать их, встав в центре круга, который образуют рассеявшиеся на земле жрецы и все прочие. Если поэма никого не взволнует, ничего не произойдет, но, если слова поэта заденут за живое, все в долины тишины отходят от него, охваченные священным ужасом... Они чувствуют, что на него снизошла благодать, и уже никто более не заговорит с ним, не взглянет на него, даже его собственная мать. Отныне он не человек, а Бог, и каждый может убить его. Поэт, если ему удастся, ищет спасения в краю зыбучих песков на Севере".

Х.Л. Борхес "Сообщение Броуди".

Горчащий и терпкий привкус стихов Татьяны Иноземцевой из книги "Дикая яблоня" я ощутил сразу. С первых строчек защемило это: "Была предназначена — не пригодилась. Сбылась, словно сон, — да не там!" О любви, одиночестве... Все это надо читать серьезно, сопереживать глубоко. От этого рвется сердце. Если не по силам — отложите. Жизнь трудна, и поэтесса поймет вас. "Бог с тобой. Я все тебе простила". Когда минует приступ малодушия, вы вернетесь к этой книге. Она вас так просто не отпустит. У этой яблони сильная корневая система, а плоды... Это смотря до какой веточки вы дотянетесь.

Сергей Потехин издал в Галиче книгу под названием "Снежная дева", чем и не порадовал своих многочисленных почитателей. Вот уж настоящий эндемик! Писать о Сергее — что воздух штопать или на звезды дуть. Его петь надо на гулянках или декламировать на перекрестках, а где взять, коли весь тираж (950 экз.) можно в двух коробках из-под обуви унести. Но все же спасибо городу Галичу и селу Костоме, откуда поэт родом.

Участием власть придержащих издана в некотором роде итоговая книга поэтессы Нины Снеговой "Автопортрет". Здесь собрано то,

что она посчитала нужным размашисто зачерпнуть из своего снежного озера. Озера, в котором вот уже тридцать лет обитают волшебные рыбы, колышутся неведомые растения, хрустит крошкой угренский ледок, цветут кувшинки, отражаются лица любимых и друзей, октябрьские огненные листья пересекают пространство, словно плывут за золотым руном, благородные птицы хлопают крыльями, бродят вдоль берега бездомные, но пригретые сою животные...

"Мгновенность пребывания на земле
Определила мне глухое место
И повелела в слове извлекать
Души людской
незавершенность жеста".

"Автопортрет" — очень точное название. Краем глаза улавливаешь движение, оборачиваешься — что-то изменилось в мире.

Далеко уместно помянуть сборник Евгения Разумова "Прудяные холсты". Здесь все на стыке высокого и низкого "штпелей", много

Татьяна ИНОЗЕМЦЕВА

* * *

Медовый воздух вытис, но еще
Малиной спелой

слабо пахнут руки.
А сердце, остывая, под плащом
Уже сжимается
от предосенней муки.

В седых вихрах безжизненной травы
Толмится и теряется дорога.
И горек дым пылающей листвы,
Как поцелуй последний у порога.

Сергей ПОТЕХИН

* * *

Дела твои неплочи.
Мои наоборот,
Но я в другой эпохе
Живу девятый год.

О прошлом не горюю,
И губы не дрожат.
Кому любовь дарую,
Те мной не дорожат.

Конечно, не подарок
Твой преданный слуга.
Река моя подаром
Размыла берега.

Стояла над обрывом
Избушка рыбака.
Досталась песня рыбам
И тем, видать, горька.

Пришел я к заключенью,
Да так тому и быть,
Придется по теченью
Моей лодочке плыть.

Не чувствуя подвоха,
Скользжу спиной вперед.
Какая там эпоха
За поворотом ждет?

Нина СНЕГОВА

* * *

От черной зависти весне
Убереги меня, гордыня,
Дай мне побыть такой, как ныне,
Осенней — но собой вполне!

Сами дороги все ткала,
Как полотенца расстилала
И с кем идти — я выбирала.
Бью нынче в доле зеркала!

Не видеть чтоб, как возле глаз,
Как напоказ легли потери.
Ведь все грядущие апрели
Не для осенних, не для нас.

Ни на день не омолодят
Крутые веющие потоки.
Продли, гордыня, наши сроки —
Пусть зеркала со стен летят!

Я у зимы стою в дверях,
Пред неизвестным замираю.
И все гляжу, как догораю
Я — в лучезарных дочерях.

Евгений РАЗУМОВ

* * *

Жизней половинки
склеены слезой.
Не могу по снегу
побродить босой.

игры, защищающей ранимую душу, есть и музыка. Мне уже приходилось писать, что стихи Евгения эклектичны, в хорошем смысле этого слова. Быт и бытие переплетены, густо замешаны. Нет чистоты жанра. Оттого и "прудные", оттого и "холсты"... Брейгелевские слепцы и выжлятники, вольтиники и косари бредут от Селища по волжскому берегу, и здесь тоже — рыба, но "с девичьим лицом", и готика, режущая славянское око, и Честняков, и

шекспировский король, и Ким Ир Сен, и хромой дядя Вова, закусывающий лучком, и, наконец, "осознание любви", приходящей в "покинутую душу"... Напомню слова Новалиса: "Нет ничего более поэтического, чем переменчивость и смеси разнородного". Мы только-только начинаем собирать камни. Нам надо все их попробовать наощупь, чтобы отделить сердолики от кусков щебня и битого кирпича.

Этим же характерна первая книга Алексея Зябликова "Стое-

росовый лес". Она разнообразна по темам, многоголоса по звучанию, пролизна, что вообще свойственно современной поэзии, как бы всерьез к себе не относящейся. Читать весьма любопытно.

Другой автор-дебютант Алексей Скуляков в предисловии к своей книге "Стихи — моя стихия" признается, что его "стихи — мелодичны". Есть и это, но больше все-таки того же иронического флера с уклоном в сатирическо-обличительный пафос. Некоторая неровность дыхания, возгласы в пустоту могли бы быть сняты, прояви создатель к себе большую взыскательность. Не чуждый музыкальным занятиям, автор должен обладать слухом и знать, как настраивают инструменты.

Совместное усилие Игоря Патынко и художника Сергея Пшизова вылилось в экспериментальную книжечку, названную "Отражения". Соитие двух художественных волей составляет ее интригу. Линия и звук, заклинание и магический знак... Удачна ли эта попытка — судить читателям, но пираж в сотню экземпляров диктует признать издание скорее сувенирным. До "всамделишной" книжки, даже при неплохой полиграфии, она не дотягивает.

Вот и все, что попало в поле зрения. Сам пропорхал, едва касаясь, мимо, или мимо меня, "крыльпukuя золотописьмом", пролетели эти создания? Одно я знаю. Если мы будем бережны, понимая природу творчества, — умножение ее форм, разнообразие и богатство неизбежны.

Этой, по-мичурински емкой фразой, и закончим.

Vivat, провинция!

Юрий БЕКИШЕВ

Постскриптум:

Одному древнекитайскому писателю приснилось, что он мотылек. Когда он проснулся, он не знал, то ли он человек, которому снилось, что он мотылек, то ли он мотылек, которому снится, что он человек.

Книгам тоже, наверное, что-то снится. Может быть, прикосновение человеческих рук.

*Не могу рубанком
выстрогать дворец.
Вот такой, Полинка,
у тебя отец.*

*"Мама мыла раму..."
Буквари не врут.
С нею постучался
в эту дверь уют.*

*С нею стало сердце
засыпать в ночи.
Спи и ты, родная,
и не стрекохи.*

*Плюшевый енотик,
слышишь, захрапел.
Не оставь, Всевышний,
наших души и тел!..*

Алексей СКУЛЯКОВ

* * *

*Жарко солнце пекло.
И, как порох, был лес.
А потом потекло
Непрерывно с небес.*

*За неделю циклон
Пролил влаги моря.
И опять небосклон
Осветила заря.*

*И сплошной полосой
Вдруг поперли грибы.
Их коси хоть косою
И граблями граби!*

*И пополз вскоре слух
По лесной стороне
Среди местных старух:
— Бить войне! Бить войне!*

Игорь ПАТЫНКО

* * *

*Мы останемся,
Даже если расстанемся.
Вещиц будет сон.
Даже если не сбудется...*

Алексей АКИШИН

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
(Из цикла "Всполахи")

Колхоз организовывали. Собрали собрание, уполномоченный из района пояснил, что председателем должен стать кто-то из бедняков.

Одного, другого перебрали — не подходят.

— Митьку-Кочергу надо выбрать, — предложил кто-то с задних рядов. — Он у нас самый бедный да к тому же и одинец — один, без бабы живет.

— Его, его! — подтвердили уже ближние. — У Митьки не то что богатства какого, дак даже лопаты — и той нету.

— У меня даже и кочерги нету, — обрадованно соскочил с места Митька. — Как в печке мешать, так и бегу ко Глашке. Она, ежели надо, и подтвердит это. Ни скотины у меня, ничего — все, что есть, все на мне. Да и буквы я знаю, — для большей важности заявил он.

Больше никого предлагать не стали...

КОСТРОМСКИЕ СКАЗКИ

Судьба собирателя этих сказок, скромного приходского священника Александра Степановича Андронникова, сложилась драматично. Родился он в Пыщуге в семье бедного псаломщика, из 12 детей в живых остались только он да сестра. Рано умер отец, передав на попечение сына матери и дочь.

Александр Степанович закончил курс Костромской духовной семинарии и в 1888 г., женившись на дочери священника, бесприданнице к тому же, получил один из самых беднейших приходов в селе Медведиха Варнавинского уезда. Постоянные лишения, голод, несовпадение розовой мечты семинариста об апостольском служении и суровой реальности, где для любимых занятий психологией, медициной, философией не оставалось ни сил, ни времени — все это подорвало его здоровье. Он умер от скоротечной чахотки на 26 году жизни.

За пять лет до смерти в 1888-1889 годах Александр Степанович, изучая быт жителей Медведихи, записывает здесь сказки, которые мы и предлагаем вашему вниманию. В 90-х годах прошлого века вдова его предприняла безуспешную попытку напечатать их где-нибудь. В 1914 году Костромское научное общество по изучению местного края в своих трудах опубликовало эти сказки, остальные же литературные наброски Андронникова: стихи, бытовые очерки, странички из жизни костромского духовенства были утрачены. Без сомнения, это имя достойно того, чтобы быть узнаваемым более широким кругом читателей.

ЧЕГО НА СВЕТЕ НЕ БЫВАЕТ

Жил был барин богатый-пребогатый. Не знал он куда свои деньги девать. Ел-пил сладко, одевался нарядно, гостей у него каждый Божий день столько было, что у иных по праздникам того не бывало. А все у него денег не убывало, еще прибывало.

И захотелось раз барину пошутить над мужиком-дураком себе и гостям на потеху. Призывает он самого бедного мужика из деревни и говорит ему: "Слушай, мужик! Дам я тебе денег целую маленку (четверик), только скажи мне, чего на свете не бывает? Нынче люди до всего дошли: и на черте ездят, и по небу летают, и в Питер по проволоке лапти послать можно. Скажи же — чего на свете не бывает?"

Почесал мужик затылок. "Не знаю, — говорит, — барин, кажись и взаправду все на свете бывает. Дай сроку до завтра, может и вздумаю".

"Ну, поди, подумай, — говорит барин, — а завтра приходи, ответ приноси".

Мужик до петухов не спал, все барскую загадку отгадывал. Раздумает, так и мало ли чего на свете не бывает, а и то в ум придет: может это и бывает, только я не знаю. Ну, да ладно, скажу на удачу, авось чего и не бывает.

На другой день пришел он к барину.

— Ну, что, мужик, теперь знаешь, чего на свете не бывает?

— Одного, барин, не бывает: топором никто не подпоясывается, ног за топорнице не заткнет.

Усмехнулся барин, усмехнулись и гости: видят: мужик-то сер, да ум-то у него не волк съел. Надо маленку отмеривать. Да барин не то денег пожалел, не то хотел еще над мужиком пошутить, кто его знает, только и говорит мужику:

— Нашел, брат, что сказать. У нас подлинно этого не делают, а в чужих землях так сплошь да рядом. Ступай с Богом, до завтра! Придумаешь — ответ принеси.

Продумал мужик и другую ночь. Что ни надумает — все надежда плохая на барские день-

ги. Хитры немцы, думает, у них, может, все бывает. Ну, да скажу еще что-нибудь.

Приходит на утро к барину.

— Ну, мужик, все ли на свете бывает?

— Не все барин: баба попом не бывает, красная девка обедни не служит. Усмехнулись все, только барин опять ему денег не дал.

— Нет, говорит, это бывает: по неметчине и все так. Поди, подумай последний раз! Скажешь, бери деньги, а то не прогневайся.

Плонул с досады мужик, идучи домой, думает: видно одному только не бывать, чтобы у меня деньги были.

Все-таки через ночь опять идет к барину. Наскажу, думает, ему всякой всячины, может, что и небывальщина будет.

— Ну, что хорошенького скажешь, — спрашивает барин, — не узнал ли, чего на свете не бывает?

— Все, барин, бывает, — говорит мужик. — Думал я, что люди хоть на небо не попадают, а здесь сам побывал, теперь поверил, что и это бывает.

— Как же ты на небо попал?

— Покойница жена побывать наказывала и подводу за мной выслала: двух журавлей в разнопряжку; уповодом доехали. Повидался с ней, с ребятишками и к твоей милости ворочился.

— И назад с журавлями?

— Нет, назад я соскочил.

— Как же ты, мужичок, не убился.

— А так, что по уши в землю завяз, не жестка земля попалась.

— Из земли же как вылез?

— Хе!.. Как? А сходил домой, принес лопату, выкопался да и вылез.

— Не видал ли ты на небе покойного барина, моего родителя?

— Как же, видел, к ручке допустить изволили.

— Ну что он там делает? — допрашивает барин.

А мужик то не будь плох, здогадался и говорит:

— Что покойный барин делает? Да после моих ребятишек постилки моет.

— Врешь, мужик-дурак! — закричал барин. — Того на свете не бывает, чтобы барин у холопа нянчился! Бери деньги, да не мели околешицы.

ЧЬЕ МАСТЕРСТВО МУДРЕНЕЕ

Спорил раз немец с русским, чье мастерство мудренее. Немец был часовщик, а русский — простой плотник. Заклад положили по сту рублей. И уговорились, что через неделю сойтись вместе и при честной компании показать всякому свое мастерство. И кто из них хитрее по своей части работу представит, тому и заклад отдать.

Вот прошла неделя. Пришел немец, пришел и русский; и народу много собралось, всем любопытно, — кто кого перехитрит: немец ли русского, или русский верх возьмет?

Первый стал показывать немец. Вот он вынул стеклышко и положил на стол, а на это стеклышко из маленькой коробочки выпустил подкованную блоху. Да, так-таки на все шесть ног по серебряной подковке и подбил! Та по стеклышку прыгает и ножками чик, чик, чик!..

Все диву дались. Ну, хитер немец! Куда тут русскому нос совать? Все же ждут, чем и плотник дивить станет. А у него один топор за поясом.

— Какое, спрашивают, ты изделие свое принес?

— Никакого, — говорит. — А только покажу я вам, какую в топоре верность имею.

И велел он принести со двора деревянный чурбашек; он идучи его заметил. Завязывайте, говорит, мне глаза, я-де и без них обойдусь.

Завязали ему глаза. А он левую руку на чурбан плашмя положил, а в правую топор взял и, что есть силы, промеж пальцами рубить начал, шуда на полвершка топор в чурбан вязнет. Промеж каждым пальцем не один раз ударил.

Тут все не то что диву дались, а и со страху обмерли. Себя де человек искалечит, да и денежки кровные отдаст.

Не тут-то было, Рубил, рубил!..

— Будет ли? — говорит. — А то давай же, немец, и твою блоху, клади на чурбан.. Я и ее топором найду.

Немец и спорить не стал, заклад русскому выдал.

ЗРИ И ПОМНИ

Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Алексеевича Благово, 1739 и 1740 гг.

ОКТАБРЬ

Господи прослави намп имя твое святое. И положих одеяние мое вретисще и бысть им в притгы.

1. Понеделник дождь и день и ночь. Поздравляли принцу Курляндскому. У шурина был я. За мостовое 3 денги. От сестры Аграфены Петро(вны) письмо получил.

Слова Боту 26 Добрынь Золч.

4. Четверток мороз а ден дождь. От Боркова два писма получил.

5. Пяток нарочито. Принято на биржи от англицких купцов Шифнера и Вольфа салдацкаго сукна краснаго 80 аршин 8 вершков в ширину 1 ар. 14 вер. а умокло.

6. Суббота мороз и ден нарочит. Принято от обознаго полковаго Морозова краснаго сукна салдатам на камзолы и штаны на обшлага и на воротники 60 ар. 13 вершков. Яблук на 3 де.

7. Воскресение дождик поутру. Подполковник наш Ушаков послан в посылку.

9. Вторник дождь. Алексаша зачал учить арифметику.

12. Пяток мороз и ден изрядной. В 728-м году сего дня родился сын наш Александр большой и Воронине. Гаруса и клеенки Алексашке на камзол на 2 ал. 4 де.

14. Воскресение мороз и ветер. Карил сукна роззел. Алексаше на мостовое 10 де. Сего дня пополудни сын мой родился мертв. Пошу за молитву 10 де. В ноци снегу напало в оборник.

15. Алексею Даниловичу Мусину Пушкину дано рубль. Принято от него для сохранения шкатулка за замком пуховик подушек 3. Свиныя убита сей ден весу в ней 2 пуда. В Петербурх пришли полки Астраханской и Нижегородской пехотные сего года и месяца.

18. Государыня императрица в зимней дом перешла.

22. По Неве льду много идет. Ночью еще снегу подпало. Через реку Неву мост построен в 1727-м году при 2-м императоре и государе на судах.

26. На караул пошел во дворец по Неве по льду с великою нуждою лед худ. В Киеве я был 1738-м году и во многих городах малоросейских значит в журнале того года.

27. С караула домов пришел через Неву по льду опасно вельми по льду. Зри Алексашкину учителю 1 ру.

29. Понеделник мороз. Корова убита сей день. В ноци горело у галерной гавани боцманов двор загорел и был на пожаре наш полк.

30. Вторник мороз хорошай и дорога зимняя предивная. Подпрапорщиком пожалован я 722-м году маия 13 дня в Москве командовал полком подполковник Волков. В каптенармусы 1722-м году нояб. 29 дня в Петербурге командовал полком господин полковник князь Голлицын. В сержанты 1724-м году февраля 11 дня в Петербурхе командовал полком господин мазор Дмитреев Мамонов во 2-ю роту, Прапорщиком в 1730-м августа 10 дня в Москве по имянному ея им(ператорского) величества указу нашего господина полковника. Подпоручником 1736-м февраля 27

дня в Петербурхе по имянному ея им(ператорского) величества указу. Поручником 1739-м февраля 4 дня в Петербурхе по имянному же ея императорскому величества указу.

31. Среда тепло и изморось. Ездил через реку на лошади на полковой двор. Взял я у камнсара Камышина в зачет жалованью 10 ру. сентябрьской трети сего года и росписку дал. Полковому кузнику Алексею Кузнецову займы дано полтина денег. Сего месяца удержано денег 6 ру. 10 ал. 1 де.

Резтр поручником хто которого числа стоять будет на карауле в трох сутках.

Александр Благово стоял ноября 5, 6, 7 числа.

Василий Воейков ноября 15, 16, 17.

Иван Самарин ноября 25, 26, 27. Селиверстов декабря 5, 6, 7 числа Александр Благово стоял декабря 15, 16, 17.

Рославлев декабря 25, 26, 27.

1740 — генваря 4, 5, 7 обозной Волков 14, 15, 16 стоял в адмиралтействе.

Самарин 25, 26, 27 стоял в адмиралтействе.

Приставился государь царь Иоани Алексеевич от создания мира 7204-м году а от воплощения Сына Божия в 1695-м году генваря 29 дня. Сего же года ноября 21 дня родился я Александр Благово итого по сей 1740-й год 44 года.

НОЯБРЬ

Псаломник. О мне глумляхуся седящий во вратах и о мне пояху пиюший вино.

Спасе и Боже мой низпосли нам святую свою милость в ловитве рыб: молить ради святого Александра Невского победителя немецкого.

1. Четверток снег. От брата Алексея Петро(вича) писмо получил из Твери писанное октяб. 14 дня. Зри команды моей 8 рота в новую квартиру вступила.

2. Пяток волная погода. Гвардии офицерам мундир переменен темно-зеленой вся пара была 739-м году а сего 739-го кафтаны темнозеленой и штаны алые с позументом многим.

5. Понедельник хорошая погода. На караул пошел во адмиралтейство сменил Преображенского поручика Нарышкина.

7. Среда погода добрая. Рыбы на 4 ал. 2 де. Зри из Москвы обозы приходит стали зимним путем.

8. Четверток снег и мороз и добрый путь. С караула сменился из адмиралтейства сменил меня Измайловский поручик Кочетков. За дело бобровой шапки 3 ал. 2 де. Ис турецкого взятого города Хотина полоненных турков привели.

9. Сего года приказано в полку нашем строить ящики новые патронные полковому обозному. Сего года на полке строил я новый мундир.

11. Воскресение мороз великой. Поручик Селиверстов женился.

12. Понедельник мороз изрядной. Герцогу Курляндскому поздравляли сей день родился он. Дров воз 6 ал. У Селиверстова на свадьбе был.

16. Пяток слякоть. От сестры Авдотьи Алексеевны писмо получил с Левкою ис Кашинской деревни. С караула сменился.

17. Шурин мой Иван М. Орлов купил в Пе.бурхе двор 1739-го дал 450 ру. Булгакова.

19. Преображенского полку маэра Албрехта жена умерла.

21. Среда великой мороз и спяние. Поздравляли государыне императрице и были у руки. Сей день праздник полку нашего и обедали во дворце. В 1695-м году сей день я родился будет лет 45. Уксуса на 2 де. Князь Юрья Юрьевич Трубецкой умре 739-м году в Петербурхе.

24. Росийский обер каморгер Бирон объявлен герцоком Курляндским в 737-м году.

27. Вторник дождь и воды везде много. На карауле был во дворце.

30. Полку нашего на ундер офицеров и салдат построен мундир с красными воротниками 739-м году строил я.

— Копия прошения Ирины Михайловны (Михайло Васильевич сын Орлов — ее бапошка).

Деревня моя Плюсково згорела сего года и месяца (ноября) 8 дня.

Сего года и месяца (ноября) князей Долго-руких казнили смертию а именно: князь Ивана Алексеева сына пятерили; князь Василью Лукину сыну князь Сергею да князь Ивану Григорьевым детям головы отсекли в Новгороде. А казнил их по указу Андрей Иванович Ушаков.

В 1695-м году ноября 21 дня родился я Александр Алексеев сын Благово в Клинском уезде в селе моем Воронине.

ДЕКАБРЬ

Азь же уповаю на милость твою вовек века. Псал.

Господи Боже прослави нас и буди прославлен нами в последние дни сего года и во вся лета жизни нашей.

1. Суббота мороз. Куплено Параше алого стамеда 2 ар. на юпку дано 26 ал. 4 де. Туфли угзогі 15 ал. Зеркало и два колца Параше 2 ал. 2 де. Рыбы 50 окуней свежих 3 ал. 2 де. икры красной 3 фун. 2 ал. 3 де.

Приказ был в полк по имянному ея императорского величества изустному указу велено чтоб господа гвардии обор афицеры в дом ея императорского величества на

куртаки и на балы изволили конечно приезжать в каждое воскресенье и в четверток не дожидаясь никаких повесток а приезжали б в собственном богатом платье и в чулках шелковых а ежели у кого собственного богатого платья не имеетца то в строевых богатых мундирах: в щиблетах всегда пополудни в 4-м часу. Сего года и месяца пришел посол Французской в Петербурх.

5. Среда волная погода. Алексашке чулки навести 8 де. Веников на 2 де. Головизна осетровая соленая 2 ал. от города Архангельскова до Свечина писмо получил и семгу. Получено денщиком муки 4 чет. провнантской круп 2 гарнца раздавал 3 роты салдат Баскаков. Чернослива 3 фун. 2 ал. лимон 2 де.

6. Четверток мороз сильной. Поздравляли государыни принцессе.

7. Пяток сильной мороз. На караул пошел во дворец.

8. Субота сильной мороз... Поздравляли принцессе.

Неделя 34 по Пасце глас 1.

9. Понедельник непогод и снег и ветер. Картин в рамках 7 — 7 ал.

11. Вторник волная погода. Полбелушки соленой 7 ал. весом 15 фунтов икры 3 фун. 2 ал. 3 де. Дуга обита медью бутылка вина и 10 де. Сего дня Преображенского полку поручика Матвея Кузмина сына Дубровина разстреляли перед полком за взятки быв у набору рекрут и за прочие предерзости.

14. Пяток волная погода. Поздравляли г(осударыне) императрице в 731-м году сего числа объявить себя изволила полковником в полк наш и обедали во дворце нашего полку офицеры. Дров куплено 4 воза на 20 ал. 4 де. Послу персичкому аудиенция была отъезжает в Персию.

15. Субота волная хорошая погода. На караул пришел во адмиралтейство сменил Преображенского полку порпоручика Суворова.

17. Понедельник погода добрая. Кольцо к дуге и за точку ножниц 10 де.

18. Вторник погода добрая и снег. С караула сменился из адмиралтейства сменил Измайловский поручик князь Борятинский. Поздравляли государыне цесаревне днем рождения ея а родилась в 1709 году. Яблок свежих барштанеля 60 — 2 ал.

22. Взял у Камышина под росписку денег из моего жалованья 10 ру. Веников на 2 де. яблок на 2 де. Детям на игрушки 3 ал. 2 де.

24. Говядины пуд 20 фун. 22 ал. 3 де. Посол французской пришел в Петербурх.

25. Из деревни письмо получил... в селе и деревни обстоят дела слава Богу и дети здоровы. Еровой хлеб перемолочен а ныне молотят рожь. За запасом ко мне поедут за неделю Рождества Христова.

26. Поздравляли государыне императрице с праздником вечерашним и были у руки ея им(ператорского) величест(ва), лошади ногу перековат 1 ал. Полковому попу за славенье 6 ал. 4 де. Китайский посол в Москве был в 1731-м году.

27. Четверток мороз добрый. Сего дня была аудиенция (прием) послу французскому а оной посол говорил некоторые речи а не все в шляпе и руки у государыни императрицы не цаловал.

29. Субота мороз и непогода. Сего года зделан был дом ледяной весь женить в нем князя Голицына а оной внук князь Василью Васильевичу.

31. Понедельник непогода. Меду на 10 де. Сего месяца издержано денег 12 ру. 6 ал. 5 де и пол. Во весь год издержано 285 ру. 19 ал.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Бранделяссы

"Бранделяс"... — это хорошо. Главное, какой звук... есть что-то такое в звуке. Мне более и более кажется, что все литераторы суть "Бранделяссы". В звуке этом то хорошо, что он ничего собою не обозначает. И вот по этому качеству он особенно приложим к литераторам.

"После эпохи Меровингов настала эпоха Бранделясов", — скажет будущий Иловайский. Я думаю, это будет хорошо.

В.В. Розанов "Уединенное".

* * *

А начинаем мы новую рубрику, как и положено в приличных губернских домах, с классического наследия. Для вашей пользы и увеселения, любезный читатель, хотим предложить ряд высказываний об учении и образовании. Смешно или, по Василию Васильевичу Розанову, хорошо здесь то, что все ниже цитируемые знаменитые деятели литературы и культуры основы оного постигали на костромской земле.

«УЧЕБЬЕ — СВЕТА, ИЛИ ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

П.П. КАТЕНИН:

"...Горазд ли ты
грамоте русской?"
Радостный Горек тут
и сам усмехнулся:
"Разве изволили вы
забыть Аполлоса
Саввича с длинной указкой? —
Смешной был покойник..."
(Из поэмы "Пнвалид Горев")

* * *

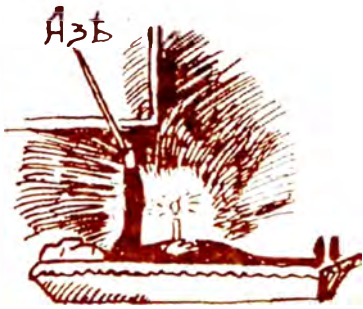
А.Н. ПЛЕЩЕЕВ:

"Уж какое тут учебье!
Разве тут до букварей:
В голове одна забота —
Как бы в поле поскорей!"

(Из стихотворения "Завтра")

Он же:

"... видя, что науки для ее доче-
ри все равно что к стене горох, ре-
шила прекратить уроки и везти
ее в модный пансион, словно пан-

скупил весь квартал, а пустопорожние места застроила новыми лачужками и отдает внаймы по уголкам. Так вот в описанном-то домике живут два рода жильцов: во-первых, квартальный надзиратель Профеев с женой и, во-вторых, Зверобоев, чиновник.

Первую, лучшую половину (два окошка на улицу) занимал квартальный. Его нечего описывать, он не имел ничего особенного, был обыкновенный квартальный надзиратель, форменный, поседевший и растолстевший на службе царю и отечеству. Жена его — это дело другого рода, нельзя не описать, не из дюжинных; она довольно хороша собой, лет с небольшим двадцать, личико беленкое, румяньекое, волосы черные, бровки колесом, говорят, будто она их подкрашивает, ну да это грех невелик, — и по-французскому знает. Она слывет в околodge дамой образованной. С ней, брат, не говоришь, одним словом ограничит, говорит Иван Иванович Зверобоев, сосед их. И на фортепьяно забавляется, поет "Безумную" и "Ты не поверишь" без нот и половину романа "Талисман" по нотам; когда ее просят спеть другую половину, она говорит, что еще разыгрывает (вот уж года четыре). Она недавно вышла замуж больше из интереса, а говорит, что из любви, но вы не верьте ей. Она немного кокетничает, как говорит Иван Иванович Зверобоев, мигая одним глазом, и особенно не может равнодушно смотреть, когда по перелуку идет офицер с черным или белым пером. Зовут ее Анисей Павловной.

Другую худшую половину (одно окошко на улицу и притом верхнее стекло открывается в виде форточк) занимает Иван Иванович Зверобоев. Он ходит в серых брюках и в белом пикетовом жилете летом, а зимой в форменном и во фраке с светлыми пуговицами. Шляпа у него прежде была горохового цвета, а теперь, говорят, купил черную, — все это может быть. Служит он хорошо, забыл только в каком месте, кажется в спротском суде, имеет знак беспорочной службы и уж чуть-чуть не титулярный. От роду ему лет сорок, росту небольшого, немножко рябоват. Лицо цвету светлокоришнего с красными крапинками, волосы заметно редеют, особенно на висках и на маковке; впрочем, он хочет казаться молодым человеком. Он имеет претензию на ум и с особенною важностью и смелостью повторяет суждения, вычитанные из журналов, об наших писателях. Особенно он пленяется Пушкиным, — он купил у Сухаревой башни один том сочинений Пушкина, который и

лежит у него всегда на столе. Говорят, будто он и сам писал стихи, и поэтому приходил к нему А.П.Сл[прзбр] просить оных для помещения в [прзбр], но он из скромности не дал, и поэтому публика не знает ничего об этих грехах его. Говорят также, что он жил на Зацепе, на квартире у одной купчихи третьей гильдии, и, чего злые люди не навидумывают, будто бы так, не платя за квартиру. Когда заговорят с ним об этом, то он всегда сморщит лицо свое и с важностью говорит, что точно жил на Зацепе, но, по разным сплетням, а более потому, что там нет хорошего общества, переехал сюда. Итак, это дело темное, может быть последствия откроют. Теперь приступим к повести.

Была осень. Таинственный полусвет вечера воцарялся над Москвой. Солнце гасло, утопая в розовом море заре. Грустно смотреть, как догорает день осенью. Только одно солнце и живет умирающую природу, и оно гаснет, как гаснет последний румянец на щеках умирающего. Иван Иванович сидел в своей комнате у окошка и наслаждался картиной вечера. Последние лучи солнца отражались на его стеклах, против него в почтительном отдалении сидел пожилой человек в драповом сюртуке, остриженный в скобку. Это был один купец соседний, которого мучила жажда просвещения, и он ходил к Ивану Ивановичу за книжками.

— Ну что, батюшка, читали книжку-то? — сказал Иван Иванович.

— Читал, да только не всю.

— А почему же не всю? — спросил Иван Иванович с удивлением.

— Да так-с, занятого-то ничего нету-с.

— Ах, что вы говорите, Пушкин был величайший поэт, он, так сказать, облагородил русский стих, он первый, так сказать, приучил нас читать легкую поэзию.

— Оно, может быть, что другое и хорошо. А тут такое, что порядочно-му человеку совестно читать-с.

— Да вы что читали-то?

— А вот как какой-то граф к помещице в спальню пришел. Ей-богу, не благоприсойно-с.

— Это, батюшка, значит, что вы отстали от веку, который беспрестанно подвигается и быстрыми шагами идет вперед.

— Вы это про кого говорить изволите, я что-то не понял-с. А вот послушайте лучше мое глупое слово.

— Что такое вы хотите сказать?

— Да вот в "Библиотеке для чтения", я брал ее у приятеля недавно, там под статьею гиморой сказано —

статья не для дам, ну, так и тут бы оговорку сделать — статья, дескать, не для дам, там пускай себе читают, да сочинитель-то по крайности прав, не так ли-с?

— И, да разве вы не видите, что это каламбур. Бар Бар(1) уж такой писатель, что вечно каламбуры пишет.

Тут почтеннейший гость раскланялся и ушел домой. Иван Иванович пришелся в десятый раз с громкими восклицаниями читать Нулина. Потом поужинал и лег спать, как и все порядочные чиновники, в десятом часу.

Вы думаете, что и конец; нет, это еще только начало. Иван Иванович долго лежал, устремивши взоры в потолок, и думал о чем-то, потом погасил свечку и завернулся в одеяло. Но сколько он ни старался, уснуть никак не мог. Воображение его, настроенное чтением Нулина, и соседство хорошей жены квартального рисовало ему разные курьезные вещи, и вместе с тем что-то тяжелое давило ему сердце. Вот он встал с постели, высек огонь, закурил трубку и сел под окошко.

На улице было грязно и темно, хоть глаз выколи; по расчетам полиции, должен был светить месяц, потому и не зажгали фонарей, а почему месяца не оказалось, неизвестно. Только один фонарь подле будки изливало тусклое сияние, и лучи его падали прямо на окошко. Ивану Ивановичу было душно, он опять походил по комнате, подошел к окну и открыл форточку, но это не помогло, какое-то неизвестное томленье тревожило его душу. Вот он встал на колени на окошко и положил голову в форточку, свежий ветер дул ему прямо в лицо, крупные капли дождя падали с крыши прямо ему на нос — это его немало освежило. Он взглянул на будку — хохол будочник сидел на скамейке и что-то мурлыкал. Меланхолия отражалась на его лице и во всех движениях. Вот подошел к нему другой будочник.

1. Що, Трохиме, а який час?

2. Та вже часов дисять е.

1. Еге, а где ты був?

2. Та с фартальным ходили.

1. А где ж вин дивався?

2. Та где, — у Браилови.

1. Еге — а що там?

2. Та що, яки-то немци гуляют.

1. Еге.

2. Музыка грае и якого-то вальца танцуют.

1. Еге, а горилку пьют? — сказал, деля горлом, как будто что глотает.

2. Та як пьют, без усякой лепорщин.

1. Ну, а вин що?

2. Пив, пив и горилку, и пиво, и усе, та як у пляс пустится, так у во всей официши беда.

1. Еге.

2. Я ну швидче от биди втикати.

В голове Ивана Ивановича родилась ужасная мысль. Квартального нет дома, Анисья Павловна одна, подумал Иван Иванович, и граф Нулин пришел ему на память. Тут он с глубоким вздохом слез с окна, надел халат и начал ходить по комнате, собираясь с духом; душа его вертелась между страхом и надеждою. Вот он подошел к двери, взялся за скобку, подумал немного и опять назад. Тут он начал гадать, зажмурил глаза, хоть в комнате было так темно, как в царстве Плутона, повертел пальцем кругом пальца и начал медленно сводить; первый раз сошлись, второй — нет и третий сошлись, в четвертый — нет. Потом раза три он подходил к двери, наконец решился. Дверь скрипнула. Анисья Павловна лежала на постели и читала что-то, вдруг она опустила книгу и устремила свои огненные взоры на Ивана Ивановича: он сконфузился решительно.

— Я так-с, я, ей-богу, ничего-с, не нарочно погасил свечку-с, — пробормотал Иван Иванович и, остановившись у дверей, целомудренно запахнул[ул] рук[ами] халат свой кругом шен.

— Взойдите, Иван Иванович, — сказала Анисья Павловна, наивно улыбаясь.

Иван Иванович нерешительными шагами подошел к кровати.

— Как это вам не стыдно, Иван Иванович, ходить к даме в спальню, — сказала Анисья Павловна шутивым тоном.

Иван Иванович хотел что-то сказать, но запутался в словах.

— Сядьте, Иван Иванович, что вы стоите.

Иван Иванович сел на стул подле кровати. Молчание.

— Ах, вы не поверите, как мне бывает скучно, Иван Иванович, — сказала Анисья Павловна, повысивши голос на два тона и прищурив глазки. По коже Ивана Ивановича пробежал мороз с головы до пяток и обратно.

— Муж редко бывает дома, все одна да одна, да вот до которой поры нейдет, ужасная скука.

— Да они, я думаю, и не придут-с, они, кажется, немножко тово-с, загуляли-с. — сказал Иван Иванович с пленительной улыбкой, потом покраснел и замолчал.

— Ах, Иван Иванович, что это вы так коифузитесь? — сказала Анисья Павловна тоном откровенности. —

Вот я знаю одного студента, такой молодой, с черными усиками, тот гораздо развязнее.

— Вы читали "Графа Нулина"? — сказал Иван Иванович, ободряясь.

— Так что же, вы боитесь такой же развязки; может быть, я буду не так строга.

Но оставим их и посмотрим, что делается на улице.

Женщина немолодых лет, покрытая красным платком по голове и в коричневом драдедамовом салопе подошла к будке.

— Служивой!

— Що тоби?

— Не знаешь ли, голубчик, где тут живет чиновник Зверобоев? Ах, батюшки мои, замучилась, с самых вечереишу, с Зацепы шла.

Будочник. Та бог его знает, как его знать, чего не знаешь.

— Да скажи, пожалуйста, батюшка, уж так и быть, пяточка не пожалею, только бы найти бездельника.

[Будочник]. Та а бог его знает.

— Чай, ведь видишь поутру, в присутствие-то ходят, такой маленький, плешивенький.

Будочник. Та как его знать, чего не знаешь.

— В серых штанах ходит.

Будочник. Да много их тут в серых штанах ходит. Как его знать, чего не знаешь.

— И в белой пуховой шляпе. Одна в Москве.

Будочник. Такого видал.

— Скажи же, голубчик, сделай милость, развяжи меня, с вечеренишу, с Зацепы шла.

Будочник, почесывая затылок. — Шляпа-то важная.

— Да говори же скорей, измаялась, вся душа изныла. — Толкает его под бок.

Будочник. Та що ты дерешься; не в указные часы по улицам шатается, та еще и дерется, та еще, може, так, потаскушка якая.

— Нет не потаскуша, а купчиха московская, мой муж-то две медали имел.

[Будочник]. Видали-ста мы вашего брата. Вот его фатера, — сказал он с пренебрежением, показывая на дом, — ступай соби.

Вдруг сильные удары посыпались в окошко.

— Не муж ли это, посмотрите, Иван Иванович, — сказала Анисья Павловна. Иван Иванович приподнял занавеску, взглянул в окно и начал уничтожаться, даже заметно было, как он уменьшется, — в продолжение одной минуты он уменьшился в полтора раза.

— Что там? — сказала Анисья Павловна.

— Так, ничего, пьяный какой-то ломится.

Вот стук начал утихать. Иван Иванович несколько успокоился. Вдруг дверь растворяется настежь, и московская купчиха является в передней. Иван Иванович прыгнул туда же, захлопнул за собою дверь и заслонил своей персоной.

— Так-то ты, бездельник, делаешь, так-то ты за мою хлеб-соль да за доброе сердце благодаришь, и глаз не кажешь, и не видать тебя, с вечеренишу, с Зацепы шла, — и она прослезилась. Иван Иванович хотел говорить; но язык прильнул к гортани.

— Так ты меня совсем покинуть хочешь, нет, не позволю, не дам себя в обиду, чтобы ты надо мною, над беззащитной вдовой, насмеялся, до енараля пойдю.

— Ах, какой вы непостоянный кавалер, Иван Иванович, — слышался голос Анисьи Павловны из другой комнаты.

— Это еще [кто?] там у тебя,пусти меня, варвар, уж и обзавестись успел,пусти, я там крамболя наделаю.

Иван Иванович защитил собою дверь. Анисья Павловна находилась в осажденном положении. А дама в красном платке уже начала приступить, как вдруг является квартальный надзиратель, поддерживаемый будочниками. Тут началась ужасная сцена. Одна бросилась на квартального с упреками за распутство, другая на Ивана Ивановича с упреками за неверность. Мое перо не в состоянии достойно описать этого. Впрочем, я после справлялся, и мне сказали, что скоро все утихло и кончилось мировой.

1843 г. Декабря 15.

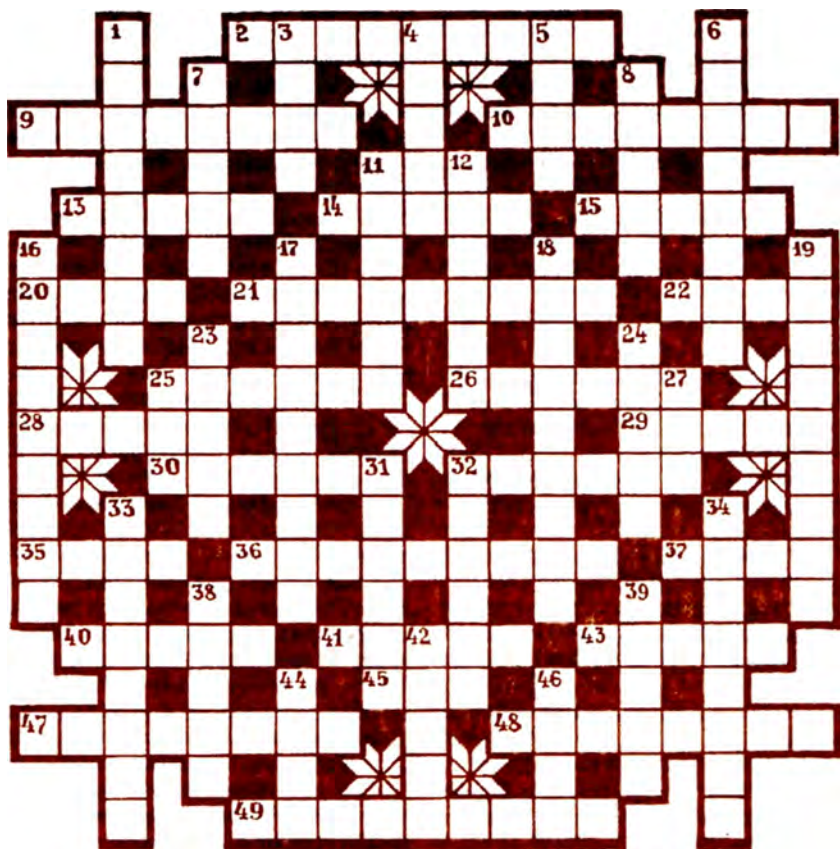
* * *

Мастера — мастерами, но ведь жизнь проистекает... Так что ждем-с, господа... Очень смешные рассказы, стихи и бранделясины принимаются в любом виде, и в любое удобное для вас время.

К Р О С С В О Р Д

По вертикали: 1. Газетный жанр. 3. Город в Германии, родина К.Маркса. 4. Советский хоровой дирижер и фольклорист, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. 5. Драгоценный камень. 6. "Соловьи", "Как-то рано на рассвете..." (автор текстов песен). 7. Автор романа "Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны". 8. Пробел между буквами и словами в типографском наборе. 11. Представительница коренного населения республики в составе РФ. 12. Народный поэт Белоруссии, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. 16. Иносказание. 17. Автор классических произведений для детей. 18. Одна из двух древних славянских азбук. 19. Русский писатель XIX в., уроженец Костромской губернии. 23. Герой произведения М.Горького. 24. Французский писатель, лауреат Нобелевской премии. 25. Сооружение для ремонта судов. 27. Длиннохвостый попугай. 31. Герой романа Т.Семушкина. 32. Восточный курительный прибор. 33. Русский писатель; в 1797 г. ввел в русский алфавит букву «ё». 34. "Родная земля, где мой друг — одесит лежал, обжигаемый боем... Недаром венки ему Родиной свит и назван мой город героем" (автор). 38. Роман И.Ф.Стадиока. 39. Русский композитор, автор симфонических картин на сказочные сюжеты. 42. Русский издатель-просветитель, уроженец Костромской губернии. 44. Стальная пластинка для писания чернилами. 46. Партия для одного голоса.

По горизонтали: 2. Костромской поэт. 9. Государство в Европе, где была создана славянская азбука. 10. Русский советский писатель, автор повестей о современной сельской жизни. 11. Стихотворный размер. 13. Венгерский писатель. 14. Пожитки, старые и всякие домашние вещи. 15. Славянин, представитель основного населения государства Европы. 20. Тарас Шевченко, Якуб Колас, ... Фейхтвангер. 21. "Кто в беде покинул друга, — сам узнает горечь бед" (автор). 22. Русский драматург, театральный критик, мемуарист XIX в., мастер водевильного жанра. 25. Первая в России женщина-офицер, писательница. 26. "Ты навеки нам стала близкою, величавая..." (Э.Нодковский). 28. Стихотворение В.В.Маяковского.

29. Русский актер; с 1888 г. играл в Обществе искусства и литературы. 30. Цвет, колорит на картине. 32. "...красная" — произведение В.М.Шукшина. 35. Константин Абатуров, Владимир Корнилов, ...Бунин. 36. Одна из первых славянских азбук. 37. Государство — родина лауреата Международной Ленинской и Нобелевской премий Пабло Неруды. 40. Болгарский писатель, автор комедии "Искатели теплых местечек". 41. Советский ученый в области электротехники. 43. Ленточка-закладка в книге. 45. Сооружение, до которого склонялась тонкая рябина (песни.). 47. Русский советский писатель-фантаст. 48. Автор текста песни "Партизан Железняк". 49. Поэт, заложивший основы современного русского литературного языка.

Составил Николай ПУШКАРЕВ,
г.Нея

* * *

Ответы на кроссворд,
а также итоги викторины
для школьников ("ГД" 1/96) —
в следующем номере.

ГУБЕРНСКИЙ 3/96 ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Любезные читатели!

Тема следующего номера журнала — история и культура города Буя, которому летом исполняется 460 лет

Итак, читайте:

Житье-бытье на Кореге.

Телешовские прялки.

Пироги в Буйском уезде.

Литературное семейство Жадовских.

Новые материалы о знаменитых земляках: царе-самозванце Отрепьеве, царском спасителе Комиссарове, декабристе Корсакове...

А еще смеем напомнить, что в мае заканчивается подписка на "Губернский дом" на второе полугодие 1996 года. Подписка (три номера журнала) принимается во всех отделениях связи по прежней цене: для организаций — 20.268 руб., индивидуальная — 14.268 рублей. Каждый номер журнала можно будет выписать и позже, но при этом подписная цена возрастет.

Во втором полугодии печатается:

Николай Сумароков. Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии.

Юрий Бартенев. Золотовская летопись.

Виктор Бочков. Из дневников.

Ксения Котляревская. Жизнь с вещью.

Виктор Хохлов. Большая родня.

Индекс журнала — 73711

Милости просим в «Губернский дом»

Редактор Николай Муренин
Художественное оформление Юрия Бекишева, Василия Чистова
Фото Георгия Белякова, Сергея Калинина
Исторические снимки из фондов областного государственного архива
и областного музея-заповедника
Компьютерная верстка — Дмитрий Кротков

Адрес редакции: 156000, г.Кострома, пр.Мира, 7, тел. 51-67-38.

Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 15.03.96 г. Подписано к печати 17.04.96 г.

Печать офсетная. Объем 10 п. л. Тираж 1500 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала "Губернский дом",
отпечатано в областной типографии им.М.Горького
управления по делам печати и массовой информации администрации
Костромской области, г.Кострома, ул.Щербины, 2.

ГЛАГОЛИЦА			УСТАВ		ПОЛУ-УСТАВ КОНЦА XVII В.	СКОРОПИСЬ		ГРАЖДАНСКАЯ СКОРОПИСЬ КОНЦА XVII В И НАЧАЛА XVIII В	ГРАЖДАНСКОЕ ПИСЬМО НАЧАЛА XVIII В	СОВРЕМЕННОЕ ПИСЬМО
БОЛГАР. XI В.	ХОРВАТ. XV В.	ЧИСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ	XI В	ЧИСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ		XV В.	XVI П			
Ѡ	Ѡ	1	А	1	А	А	α	А а а	А а	А а а
Ѣ	Ѣ	2	Б	—	Б	б	б	Б Б	б б	Б б
Ѧ	Ѧ	3	В	2	В	в	в	В В	в в	В в в
Ѧ	Ѧ	4	Г	3	Г	г	г	Г Г	Г	Г г
Ѧ	Ѧ	5	Д	4	Д	Д	Д	Д Д	Д	Д д д
Ѧ	Ѧ	6	Е	5	Е	Е	Е	Е Е	Е Е	Е е
Ѧ	Ѧ	7	Ж	—	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж ж
Ѧ	Ѧ	8, 9	З	6, 7	З	З	З	З З	З	З з
Ѧ	Ѧ	10	И	8	И	и	и	И	И	И и
Ѧ	Ѧ	40	К	20	К	к	к	К К	К	К к
Ѧ	Ѧ	50	Л	30	Л	л	л	Л Л	Л	Л л
Ѧ	Ѧ	60	М	40	М	м	м	М М	М М	М м
Ѧ	Ѧ	70	Н	50	Н	н	н	Н Н	Н	Н н
Ѧ	Ѧ	80	О	70	О	о	о	О О	О о	О о
Ѧ	Ѧ	90	П	80	П	п	п	П П	П п	П п
Ѧ	Ѧ	100	Р	100	Р	р	р	Р Р	Р	Р р
Ѧ	Ѧ	200	С	200	С	с	с	С С	С с	С с
Ѧ	Ѧ	300	Т	300	Т	т	т	Т Т	Т т	Т т
Ѧ	Ѧ	400	У	400	У	у	у	У У	У у	У у
Ѧ	Ѧ	600	Х	600	Х	х	х	Х Х	Х	Х х
Ѧ	Ѧ	900	Ц	900	Ц	ц	ц	Ц Ц	Ц ц	Ц ц
Ѧ	Ѧ	1000	Ч	90	Ч	ч	ч	Ч Ч	Ч	Ч ч
Ѧ	Ѧ	—	Ш	—	Ш	ш	ш	Ш	ш	Ш ш
Ѧ	Ѧ	—	Щ	—	Щ	щ	щ	Щ	щ	Щ щ
Ѧ	—	—	Ъ	—	Ъ	ъ	ъ	Ъ	ъ	—
Ѧ	Ѧ	—	Ѣ	—	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	—
Ѧ	—	—	Ы	—	Ы	ы	ы	Ы	ы	Ы ы
Ѧ	Ѧ	—	Ю	—	Ю	ю	ю	Ю	ю	Ю ю
Ѧ	—	—	Ѧ	900, 90	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ Ѧ

Таблица эволюции русского письма.